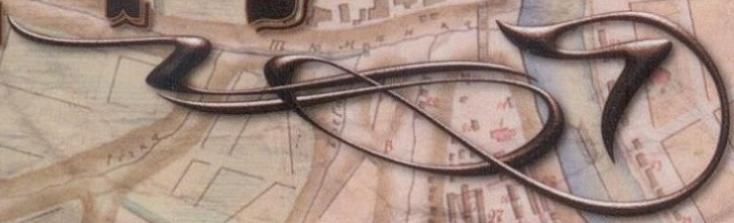

26.89

579

большое Городище

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

2015 №2 (35)

Я никогда не говорил, что рамки все. Я сам первое место отвожу духу. Наилучшие рамки — это хорошо содержимое кладбище. Идеал порядка. Лежат себе покойники смирно и гниют потихоньку. Дух отлетел и в оставшихся рамках действуют и живут только черви, пока не затрубит труба Архангела...

С.Ф. Шаронов.

(Из полемики с кн. В.П. Мещерским)

«Лукич» издается с июня 1998 г.

Приостановлен в декабре 2003 г.

Всего увидело свет 27 частей.

**В 2008 и 2009 гг. вышло четыре номера
стенгазеты «Лук & Чок».**

«Лукич вернулся» в 2010 г.

с порядковым номером 32.

Часть 33 датирована апрелем 2011 г.

Нумерация издания общая.

Теплушка по гибкому тарифу

Мое недавнее путешествие в столицу было безнадежно испорчено Российскими железными дорогами.

Стояла дикая жара. Выбор плацкартного вагона был продиктован отнюдь не желанием изучить, как живет народ в России. Цена билета была все равно выше, нежели стоимость авиаперелета на бюджетной «Победе». Открытые фрамуги допотопного вагона скорого поезда все равно не спасали от потливости, запаха носков (вспомните песню Тимура Шаова об этом) и жажды. Во время службы в Туркмении от последней помогал кипяток, который военнослужащий в любое время суток мог налить из крана. РЖД явно солдатским интеллектом не страдала. Когда включали вентиляцию — вырубался кипятильник. Включали приспособление для нагрева воды — пассажиры начинали ратовать за приток воздуха из открытой форточки.

Такое весьма непристойное неудобство пыталась скрасить афиша, почему-то наклеенная на дверь туалета, обязательно закрывающегося перед более-менее крупной станцией. В ней говорилось, что теперь на поездах РЖД мы можем ездить по гибкому тарифу (очевидно, нечто из нанотехнологий). И указывались коэффициенты. Какое это имеет отношение к качеству моей поездке, я не понимал.

Наша пропаганда совсем потеряла лицо, если не сказать честнее — разум. Я иногда слушаю речи кичливого местного начальства, что теперь мы можем спокойно записаться на прием врачу. Для этого, мол, существует миллион способов. И кажется, что не выросла еще та глушилка, которая может заткнуть глотку бредовой рекламе. Ибо она не то чтобы напоминает, а является калькой с анекдота брежневских времен: «Мы собрались всем коллективом, скинулись и купили Имяреку очередь на дешевую стенку». Так вот, нас теперь всех поставили в очередь, чтобы мы могли через страховые компании обеспечить жизнебытие врачебного корпуса, гарантирующего нам разве что диагностику. Да и не всегда качественную. Для лечения больного отведенного

нормами времени не хватает. Иногда оно отсутствует даже для элементарного «здратье» из уст врача в кабинете последнего. Но зато мы теперь все в единой благотворительной очереди, которая кому-то обязательно поможет. Но все равно мы должны радоваться: мы уже стоим в ней. Вот только поможет ли это нам?

И я, глядя на аккуратно и тщательно засранный туалет моего вагона, вспоминаю отнюдь не биотуалеты, которые наличествуют даже в нашей стране, а о той теплушке, на которой в начале 60-х годов, в хрущевские еще времена, моя давно уже покойная, тогда семнадцатилетняя сестра Галя возила скот с откормсовхоза в столицу. Кормить высокое начальство экологически чистыми продуктами. И понимаю, что ничего не изменилось. Мы едем, практически все, в теплушке. Правда, на этот раз нам предлагают более гибкий тариф. Как в телевизионной рекламе лекарства от запоров...

Половину мизерного тиража первого номера «Большого городища», изданного на собственные средства, приобрела городская библиотечная система. Радовало ли это меня? Рентабельности достичь я все равно не мог. А вот посмотреть на отношение к краеведческому альманаху было интересно. Этаким социальный эксперимент.

После выхода тридцать второго «Лукича», в который попали материалы из «Большого Г.»¹, вышеназванная библиотека также приобрела половину тиража. Плюс шестнадцать экземпляров рассылки, плюс авторские для контроля за соблюдением прав. Номер в продажу не поступал вообще.

Поскольку в журнале была рассказана история с пионерным номером «Большого Г.» «Лукич», № 32, затерялся на пару лет в отделе комплектации той же СИСТЕМЫ. Цензурная практика нарабатывалась властью через сеть своих якобы культурных учреждений. А когда номер все-таки появился в читальном зале литературно-краеведческого центра, то кто же читает старые журналы? Я уже писал об этом, как о сюжете из детективного романа Пьера Валё «Гибель 31-го отдела». Талантливые, знающие, собранные вместе за одной высокой стеной, которым позволяют даже издавать журнал... для очень далеких потомков. Если китайцам это будет интересно...

А если бы читали краеведческую периодику, то, может, и постеснялись бы тратить бюджетные деньги на памятник А.И. Текутьеву.

¹ Мандрика Ю.Л. Жить по эвклидовой геометрии // Лукич. 2010. Апр., ч. 32. С. 109–112. См. также: Мандрика Ю.Л. Слово редактора// Большое городище. 2014. № 1 (34). С. 4.

Так случилось и с вышедшим в прошлом году первым номером «Большого городища». Даже через полгода после попадания в «культурное» рабство он никак не мог доехать из отдела комплектации, что на Карской, до пересечения Первомайской с Республикой в здание, где раньше помещался магазин «Андрей».

«Большое городище» уже можно было получить в РГБ, столичной Исторической библиотеке, но местные цензурные жернова были гораздо круче. После высказанных слов возмущения на областном радиовещании, в сюжете на телевидении, в разговоре с советником одного из заместителей губернатора, курирующего культурную сферу... Обязательно каждый раз упоминал о декларации в Конституции страны невозможности цензуры из-за ее отсутствия. Мол, не пора ли и до прокуратуры добраться. До жирафа доходит быстрее... Но наконец-то более чем через полгода экземпляр дополз до места назначения. Экземпляр, увы, уже прошлогоднего журнала...

Все равно, даже при маленьком тираже последнего, ты думаешь: как ему найти читателя? На покупку библиотекой я уже не надеялся. Но директором был принят (первый раз после наших идеологических разногласий), обласкан, напоен чаем с моими булочками, принесенными из кафе родителей моего врача Полека. Счет на покупку был подписан... А затем начались на этот раз якобы юридические препятствия. Закон о госзакупках... И ничто в мире не могло уже позволить приобрести даже один экземпляр для библиотеки, которая проводит общегородской краеведческий конкурс. Иногда мне кажется, что Аракчеев в юбке был гораздо симпатичнее нынешних культурных чинуш...

...Теплушка продолжала ехать как и в былые времена, и все давно уверовали, что закрывать туалет за два часа до столицы — это нормально. И никому не приходило в голову, что иногда в вагоне приходится искать тот угол, чтобы справить свою нужду!

Свежий воздух! Дышите глубже!

большое Городище №2 (35)

**Редактор-
издатель**

Ю. Мандрика

**Адрес редакции
(для переписки):**

625003, г. Тюмень,
ул. Республики, д. 10/2.
Тел. +7(922) 48-369-48
E-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Подписано в печать 13.07.2015.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «PeterburgC».

Офсетная печать.

Бумага офсетная № 1.

Усл.-печ. 14,93

Уч.-изд. 11,52

Тираж 50.

Отпечатано на полиграфкомбинате
«Зауралье»
640022, г. Курган, ул. Карла Маркса,
д. 106. Тел.: 8-352-2-65-55-09.

Сергей Кубочкин

Тюменская «фабрика ангелов» *(из истории Владимирского сиропитательного заведения)*

70-е годы XIX в. в истории Тюмени были богаты на события. Это преобразование женского училища в прогимназию (1871), организация промышленной выставки в Тюмени (1871), введение в Тюмени Городового положения и учреждение городской управы (1872), деятельность кружка-коммуны К.Н. Высоцкого и издание им в течение всего одного года (1879) первой сибирской газеты «Сибирский листок объявлений». Кроме того, это десятилетие выделяется подъемом, а лучше сказать, взрывом благотворительности местного купечества.

В 1875 г. тюменский 1-й гильдии купец Прокопий Иванович Подаруев заявляет о своем желании построить здание для будущего реального училища. Оно было построено и стало одним из лучших училищ в России.

В 1879 г. тюменский 1-й гильдии купец Иван Петрович Войнов в память о чудесном спасении государя императора Александра II выразил желание «устроить на свое иждивение родильно-воспитательный приют». Роддом Войнова больше ста лет служил городу.

Но первыми в этой достойной компании семидесятников были довольно пожилой тюменский 2-й гильдии купец Семен Михайлович Трусов и его дочь Фотина¹ Семеновна Серебрякова, построившие в Тюмени на свои средства сиропитательно-ремесленное заведение (1872). Этому учреждению, так же как и многим сиротам, для которых оно, собственно, и создавалось, выпала непростая судьба.

История сиропитательного заведения началась с посещения Тюмени в июле 1868 г. великим князем Владимиром Александровичем. Два неполных дня провел в Тюмени высокий гость. За это время он ознакомился с городом, поприступствовал на открытии Выставки местных произведений промышленности, ремесел и сельского хозяйства, посадил в Загородном саду кедр и уехал.

¹ Иногда ее называли Фотинья.

В январе 1870 г. потомственный почетный гражданин Семен Михайлович Трусов подал на имя губернатора Тобольской губернии докладную записку, в которой заявил о желании устроить за свой счет сиропитательное заведение в память посещения Тюмени великим князем Владимиром Александровичем. Для этого купец Трусов собирался построить двухэтажный каменный дом с хозяйственными постройками и вложить в Тюменский Общественный банк 10-тысячный капитал, проценты с которого использовались бы на содержание заведения. Семен Михайлович хотел, чтобы в заведении «дети бедных сословий могли ознакомиться с ремеслами настолько, чтобы впоследствии они могли зарабатывать себе на пропитание своим собственным трудом».

Может возникнуть вопрос: почему так долго раздумывал Семен Михайлович, ведь после визита великого князя прошло полтора года? На самом же деле свое заявление он сделал не на пустом месте и не сразу после того, как эта мысль пришла ему в голову. Ко времени заявления им было сделано немало: найдено и куплено «пустопорожнее» место в городе под строительство сиротского дома. «21 января 1869 г. внесено в Тюменскую городскую думу за отведенное место земли для построения сиропитательного дома, которое находится в 1 участке города в приходе церкви Нерукотворенного образа Христа Спасителя. По плану и удостоверению архитектора место земли по тракту Тобольскому — 17 сажень² и по улице на площадь — 65 сажень, денег — 112 рублей»³. То есть через полгода после визита великого князя купец Трусов уже купил место под будущее строительство.

Но чтобы купить землю, надо было знать, какой площади необходим участок, а значит, иметь представление о том, какого размера необходимо построить здание, на какое количество сирот оно должно быть рассчитано, какие дополнительные службы должны быть построены на купленном участке земли. Другими словами, иметь полное представление об объекте будущего строительства. На это Семену Михайловичу и потребовалось полгода. Надо учитывать, что в то время на запрашивание сведений об аналогичных заведениях, тем более в частном порядке, могло уйти несколько месяцев. Так что Семен Михайлович Трусов по тем временам (да и по своему возрасту) был очень расторопным.

² Равно 2,13 метра.

³ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 130 об.

В это время тобольский губернатор, зная опыт подобного учреждения в Тобольске, жертвуемый Трусовым капитал (10 тыс. руб.) для обеспечения содержания предполагаемого заведения посчитал незначительным. Он предложил Тюменской городской думе принять на себя не только заботу по первоначальной организации этого заведения, но и меры к увеличению средств, которые могли бы обеспечить сиропитательное заведение в дальнейшем.

В марте 1870 г. в городскую думу от С.М. Трусова поступил, для передачи в Общественный банк на хранение, обещанный капитал в 10000 руб., а в течение 1871 и 1872 гг. от него поступило еще 5000 руб. Его дочь Фотина Семеновна в 1871 г. внесла в Тюменский городской банк на вечное хранение 10000 руб., причем банк обязался ежегодно выдавать сиропитательному заведению по 2000 руб. Кроме того, Семен Михайлович в разное время пожертвовал на эти же цели еще более 7000 руб.

24 апреля 1872 г. Тобольский губернатор передал Ф.С. Серебряковой за пожертвование ею 10 тыс. руб. на сиропитательное заведение благодарность императора Александра II «в 25 день февраля сего года высочайше повелеть соизволил благодарить Вас»⁴. По всей видимости, в то время женщины нечасто жертвовали такие большие средства на благотворительные цели.

В ответ на предложение губернатора Тюменской городской думой была объявлена подписка по сбору пожертвований для образования основного капитала для сиропитательного заведения.

Значительные пожертвования были сделаны великим князем Владимиром Александровичем и великою княгиней Марией Павловной (1200 руб.), тюменскими купцами Г.Т. Молодых (1221 руб.), Ф.С. Колмогоровым (оставлено по завещанию 5000 руб.), И.С. Колмогоровым (оставлено по завещанию 1000 руб.), Н.А. Тюфиным (682 руб.), П.И. Подаруевым (641 руб.), А.Ф. Поклевским (550 руб.), П.А. Андреевым (519 руб.), И.Г. Решетниковым (498 руб.), П.И. Матягиным (441 руб.), Н.И. Давыдовским (353 руб.), Е.А. Котовщиковым (310 руб.), И.П. Войновым (291 руб.), А.И. Решетниковым (200 руб.).

Кроме того, средства пожертвовали: К. Проскурякова (оставлено по завещанию 10000 руб.), Д.Я. Щетинина (1000 руб.), П.Ф. Колмогорова (1221 руб., в т.ч. 1000 руб. на стипендию в память Ф.В. Барашко-

⁴ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л.165.

вой), И.Г. Войнова (2123 руб.). Сверх того, Ирина Григорьевна Войнова внесла в тюменский ломбард на образование основного капитала 4000 руб., с тем чтобы ломбард ежегодно выдавал начиная с 1893 г. сиропитательному заведению по 100 руб., Т.А. Пеньевская 1260 руб. (в том числе по завещанию 1000 руб.). Многие тюменцы откликнулись на добрую инициативу и, насколько позволяло их материальное положение, жертвовали и более мелкие суммы. Как писал современник: «судя по массе пожертвований на это дело, едва ли найдется в Тюмени хотя бы одна базарная торговка, которая не принесла бы сироптам хотя бы раз связку баранок или сайку».

В ответ на ходатайство Семена Михайловича Трусова 7 августа 1871 г. на его имя поступила телеграмма, в которой великий князь Владимир Александрович соглашался на принятие им звания почетного члена сиропитательного заведения, а также на присвоение заведению его имени. Александр II утвердил наименование заведения 27 октября 1871 г., о чем была поставлена в известность городская дума. Оно стало называться — Владимирское сиропитательно-ремесленное заведение.

Предложение губернатора, в котором городской думе рекомендовалось принять более активное участие в судьбе сиропитательного заведения, было рассмотрено. 17 августа 1871 г. Тюменская городская дума вынесла решение: «городское общество при всем своем желании не может принять на свой счет содержания сиропитательного заведения». Судя по длительности рассмотрения этого вопроса, решение, видимо, далось нелегко. Учитывая, что во вновь создаваемом заведении планировалось воспитывать в т.ч. и детей ссыльных, дума решила ходатайствовать перед Тюменским тюремным отделением об отчислении из имеющихся в его распоряжении благотворительных капиталов процентов на содержание заведения. Такое разрешение было получено, и уже в 1871 г. было отчислено 367 руб. 60 коп. в пользу сиропитательного заведения.

Между тем строительство здания началось, а подрядчиком выступил некто Петр Перемыкин. По контракту он должен был, кроме возведения самого здания и служб, настелить полы, установить окна и двери. Вся работа была оценена в 14100 руб. и отдельно за тротуары — 50 руб. Непредвиденные расходы при постройке дома составили 189 руб. 60 коп. Для будущего сиропитательного заведения его устроителями были приобретены «икона во имя Св. князя Владимира в

серебряной ризе весом 1 ф. 22 зол., с позолоченным венцом, в киоте с гладким отливом, стоящая 64 руб. 48 коп., и икона во имя Св. Симеона Богоприимца в серебряной ризе весом 1 ф. 20 $\frac{1}{2}$ зол. с позолоченным венцом, в киоте с гладким отливом — 63 руб. 39 коп.»⁵. Кроме того, для заведения был приобретен портрет великого князя Владимiра Александровича в позолоченной раме стоимостью 161 руб.

В августе 1871 г. двухэтажный каменный дом со всеми надворными строениями был построен на окраине города, по правую сторону Сибирского тракта, сразу за Базарной площадью.

2 сентября Семен Михайлович Трусов обратился в городскую думу с заявлением, в котором просил городское общество принять «такое имущество в свое полное заведывание и распоряжение на вечное время и сделать распоряжение о совершении на сей предмет крепостного документа». На следующий день общественным приговором было решено: принести Семену Михайловичу Трусову глубокую благодарность и поручить городской думе, принять имущество в собственность города.

29 октября 1871 г. был составлен акт о принятии в ведение Тюменского городского общества вновь устроенного сиропитательного заведения. В процедуре осмотра и приема приняли участие члены городской думы, С.М. Трусов и производитель работ архитектор Тюмени. Такая представительная комиссия нашла, что «устроенные помещения вполне согласны утвержденному проекту»⁶.

Вот как описано вновь построенное здание заведения в приемочной описи.

Каменный 2-х этажный дом «длиною 12 сажен 2 аршина⁷ 4 вершка⁸, шириною 9 сажен, вышиною от земли до крыши 4 сажени 1 аршин 4 вершка, покрыт железом».

На первом этаже здание имело 21 окно, в каждом окне две оконные рамы — «летние створные с медными приборами. Оконные рамы окрашены масляною краской под дуб. В каждой раме по 9 бемских⁹ стекол. Дверей в нижнем этаже 15, при каждой внутренней двери медный прибор, а при двух дверях прибор железный. Двери окраше-

⁵ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 130 об.

⁶ Там же. Л. 88.

⁷ Равен 0, 71 м.

⁸ Равен 4,4 см.

⁹ Оконное стекло высокого качества.

ны масляной краской с разделкою под дуб. Печей голландских кирпичных — 7, при каждой печи две дверцы чугунные и душник медный. Сверх сего, пред каждой печью — железный лист. Сверх голландских, имеется одна круглая железная печь».

Первый этаж имел коридор во всю длину дома, двое сеней, «одно ретирадное место¹⁰ и семь чистых комнат». Полы по всему первому этажу окрашены масляной желтой краской, стены и потолки оштукатурены и побелены. На второй этаж вели две внутренние лестницы с балюстрадой. Два наружных крыльца имели железные навесы.

На втором этаже было 23 окна с двойными рамами, окрашенными под дуб. Дверей на втором этаже — 11, «при каждой двери медный прибор. Двери окрашены масляной краской с разделкою под дуб. Печей голландских кирпичных — 7 и одна круглая»¹¹. На втором этаже общий коридор, «семь чистых комнат, две передние пред лестницей и одно ретирадное место». Полы также окрашены масляной краской желтого цвета, стены и потолки оштукатурены и побелены. Кроме того, в стенах второго этажа — 12 душников для очистки воздуха.

В доме 6 классных столов и 4 стола с четырьмя скамейками для столовых. Крыша дома, оба крыльца и наружные подоконники выкрашены масляной краской зеленого цвета.

¹⁰ Туалет.

¹¹ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 89.

Территория сиропитательного заведения была обнесена забором, окрашенным масляной краской. Имелись двое наружных ворот и одни внутренние, которые отделяли «чистый двор от огородного места».

По улице перед сиропитательным заведением были сделаны тротуары шириной 2 аршина и общей длиной 30 сажен. При тротуаре было поставлено 7 столбов для фонарей и 19 малых тротуарных столбиков. Столбы и столбики были окрашены масляной краской.

Отдельный деревянный корпус был отведен кухне с хлебопекарней. Кухня от хлебопекарни была отделена капитальной стеной. В хлебопекарне — одна русская печь и очаг с чугунным котлом на 12 ведер. Среди других хозяйственных построек были баня с прачечной, два амбара, погреба, завозни, стойла для скота с сеновалом.

Между линиями хозяйственных строений и перед боковым, выходящим во двор, фасадом сиротского дома, был разбит обширный плац, с установленным на нем столбом для исполинских шагов. В глубине двора отведено место для огорода, обращенное на юго-запад. По свидетельству современников, «простора, свежего воздуха много, местоположение заведения одно из самых здоровых в городе»¹². Вся территория, отведенная городом заведению и составляющая 1920 квадратных сажен (64 сажени вдоль торговой площади и 30 по улице), обнесена красивым и прочным забором. В 1895 г. заведению дополнительно город выделил для устройства сада землю площадью почти 900 квадратных сажен.

Странное дело, но желание С.М. Трусова построить сиропитательное заведение напрямую отразилось на его дочери Фотине Семеновне, бывшей замужем за полковником Дмитрием Михайловичем Серебряковым¹³. Лишь только было построено здание для сиропитательного заведения и еще не закончена внутренняя отделка, как к дому Серебряковых стали подбрасывать грудных детей.

Безусловно, это добавляло не только душевных переживаний, неизбежно вставал вопрос: что делать с грудными детьми, всех усыновить невозможно, а тогда куда и к кому их определять. Детских домов в Тюмени в то время не существовало, и единственным выходом из этих ситуаций был поиск усыновителей. Занятие хлопотное и

¹² ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 18–19.

¹³ Отставной полковник Дмитрий Михайлович Серебряков умер 16 декабря 1876 г. в возрасте 75 лет, похоронен в ограде Успенской церкви г. Тюмени (ГАТюмО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 71. Л. 76 об.).

решалось, скорее всего, денежной компенсацией тем, кто решался усыновить подкидышей. Примечательно, что даже при работающем сиропитательном заведении нежеланных детей продолжали нести к их дому.

Ниже приведены выписки из метрических книг Успенской церкви, прихожанами которой являлись Серебряковы.

«25 января 1872 г. младенец Иоанн подкинут к дому отставного полковника Д.М. Серебрякова и его жены».

«27 сентября 1872 г. младенец Пелагея подкинут к дому отставного полковника Д.М. Серебрякова».

«24 октября 1873 г. младенец Параскева подкинут к дому Серебряковых Д.М. и Ф.М.».

«22 апреля 1876 г. младенец Степан подкинут к дому отставного полковника Д.М. Серебрякова».

«16 июня 1876 г. младенец Ефросинья подкинут к дому отставного полковника Д.М. Серебрякова».

«30 января 1878 г. подкинут к дому вдовы полковницы Ф.С. Серебряковой младенец Агафья».

«3 октября 1878 г. подкинут младенец мужского пола к дому вдовы полковницы Ф.С. Серебряковой».

«25 октября 1878 г. младенец Дмитрий подкинут к дому Ф.С. Серебряковой».

«18 марта 1879 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Евдокия».

«4 мая 1879 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Матрона».

«5 мая 1879 г. подкинут к дому полковницы Ф.С. Серебряковой младенец Марианна».

«9 июня 1879 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Александр».

«14 октября 1879 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Александра».

«18 ноября 1879 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец, окрещенный в Августу».

«6 марта 1880 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Аркадий».

«8 ноября 1880 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Антонина».

«24 марта 1882 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Гавриил».

«29 июня 1882 г. подкинут к дому вдовы Ф.С. Серебряковой младенец Семен».

Между тем еще до передачи здания в ведение города началась подготовительная работа по проекту устава заведения. Так как опыта составления подобного документа в Тюмени не было, тобольский губернатор прислал образцы уставов Тобольского сиропитательного заведения, Омского благотворительного общества и Положение о Тобольской ремесленной школе. На основе этих документов тюменцы должны были создать свой устав сиропитательного заведения.

Для разработки проекта устава и изыскания дополнительных источников по содержанию заведения 7 октября 1871 г. по решению городского общества был создан комитет.

В него вошли помимо городского головы, в тот период это был Прокопий Иванович Подаруев, С.М. Трусов, 1-й гильдии купец Г.Т. Молодых, купцы 2-й гильдии Н.М. Чукмалдин и Н.Г. Чмутин, а также мещане Е.С. Байдаков и Я.П. Махилев.

Известный в дальнейшем купец и благотворитель Н.М. Чукмалдин занял в комитете должность делопроизводителя. Во многом благодаря его активной деятельности в этой должности появились расчеты ежегодных и единовременных расходов будущего заведения. Стало детально понятно, сколько средств необходимо изыскивать комитету. На заседании комитета 10 января 1872 г. Николай Мартемьянович сделал сообщение по сделанному им предварительному расчету: «При открытии Владимирского сиропитательного заведения на 25 человек воспитанников сирот нужно денежных расходов в течение года не менее 4000 руб. и единовременно на обзаведение мебели, инструмента и учебных пособий — 1500 руб.»¹⁴.

Ниже приведены расчеты, сделанные Н.М. Чукмалдиным.

Единовременно при открытии сиропитательного заведения необходимо:

1. Совершение крепостного акта (оформление документов на здание) — 650 руб.
2. Одна лошадь — 50 руб.
3. Две коровы — 30 руб.

¹⁴ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л.115.

4. Телега, сани и упряжь — 50 руб.
 5. Мебель для квартиры учителей — 50 руб.
 6. Подсвечники — 25 руб.
 7. Кухонная посуда — 50 руб.
 8. Столы, скамьи и прочее — 100 руб.
 9. Токарный станок — 150 руб.
 10. Учебные пособия: книги, атласы, глобусы, инструменты для ремесел и проч. — 300 руб.
 11. Непредвиденные расходы — 45 руб.
-
- Итого:* 1500 руб.

Ежегодные расходы:

1. Законоучитель — 1 с жалованьем 100 руб.;
 2. Смотритель заведения, он же учитель — 1 с жалованьем 500 руб.;
 3. Надзирательница, она же учительница — 1 с жалованьем 300 руб.;
 4. Мастер по ремеслам и мастерица по рукоделию — 2 с жалованьем по 100 руб. = 200 руб.;
 5. Эконом — 1 с жалованьем 300 руб.;
 6. Кухарка — 2 с жалованьем по 50 руб. = 100 руб.;
 7. Караульные — 2 с жалованьем по 100 руб. = 200 руб.;
 8. Прислуга — 2 с жалованием по 100 руб. = 200 руб.;
 9. Пища и одежда: для 15 мальчиков по 60 руб. каждому = 900 руб.;
 - для 10 девочек по 70 руб. каждой = 700 руб.;
 10. Отопление здания — 170 руб.;
 11. Освещение — 121 руб. 50 коп.;
 12. Содержание: 1 лошади — 50 руб., 2-х коров — 33 руб. 50 коп.
 13. Страхование здания — 125 руб.
-
- Итого:* 4000 руб.

Ежегодный приход на содержание сиропитательного заведения:

1. Процент на капитал 15000 руб., пожертвованных С.М. Трусовым и вложенных в банк из 6,5% годовых — 975 руб.
2. Процент на капитал 10000 руб., пожертвованный Ф.С. Серебряковой, — 650 руб.

3. Процент на капитал 2300 руб., собранных по добровольной подписке — 149 руб. 50 коп.

4. От тюменского тюремного отделения — 367 руб. 60 коп.

Итого: 2142 руб. 10 коп.

Реальный доход от пожертвованного капитала значительно отставал от необходимого размера, поэтому комитет заведения выступил организатором мероприятий для сбора дополнительных средств. 6 сентября 1871 г. был проведен бал-базар в пользу сиропитательного заведения. Благотворительную торговлю на этом мероприятии вели в основном супруги известных тюменских купцов.

На бал-базаре было продано 214 билетов на сумму 107 руб. В импровизированных торговых лавочках шла довольно бойкая торговля, жаль, что неизвестно, чем они торговали. Купеческие жены показали, что они достойны своих мужей. За один вечер их общая выручка составила 480 рублей: В.А. Подаруева — 150 руб., А.Я. Иконникова — 124 руб., И.Г. Войнова — 125 руб., О.А. Решетникова — 105 руб., М.Г. Лонгинова — 100 руб., М.Е. Гласкова — 65 руб.

За вычетом расходов на проведение бал-базара — 65 руб., остаток составил 415 рублей.

Сохранились письма двух тюменских 1-й гильдии купцов Наума Андреевича Тюфина и Филимона Степановича Колмогорова, адресованные устроителям сиропитательного заведения. Они по ряду причин не смогли принять участие в проходившем балу-базаре, но очень сочувственно отнеслись к мероприятию сбора денег для сиропитательного заведения.

***Письмо Н.А. Тюфина от 7 сентября 1871 г.,
адресованное Ф.С. Серебряковой***

«Многоуважаемая Фотина Семеновна! При полнейшем сочувствии благому делу, о котором попечение возложено на Вас единодушным выбором, я по случаю болезни не мог быть вчера на бал-базаре. Но, имею честь почтительнейше просить Вас принять мое посильное приношение и прилагаемые деньги приобщить к числу вырученных на бале нашими почтенными дамами, чем доставите мне искреннейшее уважение и совершенную преданностью Вашим, милостивая государыня, покорным слугою. Наум Тюфин»¹⁵.

¹⁵ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 221.

***Письмо Ф.С. Колмогорова от 9 сентября 1871 г.,
адресованное С.М. Трусову и Ф.С. Серебряковой***

«Милостивые государи Семен Михайлович и Фотинья Семёновна!

При сем прилагаю триста рублей. Покорнейше прошу принять на построенный вами детский приют для бедных сирот. Сколь велико вы этим делаете благодеяние и сколько спасете несчастных бесприютных от порока и разврата, сделаете их честными тружениками и добрыми гражданами. С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь пребыть Филимон Колмогоров»¹⁶.

Построенное здание сиропитательного заведения комитет решил использовать для проведения любительских благотворительных спектаклей. Такой спектакль прошел 28 января 1872 г.¹⁷ За билеты на генеральную репетицию любительского спектакля выручили 23 руб. 95 коп., за билеты на сам спектакль — 220 руб. 50 коп., за подставные стулья — 3 руб., за буфетные продажи — 100 руб. 90 коп. За три билета на репетицию спектакля, состоявшуюся 18 декабря 1871 г. от полковника Серебрякова поступило 5 руб.

Всего было выручено 353 руб. 35 коп., а за вычетом расходов на спектакль, 237 руб. поступили вкладом в Тюменский Общественный банк на счет сиропитательного заведения.

Такие же спектакли прошли 6 мая, за билеты спектакля и генеральную репетицию было выручено 191 руб. 27 коп., и 25 октября с выручкой 197 руб. 81 коп. Деньги от этих любительских спектаклей были переданы С.М. Трусову.

К сожалению, неизвестно, какие спектакли ставили «любители сценического искусства» и кто в них играл. Можно предположить, что играли в любительских спектаклях те же активные члены комитета заведения, купцы и их жены, все те, кто не остался равнодушным в деле помощи при создании сиропитательного заведения. Косвенно это подтверждает фотография того периода, с изображением купеческой жены Ольги Алексеевны Решетниковой в сценическом костюме.

Кроме того, комитет Владимирского сиропитательного заведения ходатайствовал, чтобы «при Владимирском сиропитательном заведении были почетные члены с ежегодным взносом 50 руб, кото-

¹⁶ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 226.

¹⁷ Там же. Л. 120.

рые имели бы право носить мундир IX класса министерства внутренних дел»¹⁸.

Другая важная задача, стоявшая перед комитетом — изучение образцов уставов аналогичных учреждений и составление своего проекта. Обсуждение последнего иногда проходило в расширенном составе, часто, со слов гласного городской думы тюменского купца П.И. Матягина, в доме городского головы Прокопия Ивановича Подаруева. И при этом могли разгораться нешуточные споры.

Главная цель сиропитательного заведения была сформулирована в § 1 Устава как «призрение сирот обоюго пола, обучение их грамоте и ремеслам, для доставления возможности существовать им впоследствии собственным, честным трудом»¹⁹.

Первоначально заведение рассчитывалось на 25 детей: 5 грудных и 20 взрослых (от 2 до 9 лет). По мере увеличения средств, число принимаемых детей могло возрасти до 100 человек, именно на такое количество было рассчитано здание приюта. В заведение принимались дети всех сословий, по преимуществу круглые сироты обоюго пола, а также дети, имеющие одного из родителей «совершенно бедного состояния». Кроме того, предпочтение при приеме отдавалось младшему перед старшим.

Поступившие в заведение, оставались в нем: девочки до 16-летнего возраста, мальчики до 17 лет. С 8 до 14-летнего возраста дети обучались Закону Божьему, грамоте, «рассказам из истории», географии, чистописанию, рисованию, черчению, арифметике, церковному пению. По окончании курса наук, дети обучались ремеслам (огородничеству, садоводству и вообще хозяйству).

Обучение состояло из 3 отделов: 1) учебная часть; 2) ремесленная и хозяйственная часть; 3) гимнастические упражнения.

При заведении для полного курса обучения учреждалось 3 класса.

Приготовительный класс — двухлетний, первый класс — однолетний и второй класс — двухлетний. Приготовительный класс еще подразделялся на младшее и старшее отделение.

В младшем отделении преподавалось чтение, письмо, заучивание наизусть молитв и легкие умственные задачи до 10. В старшем отделении добавлялось преподавание Закона Божьего, рассказы из Ветхого и Нового Заветов.

¹⁸ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 125.

¹⁹ Урал. 1898. 4 дек., № 546.

В первом классе по русскому языку ученик должен был уметь переписать прочитанное, заучивать наизусть стихи и прозу. Во втором к Закону Божьему, русскому языку, арифметике и русской истории добавлялась геометрия, география, черчение. Гимнастикой дети занимались, в летнее время на дворе или в саду, а в зимнее — в одной из зал заведения под наблюдением смотрителя и надзирательницы.

Учебный год в заведении начинался с 15 августа и продолжался до 29 июня. Затем проводилось испытание воспитанников в пройденных ими учебных предметах.

По окончании заведения выдавался аттестат. Если ученик показывал при выпуске «отличные успехи и способности в учении и ремеслах, могло быть представляемо на усмотрение комитета тюменскому городскому обществу ходатайство о назначении стипендии на дальнейшее образование»²⁰.

По уставу, заведение (§ 9) должно было состоять под наблюдением городского общества, а «главный надзор» осуществлял городской голова, управление делами заведения возлагалось на особый попечительный комитет. Уставом было определено, что заведение должно заботиться о своих питомцах и при выходе из заведения. Взрослым детям должны находить места, должности и вообще род занятий, а девицы — выдаваться замуж.

Пожалуй, самые горячие споры разгорались о сиротах грудного возраста. Одни высказывались за то, чтобы отдавать грудных детей на воспитание в деревни, им возражали, говоря, что отыскать благонадежных усыновителей в деревне непросто, да и проконтролировать их представлялось затруднительно. Другие предлагали размещать подкидышей за некоторую плату у местных благонадежных жителей Тюмени. В таком случае имелась возможность наблюдения за воспитателями со стороны попечителей и членов заведения, а срок воспитания таких детей предлагалось продлить и оставлять на руках воспитателей не до 2 лет, как в проекте, а, по крайней мере, до 4 или даже 5 лет. Так как прием в заведение на воспитание детей 2-летнего возраста требовал «более рачительного за ними ухода, а чрез это неминуемо нужно увеличить и самый состав прислуги, что будет сопряжено со значительным расходом для заведения».

По уставу, попечители имели право посещать заведение в любое время, и делать письменные заявления о найденных ими недостатках.

²⁰ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 147.

Члены комитета считали, что «сближение мальчиков и девочек по классным и ремесленным занятиям, должны быть, не только допускаемы, но даже поощряемы со стороны воспитателей»²¹. Что касалось питания, то пища для сирот в заведении должна была быть простая, здоровая и приготавливаться из свежих продуктов.

В процессе обсуждения вместо планируемых первоначально нескольких учебных классов, было решено сделать только один приготовительный класс, так как упор в заведении делался не на учебу, а на овладение ремеслами. В том случае, если считалось нужным дать кому-либо из сирот дальнейшее образование, была возможность определить их в уездное училище или женскую прогимназию. Вследствие этого экономились средства на обучение в стенах заведения, а потому оплата годового содержания надзирательнице-учительнице могла быть сокращена с 300 до 200 руб., а учителю-надзирателю с 500 до 300 руб.

На сэкономленные средства можно было увеличить жалованье тем мастерам, которые обучали бы детей сапожному и столярному ремеслам и вместо 100, можно было назначить каждому по 150 руб.

Наконец, 8 июня 1872 г. члены комитета представили Тюменскому городскому обществу проект устава сиропитательного заведения. В случае одобрения городским обществом проект устава должен был быть утвержден правительством.

Неожиданно для многих 11 июня 1872 г. от делопроизводителя комитета Н.М. Чукмалдина поступило заявление: «Вследствие отъезда моего из Тюмени на продолжительное время я имею честь покорнейше просить комитет поручить обязанность делопроизводителя вместо меня другому члену комитета. Все бумаги, принадлежащие комитету, я при сем представляю. Чукмалдин»²².

Для кого-то это действительно стало неожиданностью, но друзья Николая Мартемьяновича знали, что он уже заканчивал ликвидацию своих дел в Тюмени и готовился к переезду в Москву. Его конфликт с городским головой П.И. Подаруевым только ускорил отъезд из Тюмени.

Заранее знал об отъезде Чукмалдина, по всей видимости, и Семен Михайлович Трусов, потому что еще до заявления Николая Мартемьяновича, а именно, 1 июня он уже написал в городскую думу следующее письмо.

²¹ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 143.

²² Там же. Л. 141.

«Считая полезным для сиропитательного заведения иметь членом комитета этого заведения отставного коллежского регистратора Константина Николаевича Высоцкого, известного мне за человека хорошего и умственно развитого. Я покорнейше прошу городскую думу предложить обществу при первом же общественном собрании, избрать г. Высоцкого в вышепомянутые члены комитета»²³. Возможно, что рекомендацию К.Н. Высоцкому дал Н.М. Чукмалдин.

А между тем комитет заведения, собравшись 14 ноября 1872 г., пришел к выводу, что «все приготовления к принятию в этом доме на воспитание сирот готовы». Несмотря на то, что устав Владимирского сиропитательного заведения правительством еще не был утвержден, комитет постановил начать прием детей. Прием детей предоставили вести члену комитета г. Чмутину с 12 часов дня 21 ноября.

Накануне этого мероприятия были отпечатаны и разосланы уважаемым гражданам приглашения: «21 сего ноября имеет место быть открытие Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения. Нижеподписавшиеся попечители покорнейше просят Вас пожаловать к молебну в означенное заведение, к 11 часам дня, а по окончании оного откушать хлеба-соли в их дом.

Попечители: С. Трусов, Д. Серебряков, Ф. Серебрякова 20 ноября 1872 г.»²⁴.

Открытие Владимирского сиропитательного заведения состоялось 21 ноября 1872 г. После торжественного молебна, на котором присутствовали приглашенные жители Тюмени, были приняты первые дети-сироты.

В первый день было принято 6 человек, двое на постоянное воспитание: Федосья Харитоновна 7 лет и Елизавета Гольшманова 6 лет, а четверо — временно. Эти четверо были детьми умерших пересыльных арестантов: Федор Птахин 16 лет, его сестра Анна 10 лет, Мокей Стародубцев 11 лет (умер 14 декабря 1872 г.) и его сестра Екатерина 8 лет.

Однако в связи с тем, что Федору Птахину на самом деле оказалось 16 лет, а по уставу дети такого возраста в заведение не допускались, то было решено его «передать в Тюремный местный комитет»²⁵.

На следующий день, 22 ноября были приняты еще 6 человек: Харитинья Карнаухова 8 лет, Филипп Брейтвус 9 лет, Анисья Брей-

²³ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 173.

²⁴ Там же. Л. 188а.

²⁵ Там же. Л. 186.

твус 4 лет, Мария Посохова 7 лет, Евгения Холявкина 8 лет, Минодора Холявкина 4 лет.

Первым доктором в сиропитательном заведении стал дворянин Станислав Осипович Пуцата, изъявивший желание оказывать сиротам медицинскую помощь бесплатно. Тем более что в первой партии питомцев девочки, дети арестантов, оказались больны.

В заведении к 1878 г. воспитывалось уже «23 мальчика и 31 девочка, всего 54 человека. Кроме того, воспитывалось 15 человек вне заведения. Учащихся грамоте в заведении в 1878 году было 19 мальчиков и 19 девочек»²⁶.

Прошло несколько лет работы сиропитательного заведения, и С.М. Трусов заметил, что сироты и так обижены жизнью, а из-за ненастья и холода лишены возможности ходить в церковь в воскресные и праздничные дни. Явно ощущалась потребность в домово́й церкви при сиропитательном заведении.

И вот, 11 октября 1879 г. Семен Михайлович Трусов, уже, будучи больным, имея к тому же очень почтенный возраст, сам прибыть в городскую думу не смог, поэтому пригласил членов комитета сиропитательного заведения и гласных городской думы к себе домой для разговора. В присутствии уважаемых тюменских граждан он заявил, что желает построить церковь при сиропитательном заведении, на что «жертвует 20 т[ысяч] руб. и строителем церкви просит купца П.И. Матягина»²⁷. В данном случае надо понимать, что Семен Михайлович хотел видеть Петра Ивановича не собственно строителем церкви, а руководителем работ по ее строительству.

Кроме того, Семен Михайлович задал присутствующим вопрос: «Не признают ли гг. гласные в знак признательности общества за такое полезное пожертвование (имея в виду сиропитательное заведение. — *Прим. автора*)... поставить в сиропитательном заведении портреты Семена Михайловича Трусова и Фотины Семеновны Серебряковой»²⁸.

Выслушав Трусова, гласные думы единодушно выразили ему благодарность за «желание пожертвовать на устройство церкви при сиропитательном заведении 20 тыс. рублей». Кроме того, согласились поставить портреты С.М. Трусова и Ф.С. Серебряковой в зале

²⁶ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 128 об.

²⁷ Там же. Д. 496. Л. 151.

²⁸ Там же. Л. 151 об.

сиропитательного заведения, а необходимые написание портретов деньги было решено «собрать чрез общественную подписку».

Через два месяца, 12 декабря 1879 года Тюменской городской думе было представлено заявление почетного попечителя заведения С.М. Трусова. К заявлению был приложен план и проект на постройку каменного храма при Владимирском сиропитательно-ремесленном заведении во имя Св. Богоприимца Симеона.

Семен Михайлович просил городскую думу после рассмотрения проекта, разрешить строительство, на которое предполагал израсходовать 20 тысяч рублей, и выразил желание причислить вновь построенный храм к Успенской церкви.

Городская дума, приняв во внимание, что «чрез устройство церкви при сиропитательном заведении предоставится детям возможность по праздничным дням всегда присутствовать при богослужении», постановила: просить городского голову выразить С.М. Трусову глубокую благодарность за его пожертвование 20 тыс. руб. на устройство церкви при сиропитательном заведении и уведомить Трусова, что «препятствий на постройку означенной церкви со стороны городской думы не встречается, но с тем, чтобы на постройку церкви было испрошено разрешение установленным в законе порядком»²⁹.

Строительство было разрешено, проект церкви утвержден, но увидеть церковь во имя Св. Богоприимца Симеона построенной Семену Михайловичу было не суждено.

Тобольский губернатор 28 мая 1881 г. в письме тюменскому городскому голове сообщил: «Попечители (они же учредители) существующего в Тюмени Владимирского сиропитательного заведения потомственный почетный гражданин Семен Михайлович Трусов и дочь его Фотина Семенова обратились к нему с письмом, в котором, объясняя о глубокой старости, слепоте и крайней вообще немощи первого, постоянно ненормальном также состоянии здоровья и хлопотах по уходу за больным отцом последней, препятствующих им оставаться долее попечителями названного заведения, принять его распоряжение об увольнении их от обязанностей попечителей этого заведения...»³⁰.

Несмотря на то, что Семен Михайлович был болен, известие о его смерти стало неожиданностью для многих тюменцев, он умер

²⁹ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 496. Л. 154.

³⁰ Там же. Д. 499. Л. 218.

22 июня 1881 г. в возрасте 90 лет и был похоронен 24 июня в ограде Успенской церкви на основании Указа Святейшего Синода от 21 августа 1877 г.³¹

На заседании городской думы 30 июля 1881 г. было зачитано заявление его дочери, в котором она написала, что: «вследствие смерти родителя ее, Семена Михайловича Трусова, здоровье ее расстроилось, почему она ни в какие дела и суждения по Владимирскому сиропитательно-ремесленному заведению входить не желает и слагает с себя как нравственную, так и материальную ответственность»³².

Но фактически до конца своей жизни Фотина Семеновна продолжала интересоваться делами заведения, «душою жила в нем, и если приведенные причины и тяжело сложившиеся личные и семейные обстоятельства не позволяли ей принимать участие в заседаниях комитета, то она продолжала давать в его распоряжение все свои средства. Когда у нее истощился капитал, она передала заведению пенсию Государственного казначейства, доставшуюся ей после смерти мужа (285 руб. 90 коп. в год)»³³.

С ее уходом жизнь сиропитательного заведения разделилась на два периода. Первый — со времени основания заведения, т.е. с 21 ноября 1872 г. по 1881 г., когда во главе управления находилась его основательница Ф.С. Серебрякова, всей душой преданная делу. Этот период занял всего 9 лет, второй период начинался с 1882 г., когда Фотина Семеновна отказалась от управления заведением. Первый период, по мнению современников, отличался «самым внимательным отношением к заведению, заботами о призреваемых детях, их здоровье, занятиях и бережливостью и разумным употреблением денежных средств. Второй период представляет печальную картину прогрессивного упадка заведения»³⁴.

Строительство домово́й церкви при сиропитательном заведении также пришлось заканчивать Фотине Семеновне. В общей сложности на строительство и отделку церкви ушло около 41 тыс. руб. Церковь была освящена ровно через четыре года после смерти Семена Михаловича — 22 июня 1885 г.

³¹ ГАТюмО. Ф. И-254, Оп.1. Д. 71. Л. 230 об.

³² Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 499. Л. 218.

³³ Отчет о жизни и деятельности Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения. Тюмень. 1898. С. 3.

³⁴ Урал. 1898. 4 дек., № 546.

Церковь представляла четырехугольное помещение длиной около 14 метров, шириной — 8,5 и высотой в куполе — 9,5. В храме — шесть больших окон, две большие изразцовые печи и одна простая в алтаре. Дубовый иконостас с резными колоннами был выполнен художниками и мастерами в Москве. Внутри храма, стены и купол выкрашены масляной сиреневой краской (в алтаре — бледно-розовой) и расписаны священными изображениями, напоминающими в миниатюре храм Христа Спасителя в Москве. В куполе — изображение Господа Саваофа с Предвечным младенцем на груди, а на четырех склонах под куполом — четырех евангелистов.

«Хороший иконостас, изящно отделанные стены с недурно исполненными на них священными изображениями, большие окна, прекрасный резонанс, все это производит впечатление чистого, светлого и благолепного “дома Божия” и вместе с истовым богослужением и стройным пением воспитанников, привлекает немало посторонних молящихся»³⁵.

1 марта 1892 г. умерла «полковницкая вдова» Фотина Семеновна Серебрякова в возрасте 72 лет и была похоронена рядом с могилами отца, матери и мужа в ограде Успенской церкви³⁶.

После ухода Фотины Семеновны, в заведении сначала прекратилось обучение столярному делу (1882), потом переплетному (1885), в результате осталось только одно сапожное. Вместо расширения ремесленного обучения оно фактически свернулось. Удивительно, но самые востребованные и доходные ремесла — столярное и переплетное — были заброшены, а самое малоходное — сапожное — оставлено. Девочек обучали только рукоделию.

Еще одна небольшая, но ощутимая для сирот мелочь исчезла с уходом Фотины Семеновны — это устройство рождественских елок, прогулок и других подобных небольших радостей. Кроме того, была нарушена одна из основных статей устава, касающаяся возраста выпуска воспитанников из стен заведения. Дети стали выпускаться в возрасте 11–14 лет, не успевшие освоить не то что какое-то ремесло, но даже грамоту.

Наблюдение за заведением осуществляло Тюменское городское общественное управление, управление же делами заведения было

³⁵ Отчет о жизни и деятельности Владимирского сиропитательно-ремесленного заведения. Тюмень. 1898. С. 25–26.

³⁶ Ф. И.-254. Оп.1. Д. 72. Л. 93 об.

возложено на особый попечительный комитет, состоявший из председателя и 35 членов из числа почетных граждан.

Педагогический персонал заведения состоял из священника, он же исполнял обязанности законоучителя, учительницы и двух надзирательниц.

В первом классе преподавала учительница Анна Николаевна Малкина, в свое время окончившая курс в Тюменской женской прогимназии и имевшая звание домашней учительницы. Известно, что она служила в заведении с 1888 г.

Во втором классе все учебные предметы и Закон Божий преподавал священник Симеоновской церкви Иван Георгиевич Аксарин, окончивший курс в Тобольской духовной семинарии и служивший в заведении с 1889 г.

Питомцев обоого пола в заведении числилось 62 человека более или менее взрослых и до 36 грудных детей.

Свой 25-летний юбилей Владимирское сиропитательно-ремесленное заведение отметило 21 ноября 1897 г. Праздничные мероприятия включали в себя божественную литургию, совершенную в храме сиропитательного заведения, панихиду «об успокоении душ основателей храма и заведения Семена Михайловича Трусова и дочери его Фотины Семеновны Серебряковой», а затем совершен благодарственный молебен. Известно о поздравительных телеграммах в адрес великого князя Владимира Александровича и его супруги великой княгини Марии Павловны. Вечером 21 ноября здание заведения было иллюминировано, а воспитанникам сделаны угощения.

Современник писал: «Дети, одетые довольно чисто и опрятно, были приведены в церковь, к литургии; пел хор с участием питомцев. В самом помещении был приготовлен для детей чай, причем около каждого прибора лежал кусок сдобной булки и яблоко. Везде было чисто, всюду было прибрано. Вообще, с внешней стороны заведение производит скорее приятное впечатление»³⁷.

Кроме того, по случаю юбилея сиропитательного заведения служащему канцелярии городской управы, бывшему гвардейскому офицеру Н.Н. Ляхову поручили составить за все минувшие 25 лет отчет. В него и попали статистические данные о выпускниках заведения.

³⁷ Урал. 1898. 4 дек., № 546.

<i>Мальчики</i>		<i>Девочки</i>	
Псаломщиков	1	У родных и опекунов	6
Приказчиков	2	В услужении горничными	8
Слесарей	1	Няньками при заведении	2
Токарей и столяров	4	Швей и модисток	4
Маляров	1	Замужем	6
Сапожников	3	<i>Итого</i>	26
Лакеев	1		
В деревнях у родных занимаются земледелием	3	Ляхов проработал два месяца, бывая в сиропитательном заведении ежедневно, он имел возможность оз- накомиться с внутренней жизнью и нарисовал ее далеко не радужными красками.	
Неизвестных занятий	3		
<i>Итого</i>	19		

«Мальчики встают в 7 час. утра, успевают одеться, умыться и выпить чаю к 9 час. К этому времени достигшие классного возраста должны находиться в классах, в особых помещениях для двух отделений — старшего и младшего. В старшем все предметы преподает священник, в младшем учительница.

К 10 часам является сапожник — учитель сапожного мастерства. Назначенные для обучения этому мастерству 3–4 мальчика садятся за работу, ковыряя шилом подметки к старым сапогам, и, по временам, стучат молоточками по деревянным гвоздикам, а учитель, не обращая внимания на своих учеников, садится за свою собственную работу, заказанную на стороне. После обеда учитель-сапожник уходит домой. За это, кроме обеда, он получает с заведения 180 руб. в год.

В 4–5 часов чай, но без сахара, при этом нередко даются куски «коралек» (большие баранки), приносимых в дар сиротам. В 8 час. вечера — ужин.

Время от обеда до ужина самое тяжелое для питомцев: они свободны от всяких занятий, дядька-надзиратель тоже в это время куда-то исчезает, а до обеда он все время находится в сапожной мастерской, где чинит свою одежду или обувь.

Тишина царит глубокая, что производит удручающее впечатление... Слышно только тиканье маятника в классной комнате. Изредка раздастся звук затрещины, которой угостил питомец своего товарища, да слышится детский писк. Даже простого говора детей между собой в послеобеденное время нельзя услышать. О детском оживле-

нии, играх, беготне, чтении и помину нет. Это какой-то “мертвый дом”...

Никому даже в голову не приходит занять детей чтением, рассказами. “Учительница была, сделала свое дело, чего же больше?”

Когда смеркнется, зажигаются висячие “лампочки” (не лампы, а именно лампочки, какие зажигаются на кухнях). Их всего две, одна посреди двенадцатисаженного коридора, а другая над столом, за который только однажды (20 окт.) дядька усадил вечером детей с книжками, когда ожидалось прибытие членов наблюдательного комитета. Эти лампочки коптят и едва освещают все огромное пространство коридора.

...Жизнь девочек, размещенных в другом этаже, — полнее и радостнее, там есть надзирательница, которая руководит их занятиями, а иногда и читает им книжки и что-нибудь рассказывает.

По уставу, для заведывания отделением положен надзиратель (он же и эконом). На самом же деле надзирателя нет, а должность его исполняет дядька, крестьянин Туринского уезда Степан Оброзков. Этот дядька занимает прекрасное помещение, назначенное для надзирателя, жена его исполняет обязанности прачки заведения. Вообще лучшее помещение отведено надзирателю и надзирательнице. Худшее — грудным детям.

Каких результатов можно ждать при подобном порядке?

Нечего удивляться, что дядька-надзиратель не может ни занять их в часы досуга, ни устроить игр или каких-нибудь разумных развлечений.

Кроме ухода за детьми, тачанья своих сапог, этот надзиратель занимает еще должность ... гробовщика заведения. За 50 коп. он сколачивает ящичек — гробик для умершего грудного ребенка. И для заведения недорого, и надзирателю доход. Но какое поразительное совмещение обязанностей: надзиратель заведения и в то же время гробовщик.

...Делается ли это с веденя наблюдательного комитета или должность гробовщика приватная и надзиратель (он же дядька) или дядька (он же надзиратель) поставляет гробы на всю Тюмень. Этот характерный факт прекрасно иллюстрирует порядки, царящие в Тюменском сиропитательном заведении.

Занимается ли еще чем-нибудь почтенная надзирательница заведения, кроме прямых своих обязанностей, мы не знаем, но из черно-

вого отчета, бывшего в нашем распоряжении, мы видим, что госпожа надзирательница сама стрижет детей. Она стрижет не в переносном, а в прямом смысле — г-жа надзирательница приобрела машинку для стрижки волос и научилась прекрасно стричь мальчуганов. Против такого ремесла ничего нельзя было бы сказать, если бы г-жа надзирательница не брала бы трех копеек с каждой остриженной головы.

Нам думается, что было бы гораздо лучше, если бы дядька более внимательно смотрел за детьми, а не занимался изготовлением гробов.

Если бы надзирательницы сиропитательного заведения лучше бы смотрели за вверенными их попечению грудными детьми, то, конечно, смертность между ними не была бы столь ужасною и, без сомнения, была бы спасена не одна человеческая жизнь.

Мы допускаем и охотно верим, что все неурядицы творятся в сиропитательном заведении без ведома наблюдательного комитета. Но одно уже их существование подтверждает, что наблюдательный комитет очень плохо «наблюдает» за сиропитательным заведением»³⁸.

Газета сообщила о том, что из 134 грудных детей, поступивших в сиропитательное заведение с 1882 года по 21 ноября 1897 г. — умерло 134! «Все грудные дети, поступившие на попечение сиропитательного заведения за последние 15 лет, умерли, т.е. смертность была поголовная». Газета недоумевала: «Никакой эпидемии не было, а смерть все-таки унесла всех грудных детей, принятых в сиропитательное заведение с 1882 года». «Чем объяснить столь ужасную смертность? — вопрошала газета и сама же отвечала: — Конечно, не чем иным, как отсутствием всякого надзора за кормлением и содержанием несчастных сирот-детей. Это подтверждается тем обстоятельством, что в первые девять лет, когда Ф.С. заботилась о детях, осталось в живых 20 процентов. С того же времени, когда Ф.С. оставила заведение и попечение о детях перешло в руки наемников, — грудные дети стали умирать поголовно...

Отдать грудного ребенка в сиропитательное тюменское заведение это все равно, что опустить его в могилу»³⁹.

После публикации в екатеринбургской газете «Урал» этой статьи, а называлась она «Сиропитательное ремесленное заведение в Тюмени», разразился скандал. Автор, под псевдонимом «Тюмонец»,

³⁸ Урал. 1898. 4 дек., № 546.

³⁹ Там же.

поведал о страшной тайне, скрывавшейся в течение пятнадцати лет во Владимирском сиропитательном заведении.

Огромная смертность среди грудных детей существовала в воспитательных домах и детских приютах других городов, но нигде и никогда она не доходила до таких поражающих размеров. «Смертность среди питомцев С.-Петербургского воспитательного дома считают весьма значительной; из отчета врача этого дома Ваньковского видно, что за 12-летний период времени (1883–1895 гг.) родными матерями вскармливало грудью 20738 детей, из них умерло 6,6%; за то же время наемными кормилицами вскармливало 86317 питомцев, из коих умерло 16%.

Процент смертности среди питомцев, отданных на прокормление по деревням, был значительно выше и в 1894 году доходил до 31%. Самый большой процент смертности падает на возраст до 3 месяцев. Конечно, те же неблагоприятные условия, какие существуют в Тюмени, имеют место и в Петербурге. Несчастнорожденные дети также приносятся в воспитательный дом истощенными, но, тем не менее, большинство их выживает, а питомцы сиропитательного заведения в Тюмени умирают поголовно»⁴⁰.

Эти события заставили вспомнить историю, которая произошла в Варшаве и получила огласку в 1890 г. Там, на одной из улиц, случился пожар во флигеле, в котором жила помощница акушерки 45-летняя Марианна Скублинская. При тушении пожара на чердаке были найдены тела восьми младенцев. Как потом выяснилось, Скублинская с помощниками убила больше 50 младенцев. Помощница акушерки зарабатывала на незаконнорожденных детях, которых ей доставляли повивальные бабки из разных местностей. Скублинская за деньги пристраивала младенцев по фальшивым документам в детский приют. Тех детей, на кого не удавалось достать документы, убивали. Судом Скублинская и ее подручные были приговорены к разным срокам каторги. Тогда и появился термин «фабрика ангелов» Скублинской.

Сиропитательное заведение в Тюмени стали сравнивать с «фабрикой ангелов» Скублинской.

Разоблачение газетой «Урал» порядков, царящих в сиропитательном заведении, стало для тюменцев шоком. Никто и подумать не мог, что в учреждении, поставленном под надзор городского общественного управления, могла существовать «фабрика ангелов». Известие

⁴⁰ Урал. 1899. 5 янв., № 570.

о поголовной смертности детей грудного возраста казалось невероятным, и тюменское общество с нетерпением ожидало, что сообщенные «Уралом» факты будут опровергнуты.

Но городское общественное управление продолжало хранить глубокое молчание, хотя вслед за «Уралом» о Владимирском сиропитательном заведении в Тюмени появились корреспонденции не только в сибирских, но и в петербургских газетах.

К тому же газета «Рудокон» добавила некоторых подробностей о «дисциплинарных мерах», которые применялись к сиротам в тюменском сиропитательном заведении.

«Издавательство над детьми, противное самым элементарным правилам гуманности и примитивной порядочности, обратило симпатичное по идее, благотворительное учреждение в какой-то дисциплинарный батальон, одно напоминание о котором скоро будет приводить в трепет и ужас даже и людей, выдавших всякие виды.

Несчастных сирот сажают в заточение, пользуясь для этой цели каким-то шкафом, попав в который, дети лишаются не только воздуха и света, но и без того уже скудного обеда. ... Провинившийся ребенок сидит в шкафу, совершая под себя и все естественные отправления, а воспитатели его охаживают в это время весело шумящий самоварчик, ведя между собой назидательный «разговорец о божественном». А в антрактах между сытным обедом и разговорцем за чайком, те же воспитатели любовно охаживают сирот кулаками»⁴¹.

Только через три недели после первой публикации врач сиропитательного заведения Ноторин дал свое разъяснение в «Сибирской торговой газете»⁴². За время своего нахождения на должности врача заведения, с конца сентября 1893 г., он привел следующие данные: за пять лет, с 1 октября 1893 г. по 1 октября 1898 г., всех детей поступило 117, а из них умерло 88. Страшную смертность он объяснил следующими причинами.

Первая обусловлена тем, что подброшенные младенцы, как правило, были истощены, этим и объяснялась их малая жизнеспособность. К тому же подбрасывали детей чаще всего в ночное время, а так как двери и ворота заведения в это время наглухо закрыты, то неудивительно, что «брошенное у ворот дитя кричит и плачет долгое время, пока будет услышано сонной прислугой».

⁴¹ Рудокон. 1899. 3 янв., № 282.

⁴² Сиб. торг. газ. 1898. 23 дек., № 278.

Порядок вскармливания грудных детей до конца 1895 г. был таким: подкинутые дети немедленно передавались для вскармливания из заведения на сторону за небольшую месячную плату, но из-за громадной смертности детей, отдаваемых для вскармливания на сторону, было решено вскармливать их в самом заведении.

Из-за недостатка средств, не имея возможности содержать в заведении кормилиц, детей приходилось вскармливать искусственно, то есть поручать их нянькам. В этом, по мнению врача, вторая главная причина смертности младенцев. Ввиду неопределенности поступления детей, постоянных няnek в заведении не было, и нанимать их приходилось по мере надобности. Поэтому приходилось брать «няnek первых встречных, и нянька толковая, добросовестно исполняющая все предписания, являлась большой редкостью».

Наблюдение за вскармливанием детей должна была вести надзирательница заведения. Но должного надзора не было, в связи с тем, что она, кроме своих прямых обязанностей, исполняла обязанности экономки. А так как в заведении жило около 80 человек, то ведение такого хлопотного хозяйства отнимало у нее практически все время. Наблюдать за кормлением детей просто не хватало времени. Все эти причины и привели к такому «печальному явлению, что почти 95% умерших детей приходится на первое время пребывания их в заведении, т.е. когда дети больше всего нуждаются в наблюдении и хорошем уходе».

Кроме того, господин Ноторин заявил, что роль врача в сиропитательном заведении «весьма незавидная», его мнения не спрашивали, и ему приходилось долго просить, прежде чем какое-либо из его требований было исполнено.

Отмечая положительные перемены в заведении, врач писал, что за те пять лет, что он работал в заведении, улучшилось его санитарное состояние, в посты детей перестали кормить исключительно постной пищей, в детских сделаны вентиляторы, прибавлена одна большая комната для спальни, а холодные отхожие места переделаны в теплые. Однако заметил, что во время эпидемий никак не удавалось изолировать заразных больных, а, по его словам «за последние пять лет было несколько эпидемий: в 1893 г. — оспа, в 1894-м — корь и коклюш, в 1895-м — корь и скарлатина, в 1898 г. — корь».

Так ли на самом деле бесправен и беспомощен был врач, сказать трудно, во всяком случае, его объяснения мало кого из тюменцев убеди-

ли в том, что он действительно сделал все от него зависящее, чтобы изменить положение дел в заведении. Главное, в чем упрекали врача Ноторина, — многолетнее молчание при такой «страшной смертности».

Но ведь, кроме врача, за положение дел в заведении отвечали попечительный комитет, городская дума, городской голова. Читали ли они отчеты сиропитательного заведения?

Ежегодно комитет должен был представлять отчеты великому князю Владимиру Александровичу как почетному попечителю заведения, так и городскому обществу, а также печатать их в губернских ведомостях или других газетах.

Газета писала: «Вообще с отчетами сиропитательного заведения происходит что-то неладное. Представляются они обыкновенно несвоевременно. Отчета за 1884 г., например, вовсе не оказалось. Отчеты копились в канцелярии городской управы и только 18 августа 1888 г. дума выслушала доклад управы о том, что председатель означенной комиссии возвратил отчеты сиропитательного заведения за 1885–1887 гг. непроверенными, ссылаясь на болезнь. Точно так же остались непроверенными отчеты за 1888–1889 гг.»⁴³.

Тогда же дума возложила проверку отчетов за пять лет на городскую управу, которая поручила это своему члену А.К. Шешукову. Господин Шешуков, проверив все отчеты, доложил, что все им найдено в «исправности».

То ли в отчетах заведения все действительно было показано «исправным», а показатели смертности занижены, и это не испугало Адриана Кондратьевича, то ли он, просматривая отчеты, нечаянно пролистнул «страшную» статистику в отчете за один год, а затем и во всех последующих четырех отчетах также совершенно случайно пролистнул «страшные» страницы.

Городская дума, доверяя члену управы отчеты за 1885–1889 гг., утвердила и выразила А.К. Шешукову признательность, а дети грудного возраста в сиропитательном заведении в это время продолжали умирать поголовно.

Многие в то время задавались вопросом, как могла так долго скрываться такая смертность в заведении? Отчасти ответ на этот вопрос найден. Но возникают другие: каким образом стали известны сведения, скрываемые до этого пятнадцать лет? Является ли случайностью, что обнародование нелицеприятных фактов произошло пе-

⁴³ Урал. 1898. 4 дек., № 546.

ред выборами городского головы 17 января 1899 г.? Случайно ли городской голова А.А. Мальцев, два срока занимавший эту должность (1889–1893, 1894–1898), совершенно неожиданно и без боя отказался выставлять свою кандидатуру на должность городского головы, хотя предложение от думы участвовать в баллотировке получил? Случайно ли то, что на выборах городского головы совершенно неожиданно для многих победил Андрей Иванович Текутьев, впервые избранный гласным Тюменской городской думы? Много вопросов, на которые хотелось бы знать ответы.

Вновь избранная городская власть (гласные городской думы, городской голова) попыталась сгладить неприятный осадок, оставшийся после газетных публикаций. Словно спохватившись и почувствовав недостаток внимания со своей стороны к сиротам, городская власть постаралась доставить питомцам заведения небольшие радости, хоть как-то подсластить их безрадостное существование.

27 мая 1899 г. по случаю столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина в сиропитательном заведении было устроено литературное утро, с угощением и выдачей подарков.

Вечером 2 января 1903 г. «в сиропитательном заведении в присутствии питомцев приюта, членов комитета и приглашенных гостей с семьями зажгли богатую елку. Ребятки отыграли, и началось концертное и литературно-музыкальное отделение. ... Фотографом Ф.Ф. Соколовым в антрактах показывались “туманные картины”. Затем состоялась раздача сластей и подарков»⁴⁴.

Однако финансовое положение сиропитательного заведения с каждым годом вызывало все больше озабоченности у городских властей. Разница между доходом и расходом заведения неизменно увеличивалась. Кроме того, в связи с переименованием в 1909 г. имевшегося в заведении начального училища в приходское городское ему предоставили право на дополнительные 400 руб. в год из бюджета города.

На 1 января 1911 г. в сиропитательном заведении числилось 38 мальчиков и 34 девочки, всего 72 человека. Как видно из отчета, в кассе заведения было благотворительных неприкосновенных капиталов на сумму 50800 руб. Недвижимое имущество, принадлежащее сиропитательному заведению, оценивалось в 70000 руб. В 1911 г. планировалось построить грудное отделение, на что поступило специальных пожертвований в размере 7500 руб.

⁴⁴ Сиб. торг. газ. 1903. 4 янв.

Приход денежных средств заведения в 1910 г. составил 5677 руб. 39 коп., а годовой расход превысил 14000 руб., что создавало дефицит более 8000 руб. Открытие грудного отделения и расход по его содержанию еще более увеличивало дефицит бюджета, а потому на тот момент крайне остро вставал «вопрос об изыскании новых источников дохода для содержания заведения»⁴⁵.

Обсуждая в городской думе этот вопрос, председатель комитета заведения М.А. Брюханов заявил, что «местное общество крайне индифферентно относится к нуждам заведения. Благотворительная помощь незначительна и не имеется деятелей, которые посвятили бы часть своего труда на дела заведения. Так, в комитете заведения числится свыше 30 человек, но эти члены заседаний комитета не посещают и, за исключением нескольких человек, никакого участия в делах заведения не принимают»⁴⁶.

Гласный А.А. Матусевич высказался радикально, предложив «в целях прекращения чрезмерного увеличения расходов, установления комплекта числа воспитанников, с тем, чтобы свыше установленной нормы приема питомцев не было»⁴⁷. Он предложил возбудить со стороны города ходатайство о передаче грудного отделения сиропитательного заведения в ведомство учреждений императрицы Марии.

Вопрос этот всерьез обсуждался в думе. Большинство гласных пришло к мнению, что в связи с незначительным притоком частных пожертвований на содержание сиропитательного заведения, принятие его в ведомство учреждений императрицы Марии устраним материальное затруднение, переживаемое им.

Кроме того, само ведомство императрицы Марии, «отличаясь лучшей организацией благотворительности, сумеет дать руководственные указания к более правильной постановке дела воспитания сирот и привлечет новые на это поприще силы благотворителей»⁴⁸.

Собиравшийся ехать в С.-Петербург по личным делам тюменский купец Н.И. Ядрышников согласился собрать интересующие думу сведения о возможности перехода заведения в другое ведомство.

Но найти результат поездки Н.И. Ядрышникова в С.-Петербург не удалось. Нашлось ли у него время заниматься в столице обществен-

⁴⁵ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5416. Л. 94 об.

⁴⁶ Там же. Л. 109.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Д. 540. Л. 100 об.

ным делом? Очень может быть, что самой возможности перевода сиропитательного заведения в другое ведомство просто не было. Так или иначе, заведение продолжало все больше и больше влезать в долги, как перед частными кредиторами, так и перед городским управлением.

В апреле 1910 года тюменский 1-й гильдии купец Антон Васильевич Колмаков заявил, что жертвует 5000 руб. на постройку здания для грудных детей при Владимирском сиропитательном заведении. Правда, оказалось, что деньги эти виртуальные: вроде бы они есть, и в то же время их нет. Дело в том, что в 1906 г. купец А.В. Колмаков дал в долг городу 5000 руб. на 2 года без начисления процентов. Деньги были использованы на текущие городские нужды, но в срок, т.е. в 1908 г., не возвращены. Подождав еще 2 года и не надеясь на возвращение денег, А.В. Колмаков, не желая судиться с должником, решает пожертвовать задолженность города сиропитательному заведению. Получило ли «живые» деньги грудное отделение — неизвестно.

Другая история произошла с заимствованием 6507 руб. 83 коп. для нужд сиропитательного заведения у тюменского купца В.П. Буркова. В 1910 году Василий Петрович умер, и его вдова Евдокия Ивановна обратилась в думу с заявлением о погашении долга. Дума обязалась вернуть долг в течение двух лет.

Количество младенцев, поступавших в тюменское сиропитательное заведение, с каждым годом росло и составляло внушительные цифры, особенно в предреволюционные и революционные годы. Если с 1872 по 1897 г. (за 25 лет) в заведение поступило 405 детей, то за три года (1916–1918) в ВСПЗ «подбросили» 447 грудничков. По записям метрических книг Симеоновской церкви, в течение 1916 г. поступило 137 чел.; в 1917 г. — 183; в 1918 г. — 127 чел.; за 1919 г. удалось найти сведения только за два месяца: январь—февраль — 19 младенцев. Дальнейшие записи метрической книги за этот год обрываются.

Трудно себе представить такое количество грудных детей в сиропитательном заведении. Разместить, накормить и напоить их в ограниченном пространстве грудного отделения представляется совершенно фантастическим. Не хочется думать о плохом, но в условиях военного времени, когда в Тюмени ощущалась нехватка продовольствия, а цены на него заметно поднялись, вряд ли смертность среди младенцев была меньше, чем в сравнительно благоприятные предвоенные годы⁴⁹.

⁴⁹ Рассказывая о сиропитательном заведении, хотелось бы развеять миф о захоронениях детей возле здания ВСПЗ, на месте современного сквера

Те из питомцев, кому посчастливилось пережить смуту Гражданской войны, послевоенной разрухи и голода, были переведены в тюменские детские дома.

В 1930-е гг. в здании сиропитательного заведения размещалась Совпартшкола, с 1944 по 1957 г. — педагогическое училище, с 1958 по 1963 г. — Совнархоз, с 1964 по 1998 г. — морфологический корпус медицинского института, с такими своими подразделениями, как «анатомичка» и морг. Был ли пожар, вспыхнувший в 1999 году в бывшем сиропитательном заведении, очистительным, сказать затруднительно, но последовавшая затем передача здания Тобольско-Тюменской епархии дала надежду на исправление нарушенной ауры этого многострадального здания.

Из трех тюменских благотворительных проектов 70-х гг. XIX столетия: реального училища, родильного дома и сиропитательного заведения, судьба последнего оказалась наиболее трудной, как и судьба многих его питомцев. Могилы благотворителей-основателей С.М. Трусова и Ф.С. Серебряковой после разрушения Успенской церкви были утеряны.

Вот и получилось, что благотворители думали о том, чтобы хоть как-то облегчить жизнь детей-сирот, дать им образование и обучить ремеслам, тратили свои деньги, время и нервы, но само общество не всегда было готово воспользоваться такими подарками в полной мере. Это не значит, что труды тюменского купца Семена Михайловича Трусова и его дочери Фотины Семеновны Серебряковой были напрасны. Вовсе нет. Но судьба сирот, попавших во Владимирское сиропитательное заведение, возможно, была бы не такой удручающей, а подчас и фатальной, если бы изначально во главе заведения стоял не попечительный комитет, а был поставлен конкретный директор с реальными полномочиями, личной ответственностью и самое главное — неравнодушный к судьбе детей-сирот.

Как не вспомнить слова Семена Михайловича Трусова, сказанные им при сложении по состоянию здоровья своих полномочий попечителя Владимирского сиропитательного заведения.

«...Я утешаюсь надеждой, что Тюменская городская дума, стоя во главе граждан, всегда сочувствующих всякому полезному учреждению

Немцова. Умершие питомцы заведения отпевались священником и хоронились на городском кладбище, о чем свидетельствуют записи в метрических книгах Симеоновской церкви.

и вполне сознавая всю святость принятого на себя долга относительно сирот, ищущих приюта от грозящих им нищеты, а нередко и голодной смерти, сумеет довести это дело без всякого упрека, как личной совести и общественного мнения современников, так равно и своего потомства»⁵⁰.

Как Мандрика снял эффект Зейгарник

Вместо послесловия

Материал по истории сиропитательного заведения у меня был собран давно, но почему-то лежал и никак не превращался в статью. Не то, чтобы я работал над ним, а просто сам по себе никак не превращался. В попытке сдвинуть дело с мертвой точки пробовал перекладывать бумаги на видное место, несколько раз даже перелистывал, периодически вытирал с них пыль, а потом, не видя результатов, опять убирал в шкаф.

Чаще бывает так, что не хватает ключевого материала, чтобы статья была достаточно полной. Тогда пишутся статьи-гипотезы, в которых вместо достоверных фактов и свидетельств приводятся предположения и рассуждения автора на эту тему. Здесь же материала для статьи было много, хватило бы даже на пару хороших публикаций, а результата не было. И эта «заноза» саднила. Если честно, то таких «заноз», сидящих в тонкой душевной ткани, несколько. Это создавало какое-то напряжение. По-научному это называется эф-

фект Зейгарник, согласно которому незавершенные дела создают определенное напряжение в памяти. Так бы я, наверное, и не знал названия этому мучительному внутреннему процессу, если бы не моя взрослая и очень умная дочь. Правда, узнав имя первооткрывательницы этого эффекта, легче мне не стало.

Полегчало лишь тогда, когда однажды позвонил издатель и предложил написать о сиропитательном заведении. К предложению прилагались выкопировки нескольких дореволюционных газет о «фабрике ангелов». Согласился, зная, что если пообещал, то придется написать. Так Мандрика снял с моей души эффект Зейгарник и, кроме того, направил меня к М.Э. Волковой, знавшей, где находится еще один первоисточник информации, и помогшей с ним ознакомиться.

И вот теперь уже с чистой совестью и без определенного напряжения в памяти предлагаю вниманию читателя, если таковой найдется, статью о тюменском сиропитательном заведении.

С. Кубочкин

⁵⁰ ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 Г. Л. 92.

Беспризорные (Записки телеграфиста)*

Первая мировая война, революция и Гражданская война «породили» огромное количество сирот. Беспризорники стали «яркой» приметой первых лет советской власти, были они и в Тюмени. Возможно, кто-то из них прошел школу жизни в сиропитательном заведении.

«В здании Тюменской конторы связи было два входа. Главный с улицы Республики (быв. Царской) — вход в почтамт (тогда просто — почта). Второй вход с улицы Телеграфной — вход на телеграф. На телеграф вела железная лестница под железным же навесом, при входе внутрь была небольшая площадка, с левой стороны которой были две двери, всегда закрытые, а справа вверх вилась крутая железная лестница в два или три колена, ведущая на второй этаж, на телеграф.

Вот здесь, внизу под лестницей и возле нее, глубокой ночью в зиму на 1922 год и ютились беспризорные. В те годы много их было в Тюмени (как и в других городах) и на почте, и на телеграфе, летом — на станции и на пристани. Телеграф и почта отопли-

вались нормально и круглосуточно, там было тепло.

Вот на это тепло и слетались со всей Тюмени как-нибудь провести ночь. Почта ночью не работала, и вот с вечера, а в декабре в 4 часа уже вечер, мороз трещит — сплошь забивает толпа ребят, одетых кто во что горазд, но явно не по сезону. Многие из ребят, прикрытые лохмотьями телогреек на голое тело, часто босые, и укладываются на полу впритирку друг к другу, тело к телу. Клиенты телеграфа, привыкшие уже к ребятам, с трудом пробирались к лестнице и по ней — наверх на телеграф. В самую же стужу, когда мороз с улицы гонит все живое — вся лестница усеяна толпами ребят-ишек. Нетрудно представить, как долга была для них эта зимняя ночь.

* Зарисовка-воспоминание о беспризорниках тюменца А.А. Рылова, найденная и расшифрованная В.А. Ефремовым.

Но вот утро, брезжит рассвет, на почте готовятся к рабочему дню — истопники начинают топить печи — усиленно топят операционный зал большой вместительности...

Так вот этот зал был большой, высокий, светлый с большими высокими окнами, и даже зимой, если ясная погода, солнце щедро заливало залы, огороженные барьерами и проволочной сеткой по трем сторонам зала. Вот тут-то, только откроют дверь почты, начинается переселение беспризорников. Издалека трудно определить, что это, точно мошकारа по белому снегу заполонила тротуары черными лохмотьями — это ребята беспризорные с телеграфа переходят на почту. И сколь ни громаден зал — вдоль всех барьеров сплошная «оккупированная» зона, мешающая публике подойти к окошечкам отделов.

Прямо против входных с улицы дверей, также за барьером, расположен киоск. В этом киоске продаются конверты, бумага, журналы, газеты. Работает в нем Валентина Ивановна Гавриленко, старушка уже она, но довольно бодрая еще, одевается со вкусом, всегда в черном, но при белом кружевном, всегда накрахмаленном воротничке. Вечно занятая: или она по просьбе неграмотной деревенской бабы пишет письмо или

адреса к посылке, или что-то клеит, вырезает из цветной бумаги, или просто что-то пишет. Сотрудники говорят, что пишет она воспоминания.

Есть что вспомнить Валентине Ивановне, немалый трудовой путь прошла она, ведь своего рода звезда тюменских связистов — она единственная из бывших чиновников тюменской конторы с высшим образованием, окончившая университет.

В зале тепло, парни разомлели. Некоторые ребята уходят в поисках хлеба, а многие еще нежатся, потихоньку о чем-то разговаривают, потом начинают что-то мастерить, достают лоскуты бумаги. Вот пара ребят в разных углах свертывают «козьи ножки», напускают туда слоны, закупоривают их, вкладывают между двумя взятыми «наизворот» пальцами, отталкивают от себя, посылая «снаряды» друг к другу или просто в потолок. Кем-то умело пущенный «снаряд» влетел в окошечко киоска и проехал по писавшей Валентине Ивановне.

Старушка как-то спокойно закрыла окошечко и стала приводить в порядок у себя на столе, но вскоре вышла из киоска в операционный зал и, ухватив первого попавшегося мальчишку с трубкой, увлекла его за двери и повела к начальнику почты.

«Вот, Василий Андреевич, твердят, что дети — цветы жизни. Получите, вот Ваш цветок, любуйтесь ими, как они безобразничают».

Василий Андреевич, старый работник связи, снял очки, наклонился, приблизил лицо глядевшего зверенком мальчишки и, улыбнувшись, обратился к Валентине Ивановне.

«Валентина Ивановна, мы с Вами уже много пожившие, возможно, оба не пережили стольких невзгод, сколько перенес на сво-

ем детском веку этот парнишка». Отпустил его.

«Скоро, скоро их не будет, вон в Екатеринбург уже работает коллектор, куда собирают их, да и у нас в Тюмени тоже его думают открывать. Ребята ни при чем».

Валентина Ивановна вывела мальчишку в зал, ворчливо, но не зло сказав: «Пошел в свое соцветие!».

г. Тюмень, 1921–1922 гг.

Публикация В. Ефремова.

Владимир Темплинг

Тобольский медицинский факультет XVIII в. Начало

Прошедший 2014-й и наступивший 2015 г. оказались на удивление богатыми на «круглые» даты из медицинской истории нашего края, отнюдь не обласканной вниманием краеведов и профессиональных историков. 250 лет назад было положено начало формированию системы гражданского медицинского обслуживания на территории Тобольской губернии. Осенью 1764 г. в Тобольск был назначен первый гражданский врач — Ф. Баад¹ — глава формирующейся системы. 245-летие может отмечать и медицинская система г. Тобольска. 6 февраля 1769 г. сюда прибыл первый городской лекарь. 225 лет минуло с момента издания первого в Сибири научно-популярного медицинского наставления, предназначенного для широкой пуб-

лики. В 1790 г. из недр типографии Корнильевых вышла известная книга штаб-лекаря И. Петерсона² с описанием сибирской язвы³. В 2014 г. исполнилось 220 лет его второму опусу. В этот раз книжка была посвящена мерам первой помощи при несчастных случаях. И, наконец, 2015 г. — 210 годовщина ухода из жизни достославного популяризатора медицинской науки, первого инспектора Тобольской врачебной управы. Как видим, есть немало поводов для того, чтобы вспомнить о столь давних и столь же дивных событиях и людях, стоявших у истока такой жизненно важной социальной сферы, как охрана и поддержание народного здоровья, посвятивших немало сил благородному делу, трудившихся в неимоверно сложных условиях.

¹ По поводу первого губернского доктора есть и другая точка зрения, но об этом чуть ниже. В документах встречаются два варианта написания фамилии доктора — Баад и Бааде.

² Стоит указать, что сам автор подписывал документы как Петерсен.

³ Небезынтересно будет отметить, что эта книга — второе после «Училища любви» издание первой сибирской частной типографии. См.: Павлов В., Блюм А. Рассказы об уральских книгах. Свердловск, 1980. С. 25.

Это сейчас для рядового обывателя медицина — авторитет, а врач — значимый персонаж современной жизни. Но еще совсем недавно, сто—двести лет назад, ситуация была совершенно иной и положение врача было совсем незavidным. Власть имущие с врачами мало считались, для крестьян фигура врача представлялась inferнальной, и они избегали его, городские жители не видели необходимости в содержании городских врачей и строительстве больниц, под любым предлогом они отказывались от услуги, навязываемой государством⁴. И фактом является то, что медицина как наука, опирающаяся на контролируемый эксперимент, весьма молодая дисциплина. Ее становление относится только к XIX столетию!⁵

Путь врача к пациенту был долг и тяжок, особенно здесь, в Сибири, где начало укоренению европейской цивилизации в ее восточно-христианском варианте по историческим меркам было положено не так давно, а формирование

сообщества носителей и продуцентов медицинского знания (явления западно-европейского замеса, тоже христианского, но другого) отличается весьма специфическими характеристиками. Несмотря на то, что некоторые исследователи и ведут начало сибирской медицины чуть ли не с момента появления здесь вообще европейцев⁶ (в составе ли дружины Ермака, в свите ли сибирских воевод, это неважно)⁷, следует признать, что фигура врача для сибирского жителя оставалась диковиной до начала XX столетия. Описывая взаимоотношения деревенского мира и местной администрации в середине XIX в., Н.М. Чукмалдин писал, что в глазах крестьян не было различия между судьей, администратором, доктором — все это чиновники, которых приходилось кормить поборами⁸. Факт пребывания в том или ином сибирском городе врачей, отмечаемый в первой половине XVIII в., даже дипломированных, никоим образом не может свидетельствовать о становлении

⁴ Мирский М.Б. Медицина России XVI—XIX вв. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1996. С. 94—95.

⁵ Абаев А.К. История развития доказательной медицины // Медицинские вести. 2007. № 6. С. 7—14.

⁶ В данном контексте под европейцами подразумеваются представители народов, проживавших в географических границах Европы.

⁷ Как это делает, например, А.А.Власов. См.: Очерки истории хирургии в Сибири. М.: Наука, 1999. С. 14—15.

⁸ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: избр. произведения / сост. Ю. Мандрики, послесл. П.М. [Головачева]. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 57.

здесь сколько-нибудь значимых элементов медицинского обслуживания, это даже не говорит о начале формирования такой системы. К врачам этого времени вполне приложимы слова историка П.М. Головачева о тобольских журналах XVIII в. В частности, он писал, что «их возникновение — факт случайный, изолированный, не стоящий ни в какой связи с окружающей действительностью того времени, не влиявший на окружающую жизнь, не оставивший никакого литературного наследства для ближайшего поколения»⁹.

Исторически так сложилось, что появление врачей в Сибири было связано с военными нуждами государства, что закономерно и обычно для России. И долгое время военные врачи были здесь единственными представителями медицинского сообщества. Начало формированию гражданской же системы

медицинского обслуживания¹⁰ было положено в середине 60-х гг. XVIII в. Сначала созданием института губернского доктора и в последующее время постепенно оформлялась через приказы общественного призрения, министерства и, наконец, земства¹¹.

П. Головачев привел краткие систематизированные данные о самых первых врачах, в том числе упоминает и о других медицинских работниках, деятельность которых положила начало гражданской системе обслуживания. Речь идет о докторе Фридрихе Бааде и той команде, которая прибыла вместе с ним в Тобольск¹². К сожалению, наши знания о людях, начинавших новое дело в очень сложных условиях, микроскопичны, кроме отдельных упоминаний иной информации нет. Даже о более или менее популярном И. Петерсоне известно ничтожно мало¹³. Но одно мож-

⁹ Цит. по: Мандрика Ю.Л. Мандриков комплекс? Или всего лишь синдром...: опыт самопародирования // Большое городище. 2014. № 1 (34). С. 74.

¹⁰ Помятуя о присущей для российской системы управления ведомственности, при характеристике формирования гражданской системы медицинского обслуживания здесь мы оставляем за рамками этого понятия медицину заводскую, как не актуальную для Тобольской губернии.

¹¹ История здравоохранения дореволюционной России (конец XIX — начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с. — Как известно, в Сибири земства не вводились, но их опыт организации медицинского обслуживания населения был распространен на восточные территории в конце XIX в.

¹² Головачев П.М. Врачебное дело в Сибири XVIII века // Сибирский сборник. Иркутск, 1889. Вып. 2. С. 76–90.

¹³ Краткая биография И.И. Петерсона приводится в монографии Б.Н. Палкина (Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и

но утверждать смело — врачи в Сибирь не рвались. В XVIII в. повторялась столетняя история «насыщения» Сибири кадрами, красочно описанная в свое время П.Н. Буцинским на примере священства¹⁴. История Фридриха Баада показательна.

Вообще формально начало медицинскому обслуживанию гражданского населения Сибири (да и всей России) было положено указом императрицы Анны Иоанновны еще в 1737 г. Этим указом в крупных городах империи учреждались должности городских

врачей, чьей задачей являлась работа о здоровье городских обывателей¹⁵. В Сибири к крупным городам были отнесены Тобольск и Иркутск¹⁶. В отличие от Иркутска, где городской врач И. Ваксман прослужил с 1742 г. до своей смерти¹⁷, в Тобольске эта должность до середины 60-х гг. так и оставалась вакантной. Желающих не находилось¹⁸. Дело сдвинулось только в царствование Екатерины II и по инициативе тобольского губернатора Д. Чичерина, известного широтой взглядов и «административным зудом»¹⁹.

Казахстана в период присоединения к России: 1716–1868. Новосибирск, 1967. С. 51). А.А. Власов обнаружил экзаменационный лист на звание лекаря (см.: Власов А.А. Очерки истории хирургии в Сибири... С. 17–18). Об экзамене, со ссылкой на работу В.В. Куприянова о докторе XVIII в. К.И. Щепине, также упоминает и М.Б. Мирский (Медицина России XVI–XIX вв. ... С. 103).

¹⁴ Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / под. ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 183–185. О врачах см.: Головачев П.М. Врачебное дело в Сибири XVIII века... С. 76–79.

¹⁵ ПСЗ-І. Т. X. № 7245; Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. ... С. 94–95.

¹⁶ Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. ... С. 94.

¹⁷ Малоземова А.И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск, 1961. С. 10. — У М.Б. Мирского фамилия иркутского доктора звучит иначе — Иоганн Вахоман (с. 94).

¹⁸ Факт праздного состояния этой должности в Тобольске еще никак не исследован и в настоящий момент неизвестно, почему этого не произошло. Причин может быть несколько. Одна из них — городское общество само отказалось от услуг доктора, поскольку в соответствии с указом 1737 г. его содержание полностью ложилось на городской бюджет.

¹⁹ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под. ред. В.В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 92–101. — Здесь уместно упомянуть, что благодаря этой губернаторской инициативе в 60-е годы XVIII в. в Тобольске появились и аптека с аптечным огородом, и медицинский инструментальный завод, и первый городской врач.

Итак, все началось в 1763 г., когда новоиспеченная императрица, ощутив полноту власти, приступила к преобразованиям. Весной этого же года на должность сибирского губернатора назначается Д.И. Чичерин, который тотчас развернул кипучую деятельность. Весной или в начале лета 1763 г. Чичерин вместе со своим предместником по должности сибирского губернатора, а в то время уже сенатора тайного советника Ф.И. Соймонова, подал доклад императрице, в котором в том числе обратилась с просьбой об учреждении в Сибири особой медицинской службы, которая занималась бы здоровьем партикулярного общества. На докладе «собственно-ручно» было велено определить «для призрения в Сибири погибающих воспою» двух лекарей, четырех подлекарей и одного аптекаря «с принадлежащими медикаментами такого, которой бы знание имел съискывать там травы». Императорский указ Сенату и конторе Медицинской канцелярии последовал 11 июня 1763 г.²⁰ Т.е. первоначально речи о докторе не велось. Однако канцелярия решила действовать по прецеденту —

указу 1755 г. о врачах «для призрения и ползования одержимых оспою, корью, лопухою и другими подобными сыпми», определяемых в Санкт-Петербург или «где высочайше принуждено будет». По этому указу предусматривалось назначать доктора и двух лекарей, с окладом в 600 и 240 руб., да на квартиру и экипаж доктору 200 руб., лекарям по 60 руб. Больных лечить велелось «сущу бедных» бесплатно, а «от имущих получать за труды награждение по обычаю»²¹. Таким образом, к концу осени 1763 г. администрация в основном определилась с числом участников «медицинского десанта» в Сибирь и отчасти персональным его составом. Итак, всего в Сибирь, точнее в Тобольск, должно было отправиться 11 чел. медицинских чинов: доктор, два лекаря, четыре подлекаря, один аптекарь, один гезель (помощник аптекаря), один аптечный ученик и один травник. С кандидатурой доктора к тому времени еще не определились, лекарей взяли в Екатеринбурге, где очень удачно летом 1763 г. были успешно «экзаменованы» подлекари Эрнст Август Гофман и Иван Панаев. Не-

²⁰ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 1. Д. 51. Л. 540. Фрагмент указа Д. Чичерину был опубликован. См.: Сибирские и тобольские губернаторы... С. 90–91. — В выходных данных указа допущена ошибка — неверно указан номер тома ПСЗ. Полностью указ опубликован в XVI томе первого Полного собрания законов Российской империи № 11860.

²¹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 1. Д. 51. Л. 546 об.

смотря на то, что первоначально они готовились трудиться в заводских госпиталях, ехать им пришлось в Сибирь. Политика «приватизации» нового правительства привела к тому, что «за роздачею ис казенного в партикулярное содержание разным персонам» в ведомстве Берг-коллегии остались только Каменский и Екатеринбургский заводы, и коллегия почитала, что «удоволствовать» их сможет один штаб-лекарь И. Шнезе. Подлекарей должна была выделить Московская генеральная «гошпиталь». Аптекарем определили Иогана Якоба Тешнера (или Тершнера), несколько лет назад уже работавшего по своему профилю в Екатеринбурге. Но зимой решение изменили, поскольку был назначен во вновь учрежденную казенную аптеку Скубовиус (или Скобовиус)²². 4 апреля 1764 г. московская команда в составе аптекаря Скубовиуса, гезеля Магнуса Бекмана, ученика Якова Рояна, травника Михаила Веснина, четырех подлекарей — Павла Козловского, Григория Кривецкого, Ивана Гриневского и Карпа Шица — отправилась в Тобольск²³.

Примерно в это же время на другом конце империи, в далеких донских степях, истекал двухгодичный срок службы при Войске Донском доктора Фридриха Баада. В соответствии с положениями контракта он проинформировал Медицинскую коллегия об этом обстоятельстве и в сентябре тронулся в сторону столицы, дабы решить свою дальнейшую судьбу. Путешествие до Москвы затянулось, по дороге он заболел «глазною болезнию» и появился здесь только в январе 1764 г. По прибытии он сразу сообщил в коллегия и стал ожидать решения²⁴. Как говорится, на ловца и зверь бежит. 16 февраля 1764 г. Медицинская коллегия принимает решение направить Ф. Баада губернским доктором в Тобольск. Причем решение, по-видимому, было принято сразу окончательное, без каких-либо предварительных согласований, т.к. доношение Сенату, извещение в Медицинскую кантору и указы в Сибирскую губернскую канцелярию, самому доктору Бааду и первому тобольскому аптекарю Скобовиусу об этом были направлены в тот же день²⁵. Док-

²² РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 1. Д. 51. Л. 541–541об., 547–549, 582–582 об. — Во время пребывания на Урале И. Тешнер составил травник. См.: Старков В.И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX в. Екатеринбург, 2007. С. 31.

²³ Там же. Л. 591–592 об.

²⁴ Там же. Оп. 1: ч. 1, кн. 4. Д. 212. Л. 175–176.

²⁵ Там же. Л. 177–187.

тору же сие назначение не пришлось по душе, и он, ссылаясь на слабость своего здоровья, просит направить его куда-нибудь поближе, например, на аналогичную должность в губернию Смоленскую²⁶. Когда же стало ясно, что разжалобить Медицинскую коллегию не удалось, в конце марта Ф. Баад представляет два «аттестата» (аналог справки) о состоянии здоровья от лекаря Иоганна Раммерса, у которого он жил в Москве, и доктора Иогана Фридриха Эразмуса. В результате 16 апреля коллегия освобождает доктора от командировки в Сибирь, одновременно увольняет со службы (оплачиваемых больничных листов XVIII в. еще не знал) и решает подыскать другую кандидатуру²⁷. Однако до начала осени все повисло в воздухе — доктор болел, а желающих так и не находилось. Наконец в августе 1764 г. здоровье нашего героя поправилось настолько, что он решил вернуться на службу. Быть может, ему думалось, что за полгода все за-

былось или место было занято уже? Однако не тут-то было, провидение было неумолимым, уже 3 сентября он был назначен коллегией по прежнему определению в Сибирь с немалым для того времени окладом в 750 руб.²⁸

Б.Н. Палкин утверждал, что Ф. Баад упирался очень долго и прибыл в Сибирь только после утомительной переписки в 1769 г.²⁹ Но это утверждение следует считать, вероятно, ошибочным. В таком важном деле столь длительное сопротивление выглядит сомнительным. В нашем распоряжении пока нет рапорта Баада или губернской канцелярии о прибытии доктора в Тобольск, где была бы указана точная дата, но ряд косвенных фактов свидетельствует о том, что он был здесь уже в 1765 г. или самое позднее в начале 1766 г., т.к. весной этого года Медицинская коллегия предписывала ему «экзаменовать в медико-хирургической науке» подлекаря Василия Шмыгина³⁰. Его проше-

²⁵ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 4. Д. 212. Л. 177–187.

²⁶ Там же. Л. 195–195 об.

²⁷ Там же. Л. 196–196 об., 201, 202, 204–204 об.

²⁸ Там же. Л. 214, 215–216.

²⁹ Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868)... С. 50.

³⁰ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1, ч. 1, кн. 16. Д. 373. Л. 230, 231. — По сведениям А.А. Власова, В. Шмыгин был участником научной экспедиции на Дальний Восток, в 1745 г. был отдан в ученичество к лекарю Антону Смерду, с 1751 по 1757 г. обучался у тобольского штаб-лекаря Карла Мерца (у М.Б. Мирского — Карл Лерц), затем два года провел в Екатеринбурге

ние о переводе в другое место датируется 1770 г. При столь малом сроке пребывания (менее одного года, если полагать, что он приехал сюда в 1769 г.) возможно ль было надеяться на положительный исход дела?

К сожалению, информации о пребывании Баада в Тобольске сохранилось совсем немного. Скорее всего, он вел обычную для провинциальной столицы жизнь. Как доктор занимался лечением городских обывателей, солдат из проходящих воинских команд, проверял состояние здоровья рекрутов, как администратор организовывал и управлял немногочисленным персоналом, возможно, вел научные наблюдения. Дивизионный доктор Гермес утверждал также, что между доктором Баадом и аптекарем Скобовиусом отношения были натянутые. Как доктор он, по-видимому, пользовался авторитетом, к его услугам прибегал начальник Сибирских линий генерал-поручик И.И. Шпрингер, который постоянно проживал в Омске³¹. Однако душа доктора к Сибири так и не прикипела, он стремился вернуться в западные пределы стра-

ны, поближе к родным местам. В июле 1770 г. Ф. Баад обратился с просьбой о переводе его в центр страны, где у него был дом (родился он в Риге), о котором «никакого попечения иметь» не мог. В этот раз просьба не получила одобрения коллегии³². После этого ему пришлось провести в Тобольске еще долгих пять лет. Только декабрьское 1775 г. прошение было удовлетворено, и Медицинская коллегия определила его в Финляндскую дивизию, которая базировалась в Выборге. Интересно сопоставить даты, которые дают представление о темпоральном аспекте жизни человека XVIII столетия. Простение было подано в декабре 1775 г., Медицинская коллегия принимает решение 16 февраля 1776 г., Чичерин сообщал, что доктор будет отправлен на новое место службы 23 марта, а приступил к исполнению своих обязанностей на новом месте Ф. Баад только 1 ноября 1766 г.³³ Прошел почти год, пока дело решилось и специалист возобновил работу. После отъезда Баада должность губернского доктора исполнял штаб-лекарь Иван Анофриевич Гибов-

при штаб-лекаре Иване Шнезе, где и был переведен в подлекари (см. Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв... С. 104).

³¹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1, ч. 1, кн. 36. Д. 255. Л. 542.

³² Там же. Кн. 41. Д. 243. Л. 1096–1098.

³³ РГАДА. Ф. 344. Оп. 2, кн. 107. Д. 46. Л. 294–294 об., 297 об., 316, 322.

ский, который прибыл в Тобольск из Оренбурга в то же самое время, что и Баад, Скобовиус и др.

А.А. Власов вслед за Н. Федотовым и Г. Мендриной и в противовес сведениям П. Головачева и Б. Палкина утверждает, что первым губернским доктором был именно И. Гибовский, а Ф. Баад прибыл сюда якобы в должности врача городского³⁴. К сожалению, автор ничего не сообщает о характере источника, из которого он почерпнул сведения, ограничиваясь только указанием места хранения. Вопрос остается неясным. Среди документов Медицинской коллегии приказа о назначении И. Гибовского губернским доктором не обнаружено. Зато есть приказ о назначении тобольским городским доктором флотского лекаря Петра Герца. Приказ датирован 3 марта 1765 г.³⁵ Каков смысл этого распоряжения, коль скоро таковой уже был якобы назначен? Однако лекарь до Тобольска так и не добрался. После решения коллегии об отправке в Сибирь в апреле и мае 1765 г. П. Герц подал два прошения. Сначала он просил перевести его в

Прибалтийский батальон, а потом и вовсе решил покинуть службу³⁶. Такое часто бывало в XVIII в. Как, например, не состоялся приезд в Сибирь доктора Подгорецкого³⁷. О таком варианте развития событий косвенно может свидетельствовать постановление Медицинской коллегии от 25 августа 1768 г. о назначении на эту должность Я. Калена. В нем говорилось, что, несмотря на указ 1737 г. о назначении в «знатные» города империи докторов, в губернском городе Тобольске лекарь «оной еще не определен»³⁸. Возможно, Я. Кален и есть первый тобольский городской доктор?!

Другую часть Тобольского медицинского факультета XVIII в. составляли военные медики. Их история довольно подробно изложена в монографии Б.Н. Палкина и в очерке Чистовича Я. Здесь мы только отметим, что и для военной части факультета 1763 г. был важным. В ноябре был «высочайше» утвержден доклад Военной коллегии о формировании в Сибири нового корпуса, состоящего из двух конных и пяти пехотных полков³⁹. По сметам и

³⁴ Власов А.А. Очерки истории хирургии в Сибири... С. 17.

³⁵ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 6. Д. 620–621.

³⁶ Там же. Кн. 7. Д. 112. Л. 217–224 об.

³⁷ Головачев П.М. Врачебное дело в Сибири XVIII века... С. 77.

³⁸ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1, кн. 36. Д. 235. Л. 305 об.

³⁹ ПСЗ I. Т. XVI. №11979.

штатному расписанию в новом корпусе полагалось иметь одного доктора, одного штаб-лекаря, в карабинерных полках по одному лекарю и подлекарю, в пехотных — одного лекаря и двух подлекарей. Если бы формирование новых подразделений было осуществлено одновременно, то в Сибирь приехал бы сразу 21 медицинский специалист. Но по разным причинам этого не произошло и для начала сюда назначались только доктор, штаб-лекарь, два лекаря и четыре подлекаря⁴⁰. Жизнь военных докторов подчинялась другим ритмам, войска были разбросаны по обширным просторам Сибири, во время военных кампаний они вообще могли быть выведены от-

сюда на театры военных действий в европейскую часть. Военные врачи часто сопровождали экспедиции, в том числе и секретные. Поэтому их участие в сохранении здоровья гражданского населения было ограничено. Однако важно заметить, что со второй половины XVIII столетия происходит хоть и постепенное, но непрерывное нарастание постоянного присутствия в Тобольской губернии медицинских специалистов. Реформами Екатерины II было положено начало существованию Тобольского медицинского факультета, именно так в XVIII и XIX вв. называлось профессиональное сообщество медицинских работников⁴¹.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1: ч. 1. кн. 7. Д. 116. Л. 254.

⁴¹ Смирнова Е.М. Врачевание и милосердие: здравоохранение Ярославской губернии в XVIII — середине XIX века. Ярославль, 2011. С. 119–136.

Наталья Моторина

Этот загадочный Струве, или Гипотеза о судьбе словцовского архива

Увлечшись составлением родословия Словцовых, я и не заметила, как «подтянулись» другие фамилии, связанные с ними, не менее громкие: Гуляевы, Голодниковы и вот... Струве.

Всплыла информация, что после Якова Корнильевича, отца Ивана Яковлевича, директора Тюменского Александровского реального училища, остался архив, среди документов которого была и автобиография «Странствование по житейскому морю». В номере Тобольских епархиальных ведомостей, на странице, предшествующей публикации некролога Я.К. Словцова¹, помещено стихотворение «Житейское море»² преосвященного Гермогена, епископа Псковского. Связность двух наименований, мне кажется, не случайна. Вот ключ к этому совпадению пока найти не получается...

Из некролога, написанного учителем Н.И. Палопеженцевым, узнаем, что в бумагах Якова Корнильевича хранились воспоминания о П.А. Словцове», по версии ведомостей, *родном дяде владельца архива*. Не исключено, что такой документ существовал, хотя Петр Андреевич — родственник не близкий³. И архив, наверное, был. Вот только куда он исчез после смерти протоиерея?

Да и в факте самой смерти последнего есть какая-то недоговоренность. В некрологе указано, что умер Яков Корнильевич 1 сентября 1886 г. в 6 часов утра и похоронен в ограде Сретенского собора. Протоиерея, служившего в этом храме и сделавшего много для епархии и для города, в котором жил, должны были отпеть здесь же. Но метрические книги ялutorовских церквей за 1886 г. либо отсутствуют, либо пока обнаружить не удалось. Похоронен он все-таки был в

¹ ТобЕВ. 1886. 1–16 сент., № 17–18. С. 329–330.

² Там же. 1 мая, № 9. С. 194–196.

³ Моторина Н.М. Родословная П.А. Словцова сквозь призму его духовного завещания // Поколенческое измерение истории: мат-лы науч.-практ. конф. Тюмень, 2014. С. 66.

ограде собора. Правда, запись об этом найти удалось лишь в РГИА, в фонде великого князя Николая Михайловича⁴.

Среди бумаг Якова Корнильевича могли находиться письма Петра Андреевича. В таком предположении есть своя логика. Ялуторовск, где в Сретенском соборе служил протоиерей, какое-то время был местом жительства двоюродных племянников Петра Андреевича Виктора и Капитона Голодниковых⁵. Первый служил в суде и умер в 1853 г., а уже в следующем году Яков Словоцов венчал вторым браком жену покойного Виктора⁶. Капитон преподавал в Ялуторовском уездном училище.

Но им Петр Андреевич завещал «серебрянный подстаканник, вилку, подержанную коляску»⁷, но никак не свои бумаги. Еще один факт. Яков Корнильевич учился в Тобольской духовной семинарии в то время, когда в Тобольске жил П.А. Словоцов. Возможно, вопрос о родстве вставал, хотя не осталось документов, подтверждающих их личное знакомство. Архив мог сохраниться у детей Якова Корнильевича — Василия и Ивана, его внуков или других родственников, живущих здесь. Старший сын — Василий Яковлевич, жил до 1884 г. в Ялуторовске, после о нем нет упоминаний. Жена Василия Клавдия Ивановна, зять Николай Палопеженцев живут здесь же, умирают в 1902 г., похоронены в Ялуторовске⁸.

Второй сын, Иван Яковлевич, живет в Тюмени с 1879 г. Он уж точно, понимал ценность этого архива. Он знал толк в старинных документах. Уезжая из Тюмени в 1907 г., вывез часть губернского архива, который сейчас находится в Санкт-Петербургском филиале

⁴ «Яков Корнилов Словоцов — ялуторовский протоиерей, родившийся 9 октября 1809 г., скончавшийся 1 сентября 1886 г. Надпись на памятнике вокруг могильной плиты «Аз есмь червь, а не человек, поношение чело- веков и уничтожение людей»». РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 37. Л. 62.

⁵ Виктор Михайлович Голодников (4.11.1818, Тобольск — 21.08.1853, Ялу- торовск). Жена Анна Степановна Власова.

Капитон Михайлович Голодников (6/8.04.1823, Ялуторовск — начало окт. 1906, Тобольск).

⁶ ГАТоб. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 1220. Л. 97 об.—98.

⁷ РНБ, РО. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1: Духовное завещание П.А. Словоцова, состав- ленное им 16 января 1843 г. в Тобольске.

⁸ РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 37. Л. 63 об. «Николай Иванович Палопеженцев ск[ончался] 9 августа 1902 г. на 39 г[оду] ж[изни]. Теща его Клавдия Ивановна Словоцова вдова чиновника ск[ончалась] 13 мая 1902 г. на 67 г[оду] ж[изни].».

Института истории РАН. В фонде содержится более 1000 документов по истории нашего края с XVII в.⁹

Скорее всего, архив так и остался после смерти хозяина в доме, где жил Яков Корнильевич в Ялуторовске. Дом этот на улице Телеграфной был цел и через 11 лет после смерти протоиерея, а жили в нем в 1897 г. уже не внуки его, а семья крестьянского начальника Струве (!). Федор Борисович, 38 лет, уроженец города Астрахани, с женой Софией Владимировной, 33 года, уроженкой Ржева, и двухлетней дочерью Вероникой¹⁰. Зять Якова Корнильевича, Николай Палопеженцев, в это время занимал аналогичную должность в Ишимском округе. Не исключено, что общее место службы и сблизило их, и только по этой причине Ф.Б. Струве оказался в доме наследников Словцовых. Федор Борисович оказался на самом деле Федором Бернгардовичем — родным братом небезызвестного Петра Струве!.. Одним из шести сыновей Бернгарда Васильевича Струве — губернатора Астрахани и Перми. Изучение родословной Струве¹¹, встречи с потомками в Москве, исследовательская работа в архивах (2 дела в ГАТоб), несколько формулярных списков в РГИА, письма в рукописном отделе РГБ, встречи в Пулковской обсерватории, изучение эстампов в РНБ... Из всего этого, как картинка из пазлов, сложилась многоцветная и неоднозначная картина жизни неизвестного до сих пор тюменцам Федора Струве.

Традиционно считается, что в России два дворянских рода Струве. И тот и другой из Германии из Гольштейна: от Якоба и от Антона-Себастьяна. И тот и другой дали достойных представителей в России: астрономы, композитор, политические деятели, издатели. Не будем углубляться до XVI века, род нашего Федора Бернгардовича идет от Якоба. Сменилось несколько поколений, прежде чем Якоб от Якоба, крестьянский сын, а позже директор гимназии в Альтоне родил Василия (Фридриха Георга Вильгельма), который¹² и был основателем и первым директором Пулковской обсерватории. Василия Яковлевича

⁹ СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 1. Дд. 1–1318 Б: Опись собрания И.Я. Словцова 1597–1662гг.; Оп. 2. Дд. 1–172: Тюменская приказная изба 1620–1787 гг.

¹⁰ ГАТоб. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 3639. Л. 38.

¹¹ Нарбут А.Н. Родословные росписи. Вып. 20: Струве. М., 2004. См. также: D. Schakhovskoy. Les Struve. Paris, 15 mai 2002.

¹² Василий Яковлевич Струве (4/16.04.1793, Альтона — 11.10.1864, СПб). Действительный статский советник, окончил Дерптский университет, член-кор. Петерб. АН., автор многочисленных трудов по астрономии.

Василий Яковлевич Струве —
основатель
Пулковской обсерватории.
Около 1820 г.

называют Бахом астрономии. Так же, как и его великий соотечественник, имел многочисленное талантливое потомство: 18 детей от двух жен. Одним из них был Бернгард Васильевич¹³. Кстати, его на русский манер — Борисом — не звали. Лишь в листах 1-й Всероссийской переписи населения Российской империи по г. Ялуторовску отчество его сына Федора (о котором речь) значится «Борисович». Бернгард Васильевич был связан с Сибирью, служил у Н.Н. Муравьева, позже написал книгу «Воспоминания о Сибири» (СПб., 1889). С 1857 г. — губернатор Астраханской губернии, в 1865-м — Пермской.

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранится письмо Бернгарда Васильевича к Гавриле Степановичу Батенькову¹⁴, нашему земляку. Письмо короткое, но читается в нем и любовь к отцу (Василий Яковлевич был еще жив), и понимание душевного состояния Батенькова после 20-летнего заключения. Вот оно.

«В гостиницу “Демут”, № 14.

По совету Вашему я справлялся в канцелярии генерал-губернатора о причине, побудившей станового пристава так таинственно и глубоко встревожить ум моего отца-старика и подвергнуть меня мучениям бессонной ночи, ввиду тяжелых и неприятных последствий для моей жены и наших детей. Слава Богу! Дело самое пустое, про-

Имел 6 российских орденов и 10 иностранных. Жены: Эмилия Вааль (12 детей), Иоганна-Франциска Бартельс (6 детей).

¹³ Бернгард Васильевич Струве (20.07.1827, Дерпт — 18.02.1889, СПб.). Действительный статский советник, окончил Александровский лицей, служил в Восточной Сибири, позже назначен и.д. Астраханского губернатора, пермский губернатор. Записан с сыновьями Александром, Михаилом и Петром в 3 часть дворянской родословной книги Полтавской губернии Указом Сената от 1.11.1871 за № 4475.

¹⁴ РГБ, НИОР. Ф. 20. Оп. 13. Д. 17.

сто меня вызывают для выслушивания какого-то многозначущего (именно так. — *Н.М.*) объявления. Спешу Вас об этом уведомить, искренно уважаемый<..>душка. Зная, что вы душевно мне сочувствуете. Ваш Струве».

У Бернгарда Васильевича и его жены баронессы Аннет фон Розен¹⁵ родилось 6 сыновей¹⁶. Из всех братьев Бернгардовичей мы, безусловно, знаем Петра Бернгардовича, который был очень яркой фигурой на политическом небосклоне России в конце XIX — начале XX в. Участвуя в составлении «Манифеста РСДРП», он позже от марксизма отмежевался. В 1918 г. эмигрирует в Финляндию, но уже в 1919-м возвращается в Россию. В Гражданскую — он у Врангеля. Вновь эмиграция, теперь уже навсегда. Во Франции Петр Струве — известный издатель. Но для родственников он всегда был «дядей Петей», который поддерживал и материально и душевно. Сын Федора Бернгардовича, нашего героя, просит в одном из писем к нему за свою сводную сестру Веронику.

Другие братья Бернгардовичи — личности также достаточно яркие. Василий — директор межевого института в Москве. Николай — с 1905-го генеральный консул России в Канаде. Александр — литератор, автор книг для чтения, учебников русской грамматики. Михаил — горный инженер, директор правления уральских заводов П.П. Демидова, князя Сан-Донато.

И вот, наконец, Федор. Он — второй из братьев, родился 24 сентября 1858 г. в Астрахани. Следующие сведения из формулярного списка его, хранящегося в деле тобольского архива¹⁷. По увольнении из 3-го класса Одесского реального училища вступил в службу в Харьковский окружной суд канцелярским служащим в 1877 г. Затем был, как тогда формулировали, перемещен в Одессу. Был помощником секретаря по 1-му уголовному отделению. В 1878 г. уволен по болезни, с 1879-го служит в департаменте горных дел, но уже в 1880-м — уволен по домашним обстоятельствам, а в 1889 г. определен на должность младшего штатного чиновника особых поручений при волынском гу-

¹⁵ Анна Федоровна Розен (1835?–1903, СПб.).

¹⁶ Василий (26.06.1854–16.01.1912, Москва); Николай (23.07.1862–1912, Монреаль); Александр (21.03.1886, Пермь — 1915); Михаил (23.10.1867, Пермь — 1919); Петр (26.01.1870, Пермь — 26.02.1944, Париж);

¹⁷ ГАТоб. Ф. И-152. Оп. 37. Д. 106. Л. 18–23; Послужной список на 1892 год; Л. 31–33: Краткий список о службе на 1894 год.

Фотография семьи Струве.

В коляске рядом с матерью сидит Федор Бернгардович.

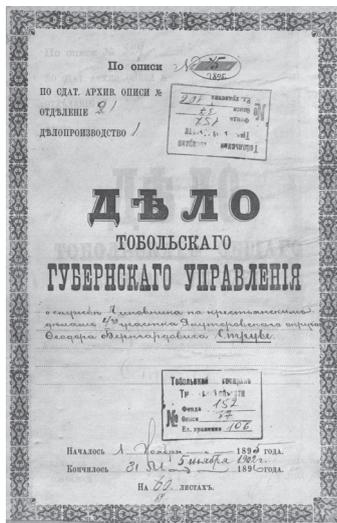
Альбомы Ж.Феррана. Noblesse Russe: Portraits. Paris, 1986. Т. 1

бернаторе. В 1891 г. снова уволен от службы по пресловутым домашним обстоятельствам. Хотя, скорее, служба его не складывалась. Чем занимался с 1880-го по 1889-й? В формулярном списке сведений нет. Но в книге «Юристы Тульской губернии в 60–80-е годы XIX века»¹⁸ встретила упоминание о нем как частном поверенном Тульского уезда (1882–1885). Правда, в конце книги, в сводном алфавитном списке он, Федор, назван Петром Бернгардовичем. Возможно, у автора сборника возникли сомнения: был ли Федор, кто он такой, а Петр и юрист, и известен более. Но Петру в эти годы было всего 12 лет, служить он еще не мог. В формулярном списке за эти годы с 1880-го по 1889-й Федор описан как находящийся в отставке. 14 декабря 1891 г. в Волынской губернии в городе Житомире Федору Струве выдан аттестат, «должный служить ему паспортом на свободное проживание» (именно так. — *Н.М.*) во всех местах Российской империи¹⁹.

¹⁸ Юристы Тульской губернии в 60–80-е годы XIX в.: Биограф. справочник / авт.-сост. И.В. Комарова; ГАТулО, 2002. [Электронный ресурс] / URL: <http://tulagosarchive.ru/infsearch.html#ab4> (Дата обращения 28.03.2015).

¹⁹ ГАТоб. Ф. И-152. Оп. 37. Д. 106. Л. 3.

В том же документе указано, что брак Федора Бернгардовича с Еленой Якимовной Якубовской, заключенный 28 января 1877 г. в харьковской Крестовоздвиженской церкви, расторгнут 13 августа 1892-го (указ № 3281) Священным Правительствующим Синодом по причине «прелюбодеяния Федора Струве, с воспрещением вступать ему в новый брак, при сем постановлено, чтобы при выдаче ему новых видов на жительство в сих последних помечалось, как о расторжении брака его, так и о воспрещении ему навсегда вступать в новый брак». Но в 1897 г. в Ялutorовске у Федора Струве другая «законная», как записано в метрических книгах, жена, и дочь Вероника. В июле 1896-го родился сын Юрий, но в январе 1897 г. он умер²⁰. В 1898-м еще одна дочь Татьяна²¹. От брака с первой женой Еленой Якубовской тоже были дети. Борис, родившийся в 1880 г.²², и дочь Анна²³. Борис Федорович, воспитывался, скорее всего, у бабушки по линии матери, но о самой Елене Якубовской, о ее судьбе ничего не известно. С Борисом воспитывался «брат его», «приемный сын» Женя Якубовский²⁴. Но и бабушка по линии отца Анна Федоровна любила внука. Из дальнего путешествия посылала фотографии с теплыми словами.

Обложка дела
(ГАТоб. Ф. 152. Оп. 37. Д. 106)

²⁰ ГАТюмО. Ф. 255. Оп. 3. Д. 117. Л. 156–157.

²¹ ГАТоб. Ф. И-331. Оп. 6. Д. 335. Л. 15.

²² Борис Федорович Струве (2.12.1880–11.04.1938), житель г. Москвы. Арестован в 1937 г., осужден 07.04.1938-го тройкой при УНКВД. Обвинение: контрреволюционная троцкистская деятельность. Расстрелян 11.04.1938. Реабилитирован 11.10.1957. Книга памяти Магаданской обл. [Электронный ресурс] // URL: <http://rosgenea.ru/?alf=18&r=4&searchcat=al=%D1%F2%F0%F3%E2%E5> (Дата обращения 06.05.2015).

²³ Анна Федоровна Струве (ок.1883?–26.08.1885).

²⁴ Евгений (Петрович?) Якубовский. Прапорщик Донской Армии. Участник Степного похода. [Электронный ресурс] // URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (Дата обращения 06.05.2015).

Борис Федорович Струве.
Киев.
Из архива Н.В. Киселевой.
Публикуется впервые

Итак, в 1897-м. Федор Струве со второй женой и дочерью живет в Ялutorовске, служит крестьянским начальником. В эту должность он вступил 15 сентября 1893 г.²⁵ (В это время Н.И. Палопеженцев еще служит штатным смотрителем ялutorовских училищ и покинет город лишь через пару лет.) А через 6 лет, 12 ноября 1899-го, наш герой осужден за растрату 8000 руб. (!) и отправлен на поселение в Енисейскую губернию²⁶.

Откуда такая сумма? В роскоши Федор не жил. В деле есть несколько объяснительных записок Федора. Одна — по поводу покупки пианино для Ялutorовского общественного собрания. В 1897-м он купил инструмент фабрики Шредер в торговом доме Захо А.Н. в Екатеринбурге за 454 руб. 80 коп., обещая выплатить эту сумму в три приема к определенному сроку. Общественное собрание выделило лишь 200 руб., о чем у Струве имелись документы, их он прилагает к делу. Вернув долг, Федор возложил всю ответственность за дальнейшие расчеты с торговым домом А.Н. Захо на собрание. Пианино в Ялutorовск было уже доставлено и использовалось по назначению. (Где оно сейчас?) О происшедшем судить сложно. Но в деле о присвоении 1000 руб., собранных на строительство храма в селе Турушевском, вина Федора доказана²⁷.

Общую картину усугубляют и другие факты. Не вернулся вовремя из отпуска. Уехал 18 апреля 1896 г., а вернулся 3 июля. Да, уезжал в Петербург, да, заболел там, проходил лечение, есть медицинское заключение доктора А.Г. Трейтенфельда²⁸. Эти факты к растрате денежных средств никакого отношения не имеют, но в деле есть. Смею предположить: Федора просто не любили. Родственники и сослуживцы. Даже жены — с одной развелся, другая не поехала с ним в ссылку²⁹. Не

²⁵ ГАТоб. Ф. И-152. Оп. 37. Д. 106. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 62.

²⁷ Там же. Л. 44–44 об., 53–53 об.

²⁸ Там же. Л. 36.

²⁹ Софья Николаевна пишет 7 января 1900 г.: «Я, нижеподписавшаяся, жена бывшего крестьянского чиновника Софья Струве дала настоящую

любили за то, что не умел делать карьеру, не вел себя в рамках приличий, опозорил семью и фамилию. Поэтому и не заплатили долг его, а могли бы, в деле формулировка **«сумму, непополненную»** (выделено мной. — Н.М.) при обнаружении сего злоупотребления». Правда, возможно, по чьему-то ходатайству, облегчили участь «лишенного всех особенных прав и преимуществ Федора Бернгардовича Струве освобождением его от заключения в тюрьму на один год».

Уже упоминалось, что нашего героя скорее всего не любило его окружение, зато женщин Федор любил. И даже в заключении (находился в тюменской тюрьме около 4 месяцев), добивается встреч, ранее разрешаемых, с арестанткой Бирюковой³⁰. Якобы для консультаций по юридическим вопросам — вот в это трудно поверить. Через несколько дней после одного из таких прошений Федор Струве был отправлен в ссылку. Последнее сообщение о нем от 29 февраля 1900 г.³¹: живет на поселении в г. Ачинске Енисейской губернии в бывшем доме Верницкого.

Дальнейшая судьба Федора Струве неизвестна. Умер ли в Ачинске? В 1919-м в войсках Восточного округа воевал ротмистр Струве³². Он ли? Федору было бы уже 60 лет.

Хотелось мне найти и фотографию Федора, но ни у прямых потомков его, с которыми я встречалась в Москве³³, ни в архивных

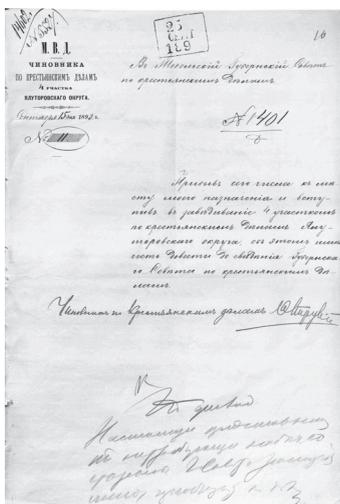
подписку Тобольскому городскому полицейскому управлению в том, что следовать с детьми за мужем своим, осужденным в ссылку в Енисейскую губернию **я не желаю** (подчеркнуто в письме. — Н.М.). Дети мои имеют следующий возраст Вероника — 5 лет и Татьяна — 1 год. София Струве». ГАТоб. Ф. И-331. Оп. 6. Д. 335. Л. 15.

³⁰ ГАТоб. Ф. И-331. Оп. 6. Д. 335. Л.17.

³¹ Там же. Л.20 об.

³² http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (Дата обращения 06.05.2015).

³³ О потомках. В Москве я встретила с Екатериной Львовной Каллистовой (ветвь от Василия Бернгардовича) и Ниной Владиславовной Кисе-

Автограф Федора Струве
(ГАТоб. Ф. 152. Оп. 37. Д. 106)

документах фотографии не было. Казалось: любое упоминание о нем в переписке, фотографии, письма его были уничтожены. Но в Санкт-Петербурге я познакомилась с Ниной Яковлевной Московченко, до недавнего времени сотрудником музея Пулковской обсерватории. В течение многих лет она собирала материалы по родословной Струве — астрономов. А после выхода на пенсию оставила все собранные ею документы в музее обсерватории. Нина Яковлевна и сообщила, что фотография Федора в детстве есть в отделе эстампов РГБ в альбомах Жака Феррана³⁴.

А что же словцовский архив? Скорее всего, не взяла с собой в Петербург бумаги покойного протоиерея Софья Владимировна — вторая жена Федора, не было его и у Вероники Федоровны, в замужестве Юрьевой, умершей в Петербурге в 1917 г. 23 лет от роду. Вероятно, остались письма в сундуке на чердаке того самого дома на Телеграфной улице города Ялutorовска. Или были взяты внучкой протоиерея Екатериной Васильевной Палопеженцевой (а жила она в Ялutorовске вместе с больной дочерью до своей кончины в 1931-м).

И... были сданы в макулатуру или выброшены новыми хозяевами в канаву (буквально!). Об этом рассказывал сотруднику ялutorовского музея Глеб Иванович Пасечников, живший в детстве вместе с родителями в одном доме с Палопеженцевыми.

Что ж, быть выброшенными в канаву, на обочину истории, — такова судьба не только архивов...

левой, праправнучкой Федора Бернгардовича. Борис Федорович был женат на Анне Петровне Пшимановской (Шимановской). В браке родились две дочери Екатерина (1902) и Валентина (1912). Екатерина Борисовна состояла в первом браке за Михаилом Тупотиловым. Сын — Юрий Михайлович Тупотиллов. Во втором браке — за Грековым Павлом Ивановичем, ученым, проходившим по «делу Вавилова» и расстрелянным в 1942 г. Дочь Ирина Павловна Грекова, замужем за Владиславом Федоровичем Колотиловым (погиб при аварии на химпредприятии в 1964-м). Вторая дочь Бориса — Валентина Борисовна вышла замуж за Изюмова Николая Михайловича. Их дети Людмила, Екатерина и Михаил, написавший книгу о своих предках «Из истории одной российской семьи» (СПб., 2005). И Екатерина Львовна и Нина Владиславовна щедро распахнули передо мной семейные архивы, за что я им очень благодарна.

³⁴ Jacques Ferrand. Noblesse Russe: Portraits. Paris, 1986. Т. 1.

Валерий Белобородов

Обида священника Майзакова

Публикуемый документ содержит в себе ряд подробностей столетней давности из жизни села Ларьякского Сургутского уезда. О прошлом этого небольшого села (в 1910 г. в нем насчитывалось всего около 80 жителей вместе с детьми), административного центра Ваховской волости, населенной остяками, как тогда называли ханты, известно довольно много, если сравнивать его с соседними волостными центрами. Ларьяк был на слуху читающей публики Тобольской губернии, местные газеты и «Ежегодник Тобольского губернского музея» в начале XX в. довольно часто пуб-

ликовали сообщения из Ваховской волости ларьякского учителя Г.М. Дмитриева-Садовникова¹. Автор рассказывал о состоянии звериного и рыбного промыслов, снабжении населения мукой, солью, порохом, дробью, ходе весенней и зимней ярмарок, ценах, распространенности пьянства, сифилисе и туберкулезе, школьных делах, погоде, писал статьи о материальной и духовной культуре ваховских остяков. Из всей этой информации складывался образ Ларьяка: он представлялся как патриархальное, но развивающееся село. Вместе с этим и сам автор год от году вы-

¹ Дмитриев-Садовников Г.М. (1885, г. Тобольск — 1921 или 1922) — педагог, краевед, литератор, общественный деятель. В 1904–1913 гг. преподавал в Ларьякском сельском начальном училище, в 1908 г. при училище устроена кузнечно-слесарная мастерская. Не менее 10 лет плодотворно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, публиковал в его «Ежегоднике» статьи по этнографии ваховского края, в газете «Сибирский листок» — корреспонденции из Ларьяка. Позднее служил учителем в Обдорске, Демьянске, вел педагогическую и общественную работу в Тобольске, а летние месяцы тратил на исследовательские поездки по Тобольскому Северу. В 1917–1921 гг. — один из главных сотрудников тобольских газет «Земля и воля», «Тобольское народное слово», «Северное сибирское кооперативно-народное хозяйство», журнала «Северосоюз». В 1998 г. в Екатеринбурге издан сборник статей и корреспонденций Г.М. Дмитриева-Садовникова «Версты и строки». 14 апреля 1906 г. вступил в брак с Анной Прохоровной Кайдаловой. Поручители по женихе — Василий Квинтилианович Прянишников и Андрей Петрович Трофимов.

растал в глазах читавших как деятель просвещения и просто весьма симпатичный человек.

Историческая реконструкция жизни Ларьяка конца XIX — начала XX в. в последнее двадцатилетие пополнилась многими новыми подробностями благодаря поискам нижевартовского краеведа И.В. Игониной. Она собрала обширный материал о семье бывшего сургутского казака, ларьякского торгующего мещанина, а в представлении односельчан купца Прохора Иоакимовича Кайдалова и членов его большой семьи². На его дочери Анне был женат Г.М. Дмитриев-Садовников. Собранные документы и живые свидетельства в совокупности представляют достойный семейный портрет.

И вот однажды в архиве А.А. Дунина-Горкавича в фонде Тобольского музея-заповедника мне встретились документы, категорически зачеркивавшие приятную картину. Писаны они были рукой ларьякского священника Александра Майзакова. Главный из них — письмо к тобольскому

губернатору Н.Л. Гондатти, писанное в марте 1909 г., — состоял из длинного ряда фактов совершаемых его «чадами» всевозможных мелких и крупных обманов, ловкачеств, злоупотреблений служебным положением и кумовства. Категоричность автора письма принять было невозможно, и в то же время это страстное обращение к высшему должностному лицу губернии также нельзя было и совершенно отвергнуть: в нем за очевидной субъективностью писавшего, абсолютно уверенного в своей правоте, виделись живые, не выдуманные черточки подлинной жизни. И я решился предложить это письмо к публикации — пусть заинтересованный в исторической истине думающий читатель сам разберется в описанной ситуации, неоднозначной, как и всякая подлинная, а не сочиненная жизнь.

Теперь нужно представить «главного героя», вынесшего сор из избы, — священника ларьякской Знаменской церкви Александра Николаевича Майзакова³. К службе в Ларьяке он приступил

² Кайдалов Прохор Иоакимович, сургутский мещанин, бывший казак, торговал и вел промысловую деятельность в Ваховской волости. У него и его жены Ольги Сергеевны было восемь детей: дочери Анастасия, Анна, Анфиза, Антонина, Зоя и Мария и сыновья Иван и Виктор. Из сестер наиболее известна Зоя Прохоровна, получившая учительскую профессию и преподававшая еще с дореволюционного времени в Демьянске, а в начале 1920-х гг. — в Ларьяке.

³ Майзаков Александр Николаевич родился в 1874 г. в с. Ильинском Ишимского уезда Тобольской губернии. С 1892 г., после увольнения из 3-го класса Тобольской духовной семинарии был псаломщиком тобольских церквей. Следующие места службы — Сургут, село Кондинское Березовского уезда, село Бронниковское Тобольского уезда.

24 августа 1905 г., имея уже более чем 10-летний опыт церковной службы, в которой были и взлеты, и падения. На север губернии он попал в 1896 г. Два года был дьяконом сургутской Троицкой церкви, затем с 1898 г. — священником Свято-Троицкого женского монастыря в селе Кондинском Березовского уезда. И тут — серьезное «падение»: за нетрезвость, нанесение тяжкого оскорбления послушнице Анне Леоновой и странный случай прекращения службы во время всеобщего бдения Майзаков отрешен от места и низведен в псаломщики. Через недолгое время право священнослужения было ему возвращено, но он не оставлял пристрастия к винопитию.

Человек, как видно, нервный, неуравновешенный и взрывной, не терпящий малейшей несправедливости, он, наверное, мало

подходил на роль священника. Своей склонностью то и дело спускать ближнего с облаков на землю и показывать изнанку деяний и поступков он восстанавливал свою греховную паству против себя лично.

Главной мишенью отца Александра был волостной писарь В.К. Прянишников⁴, запятнавший себя, как был уверен священник, многими злоупотреблениями служебным положением, мелким мошенничеством, разгульным образом жизни, картежной игрой. Все это обильно подтверждено фактами в письме к губернатору. Остановить взявшего себе много воли писаря, по мнению Майзакова, некому: в селе все повязаны родственными отношениями, а в Сургуте у него крепкая защита в лице главного эксплуататора ваховского края купца К.В. Силина⁵ — «друга детства» Пряниш-

⁴ Прянишников Василий Квинтилианович, сын нарымского купца Квинтилиана Семеновича Прянишникова, о котором историк В.П. Зиновьев пишет: «Прянишников и Серяков были полными хозяевами на Оби от Нарыма до Сургута. Они скупали рыбу, перо, пушнину, орех, ставили стрелевые невода, брали подряды на снабжение [дровами] пароходов. Они давали заработок многим местным жителям, нещадно их эксплуатирова». (Зиновьев В.П. Пароходные промыслы на Оби // Земля Александровская. Томск, 1997. С. 298). По словам финского путешественника и исследователя У.Т. Сирелиуса, 15 лет занимал должность нарымского городского головы.

⁵ Силин Константин Васильевич — сургутский купец. Имел магазины или лавки в Сургуте, Локосово, Нижне-Лумпокольском, Ларьяке. Вел заготовку пушнины, рыбы, ореха и поставлял дрова для пароходов. Имел катер для развозов. Судя по публикациям тобольских газет, был известен своей общественной деятельностью и пожертвованиями на общественные нужды. «Сибирский листок» в № 7 за 1909 г. сообщил о пожертвовании им дома в Ларьяке для размещения приемного покоя и квартиры фельдшера. В 1913 г. он был членом уездного отделения училищного совета, в 1914–1915 гг. — почетным мировым судьей.

никова, как его называет автор письма. Возможно, поэтому писарю попустительствует и уездный исправник Пирожников⁶.

На заблудшую паству священник предпочитает воздействовать не личными беседами и увещеваниями, а путем жалоб вышестоящему начальству, при этом местами передергивая. Возьму для примера подробно разобранный в письме к губернатору тему сельского училища. Учителю Дмитриеву-Садовникову адресовано такое, например, обвинение: пользы от ремесленного отделения при училище никакой нет, дети ремеслам не обучаются, и устроено оно только для того, чтобы увеличить жалованье учителя. «Работали немного для лавочной продажи в пользу свою учитель с попечителем, — сетует автор письма, — поправили старые кремневые ружья и понаделали железных печей и остановились».

Между тем, как видно из отчета о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции за 1909 год, кузница при училище и была устроена «ввиду крайней необходимо-

сти для местных жителей в починке оружия». В письме и констатируется выполнение этой задачи⁷. А утверждать, что дети ремеслам не обучены, было явно преждевременно, потому что ремесленное отделение проработало всего лишь год. Училищу священник выносит такой приговор: «... все слухи и отзывы хорошие, какие существуют про Ларьякское училище, — ложны». И еще жестче: «Училище стоит ниже всякой школы древних времен». Ну а это уже диаметрально расходится с многочисленными одобрительными отзывами об училище и учителя.

И тем не менее высказанное священником, как видно, долго копилось, наболело и заслуживает внимания. Семейственность, на которую он ополчился, в Ларьяке, безусловно, существовала, и были для этого естественные причины — например, шестеро юных дочерей Прохора Акимовича Кайдалова. Все они предпочитали оставаться на родине, здесь и выходили замуж. Семейственность, сохранение и поддержание близких отношений даже с даль-

⁶ Пирожников Григорий Александрович (1869–1963) родился в слободе Усть-Ницинской Тюменского уезда. Воспитывался в Тобольской духовной семинарии, но курса не окончил. С начала 1891 г. служил на севере губернии (Березов, Кондинское) в уездном полицейском управлении. В 1903–1917 гг. — сургутский уездный исправник. В 1917–1919 гг. заведовал продовольственным снабжением Сургутского уезда, затем по 1924 г. служил в советских учреждениях Сургута и Тюмени. В начале 1904 г. привлек к учительской службе в Ларьяке Г.М. Дмитриева-Садовникова. Имел тяготение к изучению края, оказывал помощь исследовательским экспедициям, написал большую краеведческую работу «Обь-Иртышский Север».

⁷ Школьный отдел при «Тоб. губ. вед., неоф. ч». 1910. № 11. 25 мая.

ними родственниками вообще были гораздо более характерны для дореволюционного времени, чем для нынешнего, и они создавали особый «климат», располагавший к попустительству друг другу близких людей, даже если они порой помыкали какими-то служебными правилами. В письме много таких примеров.

В наше время понятие «семья» наполнилось новым содержанием. Или хорошо забытым старым. Одна из таких «семей» в ее особом нынешнем понимании существовала столетие назад и в Сургутском уезде, и главой ее был упоминавшийся уже купец 2-й гильдии Константин Васильевич Силин. Восточную часть уезда он экономически контролировал с помощью родственников. Брат купца Андрей Васильевич «представительствовал» на самой окраине уезда в селе Верхне-Лумпокольском, племянник Андрей Петрович Трофимов⁸ содержал лавку в Локосово, его брат Василий Петрович⁹ — в Ларьякском, где и женился на дочери Прохора Кайдалова Анастасии. Эти близкие,

надежные люди, в свою очередь, как пишет Майзаков, привлекали себе в пособники живших в селах обрусевших ханты. Вся эта выстроенная система обеспечивала коммерческий успех Силина. А на грешки участников его купеческого дела уездная полиция смотрела снисходительно: кому не известны провинциальная неотесанность и грубость нравов?

Майзаков словно бы уперся в каменную стену. Для него очевидно, что нельзя церковному старосте Василию Трофимову хранить деньги церкви у себя, а благочинный, священник Иоанн Селихов, советует «предать дело забвению» и увещевает: «Миротворцы сынами Божиими нарекутся». «У местного о. благочинного, — пишет о. Александр, — тактика такова: если услышит сплетни про меня, доводит до сведения епархиального начальства, и мне приходится долгое время потом отписываться, если же я взаимно начну его разубеждать, он уговаривает меня...».

Майзаков доносит об общеизвестном, задает риторический

⁸ Сын сургутских мещан Петра Андреевича и Анастасии Васильевны Трофимовых. Род. 30 июля 1885 г., по-видимому, в Локосово, был женат на Варваре Николаевне Клепиковой, поручители по женихе — Василий Петрович Трофимов и Прохор Иоахимович Кайдалов. Дети — Таисья, Петр, Сергей.

⁹ Род. 20 янв. 1882 г. После исполнения в течение некоторого времени обязанностей церковного старосты в Ларьяке в 1922 г. ему пришлось стать разрушителем Покурской, Ваховской и Нижневартовской церквей в качестве уполномоченного подкомиссии по изъятию ценностей из храмов. Его, по-видимому, единственный сын Борис, работавший в Томске бухгалтером одного из учреждений, в 1937 г. был арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и пять лет поражения в правах.

вопрос: «Интересно, почему в ясак идут деньги, а не всё пушной товар и в уплату за муку тоже?» И сам же отвечает: «Причина простая — пока не наберут должный комплект торговые люди, писарь пушнину не принимает. Казне достаются остатки». Казалось бы, страдает государственный интерес, но исправник закрывает на это глаза или, во всяком случае, не находит нужным ответить. Не успел разобраться с жалобой ларьякского священника и губернатор Н.Л. Гондатти, он получил перевод на должность томского губернатора и уехал.

Положение ларьякского священника в селе становится все хуже. В письме к новому губернатору он жалуется: «Силин, получивши при посредстве о. благочинного мое жалованье за вторую половину 1908 г. — 300 руб. и, кроме того, еще 150 руб. старого долга, крупчатки мне не выдает, и вот я с малыми детьми, которых пять человек, с престарелыми родителями и женою без рыбы, мяса и без белого крупчатого хлеба и вдобавок без денег проживаю на одном казенном ржаном горьком хлебе. Таким хлебом сперва брезговали, а теперь привыкли. [...] В 1907 году точно в таком же положении я находился, но были деньги и прожил хорошо»¹⁰.

Участие архиепископа в судьбе священника и его семьи выразилось в том, что «за совершение

всенощных бдений и повечерия выпивши, за хранение молитвенных денег у себя, за несвоевременное писание метрических книг» священнослужение было ему вновь запрещено и в клировой ведомости по Сургутскому уезду за 1910 г. была записана такая нелицеприятная характеристика: «С нравственной стороны, как иерей, заслуживает балл по поведению 2 за пьянство, буйства, азартную игру в карты, сквернословия, грубые препирательства к благочинному, самовольные и продолжительные отлучки из прихода и нецеломудренность»¹¹.

Священническая карьера Александра Майзакова, надо полагать, на этом закончилась. Отец Александр оказался «сам такой». Судись за разные грехи — а ты на себя посмотри, правдолюбец, сам даешь козыри для парирования своих выпадов. С сильным не борись, с богатым не судись.

К характеристике автора публикуемого письма, прежде чем у читателя сложится о нем окончательное мнение, сделаю небольшое счастливо найденное прибавление. При работе с бумагами Г.М. Дмитриева-Садовникова в Российском государственном архиве литературы и искусства мне встретился листок с таким кратким и замечательным письмом: «Григорий Матвеевич! Я на прощание скажу Вам, что Вы человек многообещающий в будущем.

¹⁰ ТГИАМЗ. ТМ Кп 17121/2291.

¹¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 167. Л. 45 об. — 48.

Я был Вам в душе враг, мститель до последнего часа, а теперь брат. Прощай, не поминай лихом, а добром помянуть не за что. Да благословит тебя Бог, а я навсегда за твое душевное благородство твой преданный друг. Что ты написал в газете («Торг. газ.») всё неопровержимые факты. Удостоверяю. Прощай. Глубоко уважающий тебя запрещенный священник А. Майзаков»¹².

Писано 20/III 1909 г.
Свящ. Ал-р [Майзаков?]
Сургут

Ваше превосходительство!

Будучи вынужден, осмеливаюсь почтительнейше предложить Вам на благоусмотрение несчастный быт «Остяцкого населения ваховского края», так как вполне убежден, что Вы, ваше превосходительство, примете все изложенное к сердцу и сделаете все «для их облегчения».

Что такое «Вах»?

Вах — это река и вся местность с остяцким населением. Край этот богат белкой, которая немного уступает по хорошему качеству «иркутской». Добывается белки громадное количество, почему и живет в сем крае много торгующих. Все торгующие повыселились из Сургута и живут здесь, благоденствуя, и составляют все русское население местности и, в частности, все население села Ларьякского.

В Березовском уезде имеются два пункта торговли русских с инородцами (имеются) именно: г. Березов и село Обдорское и в Сургутском также таких очень важных пунктов два — именно: уездный гор. Сургут и село Ларьякское.

Во всех трех первых пунктах, по справедливости, все обстоит хорошо, но в селе Ларьякском все в таком ужасном виде, что только нужно всякому лично побывать, дабы все понять и поверить.

«Вах» почему-то считается недоступным для взгляда и недостойным внимания г. уездного исправника, и это ко благу ларьякских эксплуататоров.

Остяки в самом первобытном состоянии, в каком 100 лет назад были их собратья березовские.

¹² РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 31. Л. 17.

Русского языка совсем не знают и ведут кочевой образ жизни; вниманием своего ближайшего начальства не пользовались и не пользуются. Служат они для обогащения русских кулаков и если терпят нужду, то этого никто не видит и до сих пор. Одним словом, «все здесь обстоит благополучно», так, наверно, и докладывал г. уездный исправник их превосходительствам господам тобольским губернаторам, но на самом деле это ложь.

Виновен он должен быть в этом и заслуживает опять-таки сожаления, так как его самого обманывали и продолжают обманывать до сих пор.

В селе Ларьякском имеется инородная управа. Инородцы — старшины и сотники — служат и дрожат за свою шкуру, так как все печати, знаки, касса и «самоуправление» в руках писаря, который в глазах их настолько велик, что они боятся ему «слова молвить».

Писарь Василий Квантилианович Прянишников, сын умершего нарымского купца, еще при жизни отца, играя в карты, расточил все имение, подорвал дивиденды и был изгнан из родительского дома. Бросивши жену с детьми, ходил по г. Томску с разной мелочью и проторговался. Переселившись в село Александровское, сделался простым дроворубом и поставлял для пароходов дрова в небольшом количестве.

Здесь случай помог выйти на дорогу. Приехали из Сургута в это селение гг. уездный исправник и мировой судья по делам службы, вечером захотели составить партию виста, нашли третьего человека одного из местных торговых, а четвертого нет как нет.

Вдруг докладывают, что Прянишников принес на жаркое несколько рябчиков в гостинцы. Его пригласили, в разговоре упомянули о своем горе и нашли в пришедшем нужного человека...

Получил Прянишников место вахтера, а потом сумел добиться и должности писаря Александровской (Нижне-Лумпокольской) управы. За какой-то малый грех (побитие остяка) попался было под суд, но известный сургутский купец К.В. Силин, «друг детства», выручил его, и он попал на соответствующую должность в «глухой Ларьяк». Здесь Прянишникову житье, как в раю земном. Пользуясь поддержкой сургутского «друга детства» Силина и платя ему должную дань, он живет безбедно. Получая 300 р. в год, он старшего из сыновей Александра вызвал из Томска, пристроил его в «караульные» к ларьякским магазинам — хлебозапасному и пороховому, вме-

сте с этим он назначил его коморщиком управы и разъездным до Сургута нарочным, за что инородцы платят свыше 200 рублей.

Магазины не окарауливаются ни зимой, ни летом. Летом «караульный» сынок писаря постоянно в отлучке за рыбным промыслом или за промыслом уток, где проводит целые недели. Приезжие остяки, останавливаясь около них (т.е. около магазинов), разводят большие костры и варят пищу и у горящих костров после еды засыпают.

Весной бывает сушка ореха — разводят торгаши громадные костры в своих дворах, так что пламя иной раз превышает постройки — и это ничего, не страшно.

В весеннюю ярмарку (в половине мая) масса остяков находят себе прикрытие под лабазами (торговыми амбарами), и когда удаляются (т.е. прогоняются), то переходят под казенные амбары, где угощаются чаем из русских самоваров и распивают вино, добытое от местных торговцев. Бывают ночи бурные, в которые приходится мне отбывать (из страха) обязанность «обходного караульного». Так бывает до приезда г. станового и после этого; немного поскромнее идет все и в присутствии его.

Во время лета, с 1 июня по 15 августа, местное население — торговые, учитель и писарь — находятся в отъезде по своим делам. Урядник всегда на охоте по целым неделям, как и «писарский сынок». Летом церковь и казенные магазины в большой опасности. Зимой ни от магазинов, ни от церкви снег не отгребается. Караульный церкви и трапезник, глядя на писарского сынка, только денежки в карман кладет, церковь не отапливается ни летом (так как тепло), ни зимою, потому что дров запасенных нет. Топит раз в неделю (в сильные морозы) — перед службой вечером и назавтра утром. Больше не полагается. Трапезник нанимается от управы писарем и зависит от него, а не от местного священника. Писарь сыну делает снисхождение, в силу этого и трапезник Балин пользуется особой привилегией и льготой. Очень часто прислуживает ему. «Писарский сынок» обязанность рассыльного редко исполняет. Писарь все лето живет в Сургуте, поэтому «почты» не бывает. Случается — съездит с почтой рассыльный раза два в зиму, и только. В обратный путь рассыльный Прянишников бросает почту за 100 верст от Ларьяка и спешит домой на свидание с женою. Почту привозят остяки спустя иной раз неделю. Писарь, пока не наиграется в карты и не наговорится о «новостях сургутских», почту не выдает ни священнику, ни фельдшеру. В управу за пакетами приходиться нужно по несколько раз.

Почта ходит редко, по случаю, «за попутьем» отсылается иногда с урядником, а больше всего «ходит по рукам» чрез передачу из рук в руки, от юрт до юрт.

Это делается так: «писарский сынок» увозит до ближних юрт почту на своей лошади или на оленях, «папенька»-писарь выводит 3 рубля в расход из остяцких карманов себе в пользу. Почта таким образом идет до Сургута более месяца и теряется, как было несколько раз в мое служение здесь (в 4 года). Деньги посылать опасно.

А то бывает так: писарь поедет за своим делом (посмотреть ловушки рыбной ловли), запряжет сын лошадь, и он, взявши «почту», завезет по пути ее в ближайšie юрты и опять 3 рубля себе в карман.

Писарь имеет в компании с местными торговыми оленей и, чтобы оправдать такой расход, гоняет с ними «земскую». После сбора ясака на «компанейских» оленях развозятся старшина и сотники, за что получается хороший заработок (5 и 6 р. с нарты). Случаются и другие подводы. Писарь помимо означенных заработков имеет и другие «компанейские» и одиночные собственные.

1-й. Вздумалось г. исправнику перенести в угоду пароходчику, поставщику муки Голеву-Лебедеву, хлебозапасный магазин, и дал писарь подряд местным торгашам. Вырядивши около 100 рублей, перевезли они магазин на новое избранное место. Работали 4 лошади и два человека только два дня и получили 100 р. в карман. Бревно накладывали и сбрасывали остяки (по обязанности) и плотники, а они только перевозили. Магазин по их совету поставлен при крутой обрывистой извилине реки. Сперва стоял (т.е. третьем годе) сажень в 20, а будущей весной должен быть в 5 от крутого берега, который обрывается. Потрачено на «это дело» рублей 600, чрез год опять, должно быть, понадобится столько же. Им опять хороший заработок.

2-й случай. Местному торгующему В.П. Трофимову нужно было избавиться от дома-казармы, на который требовалось около 100 сажень дров в одну только зиму, и предложили они его под местное училище; дом куплен за 1500 рублей и добавочный ремонт тотчас же ассигнован (как я слышал) 500 рублей. Опять им нажива. Классная комната может вмещать 60 человек, а учеников всего только семь человек. К лету сего года по выпуске четырех останется трое. Больше для местного училища взять негде учеников. Лес, приготовленный для прежде предназначенного училища, догнивает на площади.

3-й. В минувшем 1908 году сын Голева-Лебедева привез на пароходе казенную муку вроде полыни и песку. Писарь принял ее. Теперь я с семьей и все остяки поневоле питаемся ею. У писаря и у всех местных торговых («забрана») лучшая ржаная мука, из которой и была взята проба, показанная старшине и сотникам. Г. исправник и становой пристав при таких случаях не бывают. Урядник отсутствует, дабы не видеть и не отвечать. Утонул остяк, оборвавшись со сходен бесперильных. Остяки взбунтовались, и горе было бы Голеву-Лебедеву, а также и писарю и прочим друзьям, но пароход утром назавтра в 3 часа бежал. 8000 пудов муки были сброшены второпях на берег, и лежал этот груз очень долго, пока писарь не проводил Голева до Охтеурья и не возвратился.

За избавление, или в память избавления от ужасной опасности Голевым было роздано при отъезде много всякой всячины и, кроме того, ныне зимою все ларьякские получили фотографические карточки, которые можно встретить в каждом доме, за исключением моего. Семейный вахтер имеет гармонику в 50 рублей и хорошую суконную пару (исправил, видимо, свое плачевное состояние и теперь в почете у всех).

Ваше превосходительство!

Осмеливаюсь изложить Вам последний факт как можно подробнее, потому что по этому случаю будет дознание, и я боюсь, что дело «ушомкается».

В 1906 году в Ларьяк приезжал сам Голев-Лебедев. Все ларьякские торговые с кладью, писарь и ларьякский учитель садятся на пароход в г. Сургуте и в первый рейс и все последние два рейса из любезности приезжали бесплатно. Поились и кормились Голевым-Лебедевым досыта, до отвала. Поэтому они его почитатели. В Охтеурье первый хлебозапасный магазин. Выгружали муку — перепайвались матросы и остяки, последние не даром. Имел место случай, что пьяные матросы поленьями избили все население остяков, и это прошло благополучно для них.

В 1908 году пароход пришел пред утром на 7 августа. До половины следующего дня Голев с командой, исключая матросов, по заведенному обычаю ходил по гостям. Матросы в это время выгружали товар, который потом разбирался местными торговыми. Буфет торговал первый день по 1 р. 50 к. за бутылку. Второй день, 8 августа, был употреблен Голевым отчасти на визиты, отчасти на выгрузку казен-

ной муки (выгружено было только две тысячи пудов). Буфет торговал с остяками вином по возвышенной цене — по 2 рубля за бутылку, при этом, как оказалось, произошел инцидент.

Некоторым остякам попало вино напополам с водою. Это вызвало неудовольствие старшины, который заявил местному уряднику. Последний никаких мер к прекращению виноторговли не предпринял, так как участвовал в общей кампании. Вечером 8-го Голев-Лебедев давал банкет в рубке 1-го класса. Были все милые друзья. Матросы все были пьяны, некоторые, шляясь по берегу в массе остяков, поталкивались и давали «зуботычины». Рубка и буфет сияли огнями. На мачте не было фонарей, у бесперильного длинного трапа также не было освещения, в главном коридоре только сияла одна лампочка, много что две (на дороге от буфета к рубке). Матросы в одиночку только проходили к буфету за вином и потом скрывались в люке. Ночь была очень темна. Положенной вахты не существовало.

И вот (как передают) один остяк, Василий Прасин, (не из пьющих) пошел на пароход будто бы за получением денег за выгрузку муки. Один из матросов, бежавший на берег, шутя выругался вслух и «нечаянно», а кто говорит, что «с намерения», толкнул остяка. С 3-саженной высоты тот ухнул в воду и не выходил. Поднялась суматоха среди остяков. Так как я живу вблизи, одни кинулись ко мне, а другие к старшине. Мы прибежали одновременно, и что же оказалось? На берегу крик и шум, а на пароходе тишина и пустота, как будто нет матросов. В рубке весело. Кинулись туда и видим: два застолья полны, сидят за одним местные дамы, а за другим их мужья. По одну сторону хозяина писарь, по другую — Василий Петров Трофимов и все прочие ларьякские по обеим сторонам. Несмотря ни на какие убеждения, компания не оставила своих мест и мер к спасению не приняла, из чего можно заключить, что они только люди, а все прочее ничто. Поплавали остяки в облазах (маленьких лодочках), пошарились в темноте и делу конец.

Старик-отец и брат утопленника были в отчаянии, со старшиной прибежали ко мне и требовали постановления протокола, я, конечно, не позволил ничего, а только переписал фамилии некоторых остяков, сознавая, что в будущем это действительно важно. Через малое количество остяков должны открыться и все другие очевидцы.

Спустя потом долгое время, оказывается, разбудили г. урядника, который и постановил протокол неизвестного содержания. Остяк

найден был чрез неделю, когда его прибило волнами к берегу ниже Ларьяка в 4 верстах. Натакались случайно.

Удивительно то, как успели с баржи сбросить остальную муку на берег, тогда как ее будто бы оставалось 6000 пудов. Утром рано, в 3 или 4 часа, пароход, давши три свистка, убежал. Писарь, видимо, побоявшись остяков, уехал до Охтеурья, а когда вернулся, то их уже не было в Ларьяке, а которые остались, поуспокоились.

4-м способом наживы писаря нужно считать картежную игру. Писарь не расставался с картами, обыгрывал в «банчок» остяков на довольно крупные суммы при помощи некоего Максима Прасина, жителя Ларьякского. Дошло, должно быть, это до уездного начальства. В эту зиму не играет с остяками.

5-й. Понадобилось сложить две печи в священническом доме. Инородцы решили на сходе заказать чрез писаря две тысячи кирпичей (простых). Ко времени кирпича не оказалось. Писарь предложил инородцам «свой кирпич», который, будучи под открытым небом, размяк, а который был разбит на мелкие кусочки, и ушел тот и другой в дело. Стоили две печи около 150 рублей.

6-й. Купил на аукционе громадный каюк у Зенцова (в г. Сургуте). Сбыл его инородцам управы за 150 рублей, ремонтируется и только бывает один раз в лето в употреблении — по качеству вещь бросовая.

7-й. Инородец юрт Палинских Михаил Савельев Сыглиэтов со своим товарищем был командирован от волости в 1906 году в г. Сургут в качестве избирателей. Требовалось за это деньги получить. Три раза приходили и были выгоняемы, так как им будто бы как командированным от общества денег не полагалось. Спросили меня, я предложил потребовать от писаря народный приговор (копию). Писарь выбросил деньги.

8-й. Посылается ежегодно г. исправником для продажи товар по дешевой цене, как то: чай, сахар, табак, кисы, холст, мережа. Продает писарь с прибылью для себя, отчасти сдает местным торгашам, остяки половины не видят. Призадерживает товар «на случай».

В минувшее лето весь табак вышел у торговых еще в весеннюю ярмарку (в половине мая). Торговые приехали в августе на пароходе. Остяки голодовали без табаку. Писарский сынок с женою продавали четверку табаку на деньги по 40 коп. Остяки этому были рады, так как курили ромашку. Этого оборота показалось недостаточно. Созрели ягоды, и пошел табак в обмен на них. Бедные женщины с удо-

вольствием тащили за четверку табаку ведра княженики. Сенокосная пора — бедные мужья их с удовольствием с утра до вечера трудились «за четверку». Неужели где есть на свете такое безобразие? Нет, все возможно только в Ларьяке.

Писарю захотелось местному торгашу сделать уважение, и он, найдя заделье, увез на подводах до самого села Вартовского его дочь-ученицу, обучающуюся в городе Сургуте. Обратный поехал и набрал птицы для зимнего продовольствия. Когда ехал еще вперед, встретить почту — случился важный пакет о немедленном сходе и об избрании избирателей с откомандированием их в г. Сургут. Это было нужно для 2-й Государственной думы. Писарь, не торопясь, доехал до с. Вартовского и, не торопясь, возвратился в Ларьяк, собрал 5-6 местных остяков, постановил с ними приговор, приложили они за 600 человек свои танги, и дело сошло.

Писарь получает уплату казенного долга в продолжение всего года без участия старшины и сотников, все ли деньги отправляет? Про это один бог знает.

Из каких средств писарь в Сургуте проигрывает по 300 рублей за проезд — это также достойно внимания. Почему писарь казенную белку доставляет в Сургуте «нарозно»: одну ко крыльцу полицейского управления, а другую ко крыльцу купца Силина, своего друга детства и покровителя — это также озадачивает сургутских жителей.

Писарю прислали золотой жетон, захотелось иметь такой и местному фельдшеру г-ну Рассохину, дал писарю он, кажется, 10 рублей, деньги оказались «утерянными» почтой.

Писарю понадобилось вытаскать лес из воды на постройку «снежного двора», и говорит он остякам: «Таскайте!». Этот лес казенный «на пороховушку» остяки вытаскали.

Милости к торговым людям ларьякского писаря неисчислимы. Бедных остяков, вечных должников, он продает им в рабство. Поит и кормит их со всеми семьями заграничными винами и дорогими обедами. Весь изьян кладет на остяков.

Пред ярмаркою самая удобная минута — момент для посещения инородцев священником, так как они в это только время бывают на местах. Писарь, чтобы не задержать ярмарку, угодить торговым, дает знать остякам, что «попа не будет». Священник со второго станка с едущими навстречу остяками поворачивает обратно домой. Этим объясняется, что ни фельдшер, ни священник в 15 лет ни разу не

бывали у верховских остяков. За что получал и получает замечания. Писарь ездит по «древнебойарски». За все 10 лет не случилось ему ездить на двух-трех собаках и не приходилось, чтобы его таскали беременные остячки, пешком ходить на лыжах также не случилось. Ездит писарь всегда, минуя станки, на своих оленях или на оленях «компанейских» прямо до Охтеурья. Стоит каждый проезд 15 рублей. Или на лошадях - стоимость затрат та же самая. Ездить любит скоро. Расстояние в 100 верст он проедет в 15 часов, а фельдшеру или священнику нужно на это трое суток с разными мучениями и приключениями.

Интересно — почему в ясок идут деньги, а не всё пушной товар, и в уплату за муку также? Причина простая — пока не наберут должный комплект «торговые люди», писарь пушнину не принимает. Казне достаются остатки. Хорошие выдры писарем отсылаются по разным заказам.

Бывает, урожай ореха, вместе с «казенным» увозится до с. Вартовского писарский и «торговый» орех. Рыба также.

Писарь олицетворяет собою «податного инспектора» и акцизного надзирателя. И это также имеет силу и вес при его злоупотреблениях. Поставляет в должности попечителей и церк. старост. Главный единственный влиятельный коммерсант по Ваху Константин Вас. Силин. Бывает на каждую ярмарку сам. Годовая местная торговля его производится его двумя племянниками: один из них в Охтеурье, а другой — в Ларьяке. Всем ларьякским торговым он близкая родня, и все живут и дышат «им одним». Нигде нет такого подбора организации, как у нас в Ларьяке.

Прохор Иоакимов Кайдалов, попечитель училища, брат попечителя Григорий — несменяемый сельский десятник (для него эта должность по-местному почетная, так как после урядника первый распорядительный господин). Сестра их, вдова Балина, просфорня местного храма, сын ее, а их племянник — трапезник местного храма. Один зять попечителя учитель Дмитриев, а другой — церковный староста Трофимов. Двоюродный брат попечителя Кайдалова Ефим Кайдалов. Дети его — Гавриил и Григорий. Зять Ефима медицинский фельдшер В. Разсохин, другой зять — местный урядник Покровский, сын местного псаломщика. Есть еще торгующий И.Я. Кушников — это свояк Ефима Кайдалова. Вот все русское население ваховского края.

Местные ларьякские остяки — предатели своих собратьев кочевых остяков, телохранители русских. Когда писаря или станowego пристава, или кого-нибудь из торгашей постигнет маломальная катастрофа, они ревностно принимают присяги (хоть десять раз подряд) и прикладывают в нужных случаях свои танги как за себя, так и за других.

В мирное время служат продавцами-приказчиками по виноторговле, от местных торговых принимают склады вина и устраивают в своих домах продажу вина (под большим секретом). Бывают в ярмарки у этих остяков шумные оргии. Всякий остяк «своего брата» не выдаст. Со стороны можно думать и верить, что каждый остяк пьет свое привозное невоспрещенное. Остяков местных такого калибра очень немного, но, оказывая влияние на своих собратьев, они очень вредны.

Первый из них глава «Микаль», или «Максим» Ефимов Прасин — помощник писаря по шулерской карточной игре, служил этот господин кандидатом управы как умный, хитрый, обрусевший остяк, кое-чем полезный. На основании его опытности в деле, будучи подосланным местными торговыми к сургутскому доктору в его приезд в Ларьяк, этот плут сыграл свою роль прекрасно. Г. доктор Иподьяков попал в мин[увшем] 1909 году на страницы «Тобольского сибирского листка». Когда под дознание мирового судьи попал г. становой Шестаков, то при помощи этого остяка отделался.

Слышал я, будто бы г. становой произвел тайно опись над одним из торговых Прохором Кайдаловым в звание понятого за многих, ответил тот же Миналь. Слух получен об описи из гор. Сургута, за достоверность не ручаюсь. Среди ларьякских про это не было слуха.

Производил г. становой пристав в третьем году дознание над писарем, и роль в оправдании сыграл тот же Микаль. В приемке плохой голевской муки — он же, Макаль. И во многих других обманах он играл и играет свои роли очень удачно.

Писарь с торговыми у остяков юрт Максимкиных выловил рыбу, свалил вину на Микаля, тот угостил своих собратьев вином и дело уладил.

Другие остяки, которые преследуют одну цель с Микалем, это Андрей Чумин, по прозвищу Ульянин, Иван-Колёк-Просин, Василий Федоров Сиглиэтов и Никита Николаев Сыглиэтов.

Когда был избран писарем в церк. старосты опять торгующий В.П. Трофимов, а мне было желательно для пользы храма остяка, то я заявил протест — к приговору отказался сделать подпись. Руковод-

ствуюсь правилами инструкции по данному происшествию, в следующую весеннюю ярмарку я собрал народ в церковь и, так как остяки были подговорены и застрашены церковной будто бы очень ответственной службой, был избран тот же В. Трофимов.

Со вступлением этого немного «задетого» старосты началось мое горестное существование в Ларьяке. Я задел старосту Трофимова тем, что выбор его в инородной управе при малом сходе, без участия причта, признал незаконным, и этого было достаточно для того, чтобы он и все меня возненавидели. Другое обстоятельство — церковные деньги (суммы оборотные) почему-то хранились в управе, я их отобрал и записал на приход по церковным книгам. Торговые и учитель имели обыкновение все собираться в сторожке, где живет псаломщик, и я велел запираить сторожку на время богослужений. Когда взломали замок, я попросил бывшего урядника г-на Глухих постановить протокол на виновных, и это он сделал, но он, т.е. протокол, не имел последствий. Когда бывший церковный староста Кушников налепил на шаль огарков восковых в храме во время богослужения приезжей девице гор. Сургута Проводниковой, тот же урядник Глухих опять постановил протокол. Этот протокол и многие другие в глазах г. становой пристава Шестакова не имели значения. Этот урядник г. Глухих был в пользу остяков и во вред торговым, поэтому был удален из Ларьяка, теперь служит в селе Нижне-Лумпокольском того же Сургутского уезда. Такой же был до него и урядник Лапин, теперь не знаю где. Эти два достойные полицианта много терпели и не удержались на месте.

После этих двух назначен такой, какого нужно для пополнения родственного комплекта. Сын местного псаломщика Николая Покровского Сергей Николаев — гроза остяков, родня всем местным торговым, так как зять Ефима Кайдалова, поэтому служит ко благу им.

С первого раза стал делать придирки ко мне и заводить пустые дразги. Стал обязывать меня (лично) собственными руками чистить проруби наравне с другими, из себя стал корчить очень большое начальство. В будни и в праздники ходил увешанный медалями и двумя «Егорьями» и говорил, что скоро третьего вышлют. Вместо того пришлось услышать из Сургута, что имеет он одну только медаль и то «в память войны». Откуда взял он «Егорьев» и куда их девал, я, право, не знаю. Начал заводить в Сургуте кляузы, стал угождать торговым, и хорош. Когда я стал парировать его удары, он взялся за вымыслы и даже стал официально оформливать их.

Учитель училища клеветает на страницах «Сибирского листка» на сургутского доктора г. Иподьякова. Себя же превозносит как хорошего учителя в той же газете за 1906-й или 1907 год. Он выражается приблизительно так: «Учитель ларьякского училища Дмитриев-Садовников занимается с учениками «садоводством и огородничеством». Сада и огорода на самом деле нет и не было. Разоблачена эта ложь была мною в присутствии г-на уездного исправника Пирожникова, и прочих лиц, почему же опровержения ложного слуха в газету не последовало?

Г-ну исправнику несколько раз говорено было об избиении и разгоне остяков-учеников и о пропуске учителем без уважительных причин уроков. Почему же г-н исправник умолчал пред г-ном директором училища, а также и местный о. благочинный наблюдатель Селихов?

Учитель сделал так: явился в минувшее лето со своим тестем попечителем Пр. Кайдаловым к господину инспектору училищ, обвинил меня в том, в чем сам виноват, и я без всяких объяснений был приговорен к штрафу в 25 рублей. В опровержение клеветы мною послано обширное объяснение с приложением копии с классного журнала и просил, чтобы затребовали подлинный, имеющийся в училище. Училище стоит ниже всякой школы древних времен. Учителем без всяких уважительных причин пропущено 140 уроков в период времени с 1906 года по 1908-й. Мною, законоучителем, пропущено уроков 31 за отлучкою по служебным делам (поездок по остяцким улусам), и эти пропуски уроков вменены мне в вину.

Учитель самостоятельно ведет отчеты, не требуя от меня подписов в их достоверности. И что же выходит? По его показаниям, учатся «кочевые» остяцкие дети — не бывало и нет ни одного. Учились дети оседлых местных остяков села Ларьякского.

Когда в приезд свой о. благочинный вздумал, почему-то крадучись от меня, во время ужина в доме попечителя попытать учеников, их нагнали 14 человек, были тут и кончившие курс, и вышедшие «неучами», были тут и выгнанные из училища, и в то время учащиеся. Отец благочинный вынес с «ужина испытания» очень прискорбное впечатление. Ученики были все, каковые только учились с основания училища и были разогнаны прежде, ответили, по отзывам его высокоблагословения, очень плохо.

В присланной ведомости заведующего наблюдателя о. И Селихова учитель проставил 16 человек за 1908 год, налицо состоит толь-

ко 4 человека, из них предназначены к весеннему экзамену в мае сего года 4 русских, остаться должно к будущему учебному году только три человека обоюбого пола. В Ларьяке детей учебного возраста нет и взять негде.

Кузница и ремесленное отделение учителем выхлопотаны ради прибавки жалованья. Дети ремеслам не обучаются. Работали немного для лавочной продажи — в пользу свою — учитель с попечителем, поисправили старые кремневые ружья и понаделали железных печей и приостановились.

Поправочные работы ценятся очень дорого, и на первый раз были удачны. Для остяков кузница служить не может. Главный источник — это промысел звериный, орешный и отчасти рыбный. Кузница и ремесленное отделение нужны были для русских местных жителей и открыли для них.

Училищу, чтобы повыситься в глазах остяков, нужен попечитель из остяков. Для того, чтобы привлечь и расположить остяков ко храму, нужно то же сделать.

Для того, чтобы называлось училище инородческим, живет при училище сын старожихи-остятки Василий Прасин и обучается в нем. За малоспособность прежде был много раз выгоняем из училища, а теперь держится «по нужде».

Ваше превосходительство, все слухи и отзывы хорошие, какие существуют про ларьякское училище, ложны. Попечитель училища Прохор Иоакимович Кайдалов доставляет дрова на училище за двойную стоимость. 3 года назад изволил держать девочку-остятку в няньках у детей своих и выдавал ее за ученицу, за содержание ее как ученицы получал от г. уездного исправника 5 рублей в месяц. После, когда выяснилось, эта выдача прекратилась, и попечитель в досаде прогнал ее домой.

Когда в половине комнаты у него в доме помещалось училище, он не стеснялся брать за квартиру 60 руб. в год. За перекладку дымового боровика в общественном доме для священника получил 17 рублей из управы, тогда как работал всего $1\frac{1}{2}$ дня. Чрез неделю боровик упал, остяк переложил он за 2 рубля, и он стоит крепко до сего времени.

Будучи церковным старостой, извлекал пользу «из всего». Белка продавалась «пожертвованная» на аукционе. Продав дом, принадлежащий церкви, но денег на приходе в книгах не означил.

Для помещения охтеурьевского молитвенного дома был пожертвован старый хлебозапасный магазин, сделан купол, а внутреннего украшения нет. Тогда как сбор произведен трижды по 50 коп. — 1 руб. и 1 р. 50 к. с каждого остояка. Где эти деньги, я, право, не знаю, так как было это до меня.

Неужели таков человек может быть попечителем, по мнению писаря? Это просто возмутительно! Все подобные лица только конфузят школу и пользуются от нее.

Все вышеизложенное чистейшая правда. Об эксплуатации остояков буду иметь честь почтительнейше довести до сведения вашего превосходительства особенно, если благоугодно будет Вам с этим ознакомиться.

Писать торопился, потому что подобные вещи, т.е. письма, здесь страшно посылать, дабы не утерялись здешним нарочным. Имею честь представить с самым надежным человеком, который случайно был здесь из Сургута и сейчас отправляется домой.

Вашего превосходительства покорнейший слуга священник
А. Майзаков
марта 13 дня 1909 года.

Примечания к тексту письма

Голев-Лебедев Дмитрий Иванович — тобольский купец, пароходовладелец. Содержал в Тобольске пароходную пристань. Доставлял на север Тобольской губернии грузы и пассажиров.

Рассохин Василий Иванович — фельдшер ларьякского медпункта. В 1906 г. зарегистрирован его брак с сургутской мещанской вдовой Анастасией Ефимовной Куйвашевой, в девичестве Кайдаловой — дочерью двоюродного брата Прохора Кайдалова.

Шестаков Модест Александрович (1876–1937) — чиновник. С 1899 г. служил секретарем Сургутского уездного полицейского управления, с января 1903-го — становым приставом восточной части уезда. По сообщению «Сибирского листка», способствовал распространению в Ларьяке возделывания картофеля. В 1921 г. был на стороне повстанцев, за что судился революционным трибуналом. В 1929-м лишен избирательных прав. В начале 30-х гг. выехал из Сургута в Тобольск, работал счетоводом артели инвалидов. В 1937 г. осужден и расстрелян как «враг народа», впоследствии реабилитирован.

Страницы газет наших соседей о нас, тюменцах (1898)

Идея публикации появилась после прочтения книги краеведа А.А. Кононенко «Тюмень на рубеже веков: город и его жители в 1900–1907 гг.» (Тюмень, 2014). В источниковедческую базу, по утверждению автора, попали повременные издания Тобольской губернии да томская «Сибирская жизнь» (с. 25). Однако технология производства газет того времени предусматривала в качестве обязательного звена досмотр текстов представителями местных властных структур (цензура). Поэтому из соображений в первую очередь экономической безопасности зачастую о некоторых городских событиях можно было прочесть только в изданиях соседних губерний.

Более того, в названной книге А.А. Кононенко есть следующее утверждение: «В начале XX века в городе насчитывалось... 11 начальных училищ... образовательным процессом занималось 6 библиотек» (с. 34). На источник таких сведений автор не указывает. Однако если просматривать ту же томскую «Сибирскую жизнь» (далее — **СЖ**), мы обнаружим совсем иную статистику (см. ниже).

При наличии института истории, кучи профильных кафедр, какого-то количества краеведов, никто в городе до сих пор так и не прорисовал качество культурной среды города рубежа веков.

Посеем еще несколько зерен сомнений. Вдруг они прорастут и дадут плоды истинных знаний. Предлагаю сегодня коллекцию новостей из Тюмени, появившихся в двух томских газетах «Сибирская жизнь», «Вестник политики, литературы и общественной жизни» (далее — **Вестн. ПЛОЖ**) и екатеринбургской «Урал» за 1898 г.

Ю. Мандрика

Адвокатура подпольная

В тридцатитысячном городе работает всего один присяжный поверенный и два частных. На время сессии Тобольского окруж-

ного суда приезжает доктор права В.В. Радлов. Отсутствие патентованной адвокатуры способствует процветанию ее в нелегализованном виде, подпольном. Эту нишу занимают полицейские,

уволненные за проступки со службы, а также ссыльные, понесшие наказание за мошенничество.

СЖ. 1898. 26 июня, № 134.

Библиотеки

Бесплатная народная библиотека общества попечения об учащихся в начальном и уездном училищах существует два года. Числится 817 томов книг и нет почти газет и журналов. В 1897 г. выписывались «Мир Божий», «Вокруг света», «Север», «Нива», «Свет» (с приложениями), «Детское чтение», «Ремесленная газета», «Сибирский листок», «Родина», «Народная читальня» и «Неоф. ч. Тоб. губ. вед.».

В 1897 г. в библиотеке насчитывалось около 700 читателей, из них — 314 мещан и 279 крестьян. 588 читателей имеют низшее образование, 78 — учащиеся. Каждый читатель в течение года взял в среднем по 10 книг. Спросом пользуются романы, повести и рассказы — 3997, журналы общего характера — 1341 выдача. Книги выдавались без залогов и «ручительства»

Открывается только на два часа, да и то не каждый день. В 1897 г. читатель мог посещать библиотеку только 303 дня.

Примерно по такому же графику работает публичная библиотека тюменского отделения Тобольского общества трезвости, существующая с 6 апреля 1897 г., а читальни открываются лишь в 11.00, что очень поздно. Книги выдают-

ся лишь с 6 до 8 час. вечера. Данное заведение может предоставить в пользование читателю главным образом журналы прежних лет, пожертвованные пароходчиком Игнатьевым, а также произведения русских и зарубежных классиков, переданные в библиотеку купцом Н.М. Чукмадиным. Всего имеется около 2500 книг общей стоимостью до 1000 руб. Библиотека платная. За пользование ею взимается 2 руб. в год, в месяц — 25 коп. При подписке необходимо внести залог размером в 2 руб. В течение 1897 г. было 36 годовых подписчиков и 25 — месячных (всего заработали 67 руб. 35 коп.; на выписку газет и журналов, а также на покупку книг потрачено 251 руб. 8 коп.; переплет книг обошелся в 54 руб.).

Тюменская городская дума назначила 300 руб. ежегодного пособия на содержание читальни и библиотеки.

Для бесплатной читальни выписывали в 1897 г. следующие издания: «Русские ведомости», «Русская мысль», «Нива», «Вестник Европы», «Вопросы философии и психологии», «Новое время», «Русское богатство», «Северный вестник», «Неделя» с книжным приложением, «Мир Божий», «Биржевые ведомости», «Стрекоза», Тобольские губ. вед., «Медицина», «Сибирская торговая газета», «Сибирь» (СПб.), «Степной край» (Омск). Некоторые издания выписываются в двух экземплярах: для библиотеки и читальни. Издатели «Сиб.

листка» и «Урала» высылают экземпляры газет бесплатно,

Число посещений в читальню тюменского отделения Тобольского общества трезвости в 1897 г. достигло почти 11 тыс.

Библиотеки приказчиьего клуба и почтово-телеграфной конторы по своей абонентской плате недоступны для простого люда.

*СЖ. 1898. 12 мая, № 97;
4 июня, № 115; 8 июля, № 143.
Урал. 1898. 13 марта, № 340;
20 мая, № 390.*

Благотворительные концерты

В апреле в театре А.А. Текутьева было дано четыре благотворительных спектакля: в пользу общества попечения об учащихя и вспомоществования приказчиков, сиропитательного заведения, родильного дома. В них принимали участие как профессиональные актеры, так и любители. Майский спектакль, сбор с которого предназначенся пострадавшим от неурожая в Европейской России, собрал мало зрителей. Корреспондент сетовал, что местные богачи тратят десятки тысяч рублей на конские бега, а от тех, кто в поте лица добывает хлеб свой насущный и нуждается в помощи толстосумов, отворачиваются. Сбор со спектакля едва достиг 100 руб.

После пожара в с. Червишевском гостившие в Тюмени малороссы дали благотворительный спектакль в пользу погорельцев. Местный корреспондент иронизи-

рует по этому поводу, что артисты, как правило, больше благотворят себя, опуская семь гривен в карман себе и «отдавая бедным жалкие остатки». Вопрос возникает сам собой: что за «неумная манера развлекаться около благотворительности»? Ведь билеты на такие спектакли иногда навязывают силой...

*СЖ. 1898. 21 мая, № 104;
29 мая, № 110; 14 июля, № 148.*

Дамское благотворительное общество о бедных

Учреждено в 1892 г. Цель: оказание материальной помощи наиболее нуждающимся жителям города. Были открыты бесплатные столовые и ночлежный дом стоимостью в 1600 руб. Местный купец Волочихин пожертвовал 6 тыс. руб. на дело благотворения. Капитал общества за два-три года вырос до 13 тыс. руб. Однако после ухода тяжелых голодных лет в прошлое дамский комитет стал хиреть. Только после утверждения нового устава министром внутренних дел в июне 1897 г. появилась надежда на возрождение данного общества.

СЖ. 1898. 18 окт., № 223.

Женская воскресная школа

Организована обществом попечения об учащихя в начальном и уездном училищах.

В 1897 г. школу посещали 52 ученицы, что больше, нежели в предыдущем, на 19 чел. В обязанности протоиерея И.П. Лепехина

было вменено наблюдение за преподаванием. В качестве учителей воскресной школы были И.В. Каргополов, М.Н. Ромадин, И.А. Кудрявцев, А.А. Кудрявцев, К.В. Тугаринов, А.А. Юрис, Н.С. Маренина, А.В. Арефьева, М.А. Щетинина, Е.В. Зубова, О.М. Чернавина, К.М. Ромадина, С.И. Клименкова и о. диакон И. Яковлев. Лишь последний получал поурочную плату в размере 50 коп, остальные трудились бесплатно. Всего за год было дано 114 уроков. От степени знаний учащиеся были разделены на 3 группы. Возраст посетителей школы — от 12 до 56 лет. 32 ученицы были крестьянского происхождения, остальные — мещанского. Занятия проходили по воскресеньям в трех учебных классах уездного училища с 12.00 до трех часов дня.

СЖ. 1898. 8 июля, № 143.

Заработная плата рабочего

На большом механическом и судостроительном заводе Гуллета работает около 500 человек. Смена начинается в шесть часов утра и заканчивалась в половине восьмого вечера. На завтрак отводится четверть часа, на обед — на час больше. Продолжительность рабочего дня достигает 11 часов. Такое же время продолжается и ночная смена. При сдельной оплате заработок колеблется от сорока копеек до 1 руб. Лучшему токарю удавалось заработать до 1 руб. 40 коп. за смену. Но таких на заводе не более 5–6

чел. Мастера котельного цеха (около 10 чел.) получали до двух руб. за смену. Все рабочие питаются «на своих харчах».

СЖ. 1898. 8 февр., № 31.

Кирпичные сараи

Местность, заселенная нищими самозахватом. Кто позажиточнее — наносил досок, построил хижину, рядом выросла другая. За два—три года «разросся целый пригород с довольно правильными распланированными улицами». При попытке городской управы оценить строения, выяснилось, что некоторые из них имеют стоимость в несколько рублей.

Со временем здесь стали появляться «порядочные домики, явились кабаки, лавки». Однако перспектива дешево построить жилище способствовала сосредоточению в данном районе рабочего люда.

Вестн. ПЛОЖ. 1898. 4 марта, № 49.

Книжный магазин

Податный инспектор г. З. в конце 1895 г. открыл книжный магазин «Польза» на имя жены и шурина, в котором продавались учебники.

Вестн. ПЛОЖ. 1898. 2 авг., № 166.

Крах антрепренера

На нынешнюю зиму антрепренер Дорошенко сформировал по-

стоянную группу, арендовал деревянное здание цирка Боровского и планировал «раз в неделю давать общедоступные спектакли с репертуаром, более подходящим для народа». Вначале зритель активно посещал театр.

Так, 18 января театр получил около 7600 руб. сборов. Однако атерпренер Дорошенко, задолжав частным лицам около 1000 руб., и 960 руб. труппе и оркестру, объявил, что он не в состоянии оплатить расходы по благоустройству спектаклей. И предложил каждому из актеров «распорядиться собой как кому угодно». 28 января при попытке труппы назначить встречу с антрепренером для серьезного разговора, последний бежал из г. Тюмени.

Вестн. ПЛОЖ. 1898. 10 февр., № 32; 18 февр., № 37.

Концерт К. Думчева

Состоялось по две встречи с любителями музыки в приказчиьем клубе и в зрительном зале Текутьева талантливого скрипача семнадцатилетнего Кости Думчева. Такое количество концертов в «сравнительно маленьком, антимузыкальном городке, как Тюмень» говорит о таланте исполнителя.

*Вестн. ПЛОЖ. 1898.
30 янв., № 24.*

Медицинская помощь в деревне

Фельдшер, проживающий в с. Липки, обслуживает еще и население Каменской, Кулаковской,

Устьницинской и Фоминской волостей. Вместо приема больных хотя бы один раз в неделю, в указанных селах фельдшер появляется не чаще одного раза в месяц. И то по приглашениям. Жители Каменского решили выйти из подобной ситуации, приобретя для своих нужд аптечку. Отдали за подбор наиболее употребительных лекарств 25 руб. Но приехавший фельдшер объяснил жителям села, что сами они не смогут правильно применять медикаменты. И увез аптечку с собой.

*СЖ. 1898. 14 июля, № 148;
2 авг., № 164; 14 авг., № 173.*

Министр путей сообщения в Тюмени

18 июня князь М.М. Хилков прибыл на казенном пароходе «Зайсанск» для ознакомления с нуждами западно-сибирского пароходства.

Голодный 1892 г. стимулировал некоторых спекуляторов к легкой наживе. Не имеющие никакого отношения к пароходному делу, они настроили столько новых пароходов, обеспечить грузом которые нет возможности. Ситуация усложнилась с появлением Сибирской железной дороги, которая открыла дешевый путь хлебу на международные рынки. Последние два-три года пароходовладельцы начали жаловаться «на упадок» в отрасли.

В беседе с И.И. Игнатовым, представителем самого крупного сибирского пароходного товари-

щества, министр путей сообщения заявил, что доставка хлебного груза из Барнаула, Кривошекова, Омска и Семипалатинска водным путем до Тюмени по-прежнему желательна. Отсюда по Пермь-Тюменской и Пермь-Котласской железной дороге по вновь установленному «перемолочному» тарифу на хлебные грузы последние будут доставляться в Европейскую Россию. При этом произойдет удешевление доставки на пути к Либаве и Риге до 8 коп. с пуда.

СЖ. 1898. 28 июня, № 136.

Общество взаимного вспомоществования приказчиков

в г. Тюмени возникло в конце 1895 г. и за два года приняло в свои ряды почти 310 чел. Каждый действительный член при вступлении в общество, а затем в начале каждого года выбирал, по какому разряду будет платить взносы. В зависимости от этого можно было рассчитывать и на определенный размер пособия при возникшей необходимости. Двадцатипятирублевой годовой взнос позволял члену общества в таком же размере получать пособие ежемесячно. Аналогично исчислялись пособия двум другим категориям, вносившим в кассу общества годовой взнос 12 руб. или 6 руб.

В 1897 г. потратили 200 руб. на приобретение медикаментов для аптеки, создание которой планируется при обществе. Оказали помощь четырем семьям умерших приказчиков. Около двух

тысяч были выданы в качестве возвратных ссуд.

Все действительные члены имели возможность пользоваться бесплатной медицинской помощью и скидкой от 3 до 5 процентов на продукты питания в девяти городских магазинах. При обществе существует небольшая библиотечка книг по бухгалтерскому учету, которая регулярно пополняется.

Два года действует обязательное постановление городской думы, запрещающее производить торговлю в воскресные дни. Члены общества приняли решение снова ходатайствовать перед Думой о принятии последней аналогичного постановления и по праздничным дням. В городе существуют два больших магазина мануфактурной торговли г-жи Лагиной, в которых по-прежнему каждое воскресенье заставляют выходить на службу приказчиков.

Второй годовой отчет Общества взаимного вспомоществования приказчиков г. Тюмени издан отдельной брошюрой.

*СЖ. 1898. 18 апр., № 81;
19 сент., № 200.*

Общество покровительства животным

В марте 1895 г. небольшой кружок местной интеллигенции организовал отдел Российского общества покровительства животным. К концу первого года существования в нем насчитывалось около 50 членов, и он располагал капиталом в

500 руб. (членские взносы и пожертвования), За два года существования было открыто три приемных пункта для безвозмездного лечения животных бедных владельцев с бесплатной выдачей лекарств. В ноябре 1897 г. было завершено строительство лечебницы со стойлами для больных лошадей и манежем для осмотра больных животных. На эти цели отдел потратил около 14 тыс. руб.

Лечение и корм животных обходятся их владельцам в 40 коп. в сутки, за выписку рецепта и консультацию приходится платить по 20 коп. с крупных животных, с мелких — по 10 коп. В лечебнице проживает фельдшер и установлены постоянные дневные дежурства ветеринарных врачей.

На следующее трехлетие председателем общества избран ветеринарный врач В.П. Иванов.

**СЖ. 1898. 12 марта, № 56;
12 авг., № 171.**

Общество попечения об учащих в уездном и начальном училищах

организовано в 1884 г. Насчитывает 25 почетных и 259 действительных членов. Помогало бедным ученикам платьем и обувью (196 чел.), содержало 8 степендиатов (один в Омской учительской семинарии); делало взносы за правоучение (11 чел.), оплачивало расходы на воскресную школу и бесплатную народную читальню. За 1897 г. в кассу общества поступило 1729 руб. 92 коп. (в т.ч. от продажи пожерт-

вованных Н.М. Чукмалдиным учебных пособий 87 руб. 50 коп.). За год израсходовано 1736 руб. 94 коп. (в т.ч. на жалованье библиотекарю 200 руб., 20 из которых ушли на розыск утраченных книг; 257 руб. 41 коп. — выписка книг, газет и журналов; 31 руб. 70 коп. — переплет книг; 6 руб. 85 коп. — ремонт библиотечной квартиры; 38 руб. 31 коп. — учебные пособия для воскресной школы и шкафы для нее).

СЖ. 1898. 4 июля, № 140.

Ограбление казначейства

Бывший офицер крепостной артиллерии в Кронштадте Сигодзинский был сослан в Сибирь по делу о векселях графа Менгдем. Проживая в Тюмени, имел репутацию делового человека, был вхож во многие дома лучших людей города. Два года назад был обвинен в попытке ограбления городского казначейства. Однако из-за неявки свидетелей суд вновь был отложен, на этот раз до осени. А сам Сигодзинский выпущен из-под стражи под залог в 500 руб.

СЖ. 1898. 20 мая, № 110.

О пользе обществ

Тюменские общества, за исключением охотников конского бега, едва влачат свое существование, а общество попечения о бедных с капиталом более 10 тыс. руб. и вовсе прекратило свое существование.

Литературно-музыкальный кружок любителей «превратился

в обыкновенный клуб, где процветают бильярд, карты, маскарады, но не музыка. В 1896 г. кружок располагал средствами до 4000 руб., которые потрачены на содержание здания..., собственные развлечения. Ни одного вечера в пользу какого-либо благотворительного учреждения».

До 1896 г. в г. Тюмени «было два общественных собрания: клубы купеческий и приказчиный. Первый, замкнувшись от общества, покончил свое существование». К числу увеселительных учреждений можно причислить и общество любителей конского бега, процветающего благодаря тотализатору. За 1897 г. было устроено 12 бегов, на устройство которых ушло 18 тыс. руб.

Вестн. ПЛОЖ. 1898. 18 февр., № 37; 15 апр., № 80; 29 мая, № 112; 30 мая, № 113.

Освящение придела

21 июля в с. Каменском происходило освящение придела в местном храме. Построил его и обставил на свои деньги житель д. Гусельниковой Троицкой волости томский купец Н.А. Пискулин, затративший на это дело 5 тыс. руб.

СЖ. 1898. 14 авг., № 173.

Охрана здоровья

В цехах завода Гуллета вентиляция «первобытная»: в стенах имеются отверстия, которые в

холодное время года из-за отсутствия отопления постоянно закрыты. Отсутствует не только врач, но и фельдшер. Если в глаз рабочему попадает чугунная заноза, то ее «выволакивают» спичкой или свернутой бумажкой. «В глазу роются как в помойной яме, выворачивая веки грязными руками». И лишь если оказать помощь на месте не удалось, отправляют пострадавшего в город к врачу.

СЖ. 1898. 8 февр., № 31.

Пожар на мельнице А.И. Текутьева

9 июля сгорело не только здание мельницы, но и склады с большим количеством крупчатки и пшеницы. Пожар начался около 5 час. дня. Когда приехала пожарная команда, огонь охватил уже все здание. Оставалось только попытаться отстоять ближайшие постройки-пакгаузы, где хранились крупчатка и пшеница. Однако пожарным это не удалось: воды оказалось мало, машин также. Ситуация несколько улучшилась, когда прибыл со станции Тюмень паровоз с водой. Но к этому времени огонь полыхал везде и вовсю. Через час рухнула одна стена, затем и других постигла та же участь.

Мельница А.И. Текутьева стоила около 125 тыс. руб., вырабатывала в сутки до 400 мешков муки. Была застрахована в обществе «Россия» на 45 тыс. руб.

Причина пожара неустановлена. Сгорели паровая машина,

4 пакагуза с хлебом (до 70 тыс. пуд. разного хлеба и муки). Весь убыток составил свыше 200 тыс. руб.

*СЖ. 1898. 21 июля, № 154;
Вестн. ПЛОЖ. 1898.
21 июля, № 156.*

Пожары

2 июня в с. Каменском вспыхнувший пожар лишил крова около 80 семей. Размер убытков по предварительным расчетам достигает около 20 тыс. руб., тогда как страховое вознаграждение, полагающееся жителям данного села, не превысит половину указанной суммы.

4 июня огонь в Червишево за 3–4 часа уничтожил около 120 домов, т.е. большую половину села. Две сельские пожарные машины оказались неисправными, а прибывшая из города техника работала всю ночь и на следующий день, спасая уцелевшую часть села от огня. Основная часть погорельцев — бедняки. Денежную помощь в размере 200 руб. оказали пострадавшим от пожара тюменские коммерсанты Игнатов и Давыдовский. Наиболее бедным крестьянам раздали по 2–3 руб. на семью.

Поближе к осени были собраны пожертвования по подписным листам. Каждому погорельцу в с. Червишево выплатили по 8 руб., а в с. Каменском по 7 руб. На этот раз было всего роздано 1400 руб.

В середине июля пожарную хронику продолжили Ембаевские юрты. Выгорело 14 дворов.

24 июля в с. Успенском загорелась топившаяся баня. Огонь перекинулся на соседние дома. За два часа огонь истребил 40 домов. Народ в это время находился в поле...

*СЖ. 1898. 17 июля, № 126;
14 июля, № 148; 3 авг., № 165;
1 сент., № 186.*

Полиция

Были пойманы два полицейских стражника Костихин и Касьянов, которые ночью воровали из короба возле лавки торговца Михалева рыбу. При обыске их квартир обнаружено много крупной нельмы и стерлядки.

Обнародованный «Сибирской торговой газетой» данный факт привел к тому, что издание обвинили в «травле полиции», а цензора — в «подстрекательстве». СЖ по этому поводу бросает реплику: «раньше в провинции “травили” только одних корреспондентов».

*СЖ. 1898. 25 марта, № 67;
26 апр., № 85.*

Суд с присяжными заседателями

Начали составлять списки лиц, имеющих право быть присяжными заседателями. Установлен образовательный и имущественный ценз: образование в высших учебных заведениях, гимназиях и реальных училищах и духовных семинариях, а также обладающих имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб. (возможен вариант:

состоящие на службе и получающие более 1000 руб. жалованья в год). Пока в список попало около 100 чел.

*Вестн. ПЛОЖ. 1898.
19 сент., № 202.*

Тюменское попечительское общество о бедных

Начало свою деятельность в августе 1891 г. В голодное время 1891–1892 гг. содержало столовую для неимущего люда и переселенцев, помогало одеждой и обувью, а некоторым даже деньгами. Эпидемия холеры и тифа (1892) заставили общество переориентироваться на медицинскую помощь, организовывать врачебный прием, выдавать бесплатно медикаменты. Делались попытки организовать заработок для бедных (шитье мешков, форменной одежды для матросов пароходства т-ва «Курбатов и Игнатов»).

Общество имеет свой участок земли, на котором находится одноэтажный домик с флигелем, где располагается ночлежный дом. Для строительства еще одного такого заведения городская дума выделила участок между Даудельной рошей и «упраздненным кладбищем». А в существующей ночлежке планируется открытие дома трудолюбия. В нем возможны ковровая мастерская, шитье бродней и рукавиц, трепание пакли из старых снастей, клейка гильз и кульков.

В кассе общества насчитывается около 13 тыс. руб., земля с по-

стройкой оценивается в 2 тыс. руб.

Просуществовавшая два с половиной года столовая почему-то закрылась...

СЖ. 1898. 22 апр., № 84.

Посещение начальника тюрем

15 июня поездом из Перми прибыл в Тюмень начальник главного управления тюрем г. Соломон. В тот же день посетил приказ о ссыльных, в затем осмотрел и помещение местной тюрьмы, санитарные условия которой, этакого «памятника седой старины» были запечатлены в добротном исследовании врача г. Сучинского. По мнению последнего, даже трудно определить, что представляет собой сие тюменское заведение: каторжную тюрьму или каторжную больницу: таков был уровень в нем заразных заболеваний. Прибудь г. Соломон на день раньше, он мог бы стать свидетелем отправки из тюрьмы партии арестантов, насчитывающей более 450 чел., на барже, в которой раньше перевозили рыбу. Идея равенства и братства была воплощена в этой тюремной посудине: кроме арестантов всех возрастов и полов в «глухом, сыром и затхлом деревянном ящике» поместили еще и 70 чел. конвойной команды. Привилегированным положением на этой барже пользовались на верхней палубе лишь коровушки, которых также необходимо было транспортировать...

СЖ. 1898. 3 июля, № 139.

Преобразование крестьянских учреждений

Тюменское окружное по крестьянским делам присутствие приняло решение о разграничении Тюменского округа на три участка (ранее было два). При этом учитывалось три фактора: плотность населения (коренного, переселенческого и инородческого); протяженность участков и близость расположения крестьянских и инородческих волостей как между собой так и от резиденций крестьянских начальников (в каждом участке насчитывается около 30 тыс. чел.; от резиденции крестьянских начальников все селения расположены не далее 90 км). Резиденциями для первого и второго избраны г. Тюмень, для третьего — с. Иевлево.

СЖ. 1898. 22 сент., № 202.

Прокопьевская ярмарка

Сельская ярмарка состоялась в начале июля в с. Каменском, на которую собираются со всех окрестных деревень запастись всем необходимым для хозяйства. В 12 час. дня совершался крестный ход со Спасской иконой, приносимой накануне из г. Тюмени. Ярмарка располагалась на краю села у самой Туры.

СЖ. 1898. 3 авг., № 164.

Строительство скотобойни

Было получено указание от губернского начальства еще в 1891 г. Эпидемия холеры начала поторап-

ливать со строительством нового здания. В 1,5 версты от города у крестьян соседней деревни была арендована на 50 лет земля с оплатой по 300 руб. в год. Начали возводиться заплоты и здание для администрации боен. С 1893 г. дело город взял в свои руки: было запрещено убой скота в окрестных деревнях. Такса составляла 60 коп. за убой скота и клеймение привозимых туш. Монополия давала дохода городу до 10 тыс. руб. в год. Был принят ветеринар.

СЖ. 1898. 14 окт., № 219.

Съезд лесничих

С 30 июля в течение трех дней проходил съезд лесничих, на который собрались представители Тюменского, Ялуторовского и Туринского округов. Предстояло обсудить лесоустроительные, лесные и лесокультурные работы, которые предстоит выполнить в 1899 г. Однако решению многих вопросов мешает отсутствие не только обустройства казенных дач, но и их границ,

СЖ. 1898. 28 авг., № 184.

Театральное помещение

А. Текутьева не приносит владельцу прибыли и содержится не как коммерческое предприятие, а из-за любви к театру, из-за желания предоставить тюменцам более разумные развлечения.

Одно время по контракту он содержал помещение для музыкально-драматического кружка, кото-

рый ставил за сезон до 10 спектаклей по бенефисным ценам и все в свою пользу. Иногда валовая выручка достигала 400 руб. Не сойдясь во взглядах с музыкально-драматическим кружком и по окончании контракта с ним А. Текутьев театральное помещение отдал в безвозмездное пользование кружку любителей при обществе попечения об учащих, основная цель которых не только помогать тюменцам «со здоровыми развлечениями», но и делать сборы со спектаклей в пользу нуждающихся.

*СЖ. 1898. 12 мая, № 97;
21 мая, № 104.*

Тюменский отдел Тобольского общества трезвости

существует три года и к 1 января 1898 г. насчитывал в своих рядах около 140 чел. почетных и действительных членов, а также членов-соревнователей.

Работа отдела имела значительную коммерческую составляющую. Для этих целей была построена купальня, открыты публичная библиотека и народная читальня при чайной. Средства общества состояли от поступлений членских взносов, платы за помещение, арендуемое под чайную, пожертвований по подписным листкам и книжкам, сбора от благотворительных спектаклей, пособия от городской управы, а также абонентской платы читателей библиотеки и от продажи фруктовых вод. Это дало в сумме за 1897 г. — 989 руб. с копейками.

Народная чайная находится на базарной площади в небольшом помещении, переданном городом отделу общества трезвости. Так называемая чайная № 2 находится в квартире вместе с библиотекой и читальней. В речной части города, в которой находятся преимущественно кожевенные заводы, имеется еще одна чайная-читальня, которую содержат на свои средства братья Колмогоровы.

Корреспондент замечает, что средства, которые жертвуются отделу, идут на удовлетворение нужд «сытых людей», а «серый люд здесь совсем не бывает».

СЖ. 1898. 4 июня, № 115.

Учебные заведения Тюмени

Средних учебных заведений — 1 реальное училище (205 учеников).

Низших — 19, а именно:

женская прогимназия, четырехклассная — 1 (247 уч.);

уездное училище, 3-классное — 1 (127 уч.);

мужское приходское училище МНП — 5 (156 уч.);

женское приходское училище МНП — 1 (46 уч.);

школа при Владимирском сиропитательном заведении МВД — 1 (27 уч., из них — 10 мальч.);

церковно-приходских (7) и школ грамотности (3) — 10 (392 уч., из них — 233 мальч.).

Всего 1200 уч., в т.ч. 731 мальч.

СЖ. 1898. 23 авг., № 180.

Эпизоотия

Прошло уже два года как крупный рогатый скот начал повально страдать воспалением легких. Много бедняков разорилось, потеряв своих буренок.

В июле болезнь вновь занесена в Затюменку. Убытки, причиняемые населению эпизоотией, огромные и не поддаются исчислению. Один из местных ветеринарных врачей предложил уничтожать заболевших животных, т. к. делают это во всех западноевропейских странах. Однако городская власть не поддержала такую идею из-за отсутствия денег для выплаты компенсаций хозяевам уничтожаемых животных. А между тем городская бойня приносит

ежегодно до 9 тыс. руб. чистого дохода, т.ч. ссылка на недостаток денег неосновательна.

И тем не менее к августа ветеринарный надзор практически ежедневно забивал по несколько голов заболевших животных. Их рубят на куски сваливают в особые ямы. В минувшие годы случалось, что мясо из таких ям исчезало. Имеющихся в Тюмени двух ветеринарных врачей и фельдшера недостаточно для борьбы с эпизоотией.

Во многих селах Тюменского округа началась сибирская язва лошадей.

*СЖ. 1898. 30 июля, № 161;
Урал. 1898. 25 июля, № 444;
4 авг., № 452.*

Биографические очерки врачевателей Тюмени.

Век XIX*

В 1835–1836 гг. городским врачом Тюмени работал, по совместительству с военной службой, штаб-лекарь Алексей Иванович Седаков [1; 2]. В соответствии с его должностью в ноябре 1836 г. он был назначен членом Тобольского губернского комитета попечительства о тюрьмах [3]. Надо упомянуть, что фамилия Седаковых позднее часто упоминается в Тюмени. Это был достаточно разветвленный род церковнослужителей Тобольской епархии. Возможно, к нему принадлежал и Алексей Иванович.

В июле 1837 г. в метрической книге Воскресенской (ныне — Крестовоздвиженской) церкви впервые упоминается тюменский городской и окружной врач, лекарь (низшая учено-практическая медицинская степень) в граждан-

ском чине коллежского секретаря (чин X класса Табели о рангах) Никанор Алексеевич Благовещенский (1800 г. р.). Вместе с ним в приходе Воскресенской церкви проживала молодая жена Ольга Петровна (1811 г. р.). 29 ноября 1837 г. у них родился сын Аполлон [1]. Никанор Алексеевич прослужил в Тюмени до своей смерти [1; 4; 5; 6], умер от чахотки 19 апреля 1839 г. [1].

В метрических книгах Пророко-Ильинской церкви 1840–1841 гг. неоднократно фигурирует фельдшер военного лазарета Иван Филиппович Шмелев [2].

Кстати, вероятно, не совсем случайным было проживание военных медиков Тюмени в приходе Пророко-Ильинской церкви (начиная со штаб-лекаря Козьмина в 1810-х гг.). Именно в ее при-

* Данные заметки являются продолжением моей статьи «Очерки медицины Тюмени XVIII–XIX веков» в первом номере «Большого Городища». Учитывая, что все же публикуемые данные более освещают не организацию медицинской службы города, но биографии ее работников, я счел должным изменить название «Очерков». В данной части излагаются сведения о врачевателях Тюмени, начавших свою деятельность в нашем городе в 1835–1863 годах.

ходе располагался военный городок. На карте 1861 г. мы видим его в квартале современных улиц Республики—Орджоникидзе—Володарского—Немцова. Вдоль улицы Орджоникидзе от улицы Республики до улицы Володарского поочередно выстроились: казарма для инвалидной команды, военный лазарет и... городская больница. Кажется, лучшей иллюстрации к военным корням (или хотя бы связям) тюменской медицины не придумать.

В метрических книгах Пророко-Ильинской церкви за 1841 г. встречается также лекарь Петр Никитин, тюменский городской врач [2]. Впервые он появляется в «Российском медицинском списке на 1831 год», где числится штаб-лекарем военного ведомства [7]. Однако в Тюмени он уже состоит на гражданской службе как лекарь без чина [8]. Сложно сказать, сколь долго он пробыл в нашем городе. Он значится в «Российских медицинских списках» 1841–1851 гг. как лекарь (с 1845-го — в чине титулярного советника; чин IX класса Табели о рангах) [9]. Однако в данных изданиях, увы, место работы врачей не указывалось до 1890-х годов.

К сведению исследователей: возникает большой соблазн ассоциировать Петра Никитина с ти-

тулярным советником Петром Никитичем Яковлевым, бывшим городским врачом Тюмени в 1851 г., речь о котором далее. Но нет. Подробное рассмотрение «Медицинских списков» не оставляет сомнений — это два разных человека, судьбы которых пересекались с нашим городом [9].

В журнале Тюменской городской думы за 1888-й можно прочесть историческую справку по вопросу загрязнения реки Туры кожевенными заводами Тюмени [10]. В ней упоминается тюменский городской врач Добронравов, который свидетельствовал в 1845 г. перед гласными, что расположение кожевен в центре города имеет «вредное влияние на здоровье жителей». Однако имени врача в справке не приводится. Согласно же «Российскому медицинскому списку на 1845 год» лекарей с фамилией Добронравов в Российской империи числилось шесть человек (Алексей, Андрей, Василий, Петр, Степан и Тихон) [9].

В той же исторической записке 1888 г. упоминается лекарь Петр Никитич Яковлев, занимавший должность тюменского городского врача с 1847-го [10]. Вероятно, он был молод и честолюбив, в «Медицинских списках» он появляется только в 1844 г. [11], а с 1845-го уже состоит в чине ти-

тулярного советника [9]. Как тюменский городской врач он фигурирует в журналах городской думы за 1851 г. [12; 13] и в метрической книге Знаменской церкви за 1854-й. [14]. В эти годы он состоял в чине коллежского асессора (чин VIII класса Табели о рангах) [15; 16]. Некоторое представление о работе Петра Никитича можно получить, читая известную статью Н.А. Абрамова «Город Тюмень» (1858): «Обыкновенные болезни в Тюмени — горячка и лихорадка. В 1848 г. в июле и начале августа свирепствовала холера. В 1851-м было поветрие: щеки, скулы и горло пухли у человека с болью и колющем. Вообще же тамошний климат здоров для людей». Эпидемия холеры 1848-го за три месяца (июль — сентябрь) унесла жизни 212 тюменцев [17].

С 1855 г. Петр Никитич в «Медицинских списках» числится по Министерству внутренних дел [18]. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, это было обычной процедурой в отношении городских и окружных врачей того времени. Из наград в «Списках» упоминается бронзовая медаль в память войны 1853–1856 гг.

В «Памятных книжках для Тобольской губернии» на 1860–1864 гг. можно увидеть коллежского асессора (а с 1864-го — над-

ворного советника; чин VII класса Табели о рангах) Яковлева уже тюменским окружным врачом [20; 21; 22]. С 1871 г. Петр Никитич служит в весьма высоком для провинции чине статского советника (чин V класса Табели о рангах) [23], а с 1873-го исчезает из «Медицинских списков». Возможно, изучение некролога некоего Яковлева П.Н. в «Тобольских губернских ведомостях, неоф. ч.» (1873. № 9 [24]) сможет добавить некоторые черты к биографии тюменского врача.

В метрической книге Михайло-Архангельской церкви за 1856 г. можно прочесть радостные и печальные страницы из жизни старшего фельдшера тюменского военного лазарета Кирилла Андреевича Андреева (1829 г. р.). 20 января он женился вторым браком на мещанской дочери Колокольниковой Александре Степановне (1835 г. р.). Невеста была из семьи с достатком, ее отец — Степан Андреевич Колокольников (1810–1872) торговал кожаным товаром, был гласным городской думы. Но в том же году в молодую семью пришло горе: 1 сентября умер их сын Александр, имея от роду 3 недели [25].

Сослуживцем и подчиненным Андреева в 1856 г. был фельдшер военного лазарета Николай Михайлович Михайлов [25]. К со-

жалению, я не имею о нем информации, кроме того, что он работал на том же месте и девятью годами позднее, в 1865 г.

Сведения о фельдшерах Андрееве и Михайлове скудны, зато благодаря воспоминаниям Н.М. Чукмалдина хорошо известно о беспокойной жизни их коллеги, фельдшера лазарета А.П. Загорского. И хотя нижеописанное вряд ли относится к истории медицины Тюмени, все же может являться своеобразным портретом одного из ее работников.

Упомяну, что как фельдшер военного лазарета Александр Павлович значится в той же записи о свадьбе Андреева от 1856 г. [25]. Далее же предоставлю место красочным словам мемуариста: «В Тюмени проживал фельдшер Загорский, иноверец, принявший православие и женившийся на русской, он торговал в лавке гостиного двора мануфактурными товарами. Человек он был довольно странного, порой даже наивно-го характера, но искренний и убежденный, доказывавший всюду, что торговля — “это полудело”, а фабричное и ремесленное производства — “вот настоящее дело”. Он постоянно возился с лабораторными опытами и доказывал, как из пустых и малоценных отбросов

можно получать химическим путем ценные фабрикаты. Так у него постепенно возникали свечной, мыловаренный и клееваренный заводы, но шли они вяло, как-то медленно развиваясь, происходило это, по его словам, потому, что денежных средств не хватало на своевременную заготовку материалов. Я несколько лет кряду покупал у Загорского мездринный клей для перепродажи в Москве и малопомалу превратился в его компаньона по эксплуатации крахмального завода и выработке химического продукта — синь-кали... Однажды, вернувшись в Тюмень, я с ужасом узнал, что Загорский забрал у моего доверенного денег на развитие заводов — половину моего состояния, а фабрикатов его, ко мне поступавшие, были дурно выработаны, неоднородного характера, а посему расценивались с убытком...» [27].

Добавляет краски к данным воспоминаниям и публикация некоего «-всв-»* «Из записной книжки сибиряка» в № 31 «Сибири» (1876): «Мне сообщили, что в последнее время было основано два пшенично-крахмальных заводов — Котовщикова и Загорского; последний теперь не работает. У Загорского была паровая машина и аппараты были более

* -всв- — так иногда сокращал свой псевдоним «Авесов» Г.Н. Потанин (Прим. изд.).

совершенны, чем у других, но производство прекратилось вследствие несочувствия к нему компаньонов Загорского...».

Описываемый Чукмалдиным конфуз концессионеров в 1872 г. привел к ликвидации крахмального завода. Но если Николай Мартемьянович был вынужден из-за этого «полуразорения» (по его словам) переехать в Москву, то бывший фельдшер отнюдь не бросил свою промышленную деятельность в Тюмени. В 1876-м еще работал его клееварный завод в селе Кашегальском, а он сам числился тюменским купцом 2-й гильдии. Однако всему приходит конец, и в 1879 г. заводы Загорского были проданы с торгов [28].

Если Петр Никитич Яковлев в 1859–1861 гг. служил тюменским окружным врачом, то тюменским городовым врачом в эти годы был лекарь (чина не имел) Дмитрий Илларионович Образцов [20; 21]. Он впервые появляется в «Медицинских списках» в 1856-м [29], и так же, как и его предшественник, награжден бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг. [19]. В истории Тюмени он успел оставить благородный след, пожертвовав библиотеке открытой в 1859-м женской школы два шкафа [30].

Титулярный советник (с 1862 г.) Образцов значится в «Медицин-

ских списках» по 1873-й [31]. Однако, вероятно, убывшего за пределы губернии Дмитрия Илларионовича уже нет в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1864 год» [22].

В метрических книгах тюремной церкви Тюмени за 1863–1867 гг. содержатся некоторые сведения о жизни фельдшера Трофимова Матвея Терентьевича (1832 г. р.). В 1863-м он числился фельдшером военного лазарета [32], а в 1864–1867 гг. именуется отставным военным фельдшером [33; 34; 35]. 1 ноября 1864-го скончалась от чахотки его жена Елена Яковлевна, 32 лет от роду [33]. Практически через год отставной фельдшер женился вновь, 27 октября 1865 г. зафиксирован его брак с мещанской дочерью Кучевой Анфисой Николаевной (1839 г. р.) [34]. Анфиса Николаевна была дочерью отнюдь не бедного торговца кожевенными товарами Кучева Николая Ивановича (1797–1874). Вспоминая брак фельдшера Андреева с дочерью торговца Колокольникова, можно хотя бы предположить, что фельдшера военного ведомства (пусть и отставные) имели неплохие котировки в торговом обществе Тюмени.

Впрочем, семейная жизнь новой пары была не долга. 18 июня 1867 г. чахотка унесла и Матвея Терентьевича [35].

В те же годы (1863–1867) в тех же метрических книгах тюремной церкви фигурируют фельдшера Козьма Федорович Куроптев [32] и Гавриил Петрович Леонтьев [32; 33; 34; 35]. Отличие их от фельдшера Трофимова заключается в том, что они упоминаются как фельдшера городской больницы, а не военного лазарета. Впрочем, как мы помним, лазарет и больница находились в то время практически «стена к стене».

Козьма Федорович Куроптев, возможно, происходил из старинной тюменской семьи Куроптевых (предок, стрелецкий сын, был переведен из Холмогор в Тюмень в 1642 г.). В 1863 г. у него была жена Фелицата Федоровна [32]. Фельдшер же Гавриил Петрович Леонтьев был женат на Юлии Александровне [32; 33; 35]. Обе пары активно участвовали в свадебных мероприятиях и крещениях младенцев, проводимых в тюремной церкви.

Источники:

1. ГАТюмО. Ф. И-103. Оп. 1. Д. 5: Метрические книги Воскресенской церкви за 1809–1820, 1822–1840 годы.
2. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2: Метрические книги Пророко-Ильинской церкви за 1809–1828, 1830–1841 годы.
3. Тобольские губернские ведомости. 1857. № 1–22.
4. ГАТюмО. Ф. И-100. Оп. 1. Д. 2: Метрические книги Михайло-Архангельской церкви за 1795–1801 годы и исповедальные росписи Михайло-Архангельской церкви за 1795–1839 годы.
5. Российский медицинский список на 1837 год. СПб., 1837.
6. Российский медицинский список на 1838 год. СПб., 1838.
7. Российский медицинский список на 1831 год. СПб., 1831.
8. Российский медицинский список на 1841 год. СПб., 1841.
9. Российский медицинский список на 1845 год. СПб., 1845.
10. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510: Протоколы собрания Тюменской городской думы за 1888 год.
11. Российский медицинский список на 1844 год. СПб., 1844.
12. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 342: Журнал Тюменской градской думы за январь 1851 года.
13. ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 345: Журнал Тюменской градской думы за апрель 1851 года.
14. ГАТюмО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 27: Метрические книги Знаменской церкви за 1854–1863 годы.
15. Российский медицинский список на 1851 год. СПб., 1851.
16. Российский медицинский список на 1854 год. СПб., 1854.
17. Кружинов В. М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1994.

18. Российский медицинский список на 1855 год. СПб., 1855.
19. Российский медицинский список на 1859 год. СПб., 1859.
20. Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск, 1860.
21. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 годы. Тобольск, 1861.
22. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.
23. Российский медицинский список на 1871 год. СПб., 1871.
24. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Том 1: Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX века. Мандр и К^а. Тюмень. 2004.
25. ГАТюмО. Ф. И-254. Оп.1. Д.1: Метрические книги Михайло-Архангельской церкви за 1856–1866 годы.
26. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 5: Метрическая книга тюремной церкви за 1865 г.
27. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: Избранные произведения / сост. Ю. Л. Мандрика, послесл. П. М. Г-ва. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
28. Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.
29. Российский медицинский список на 1856 год. СПб., 1856.
30. Кубочкин С. Н. Заводская слободка... и еще 1000 штрихов к портрету забытой Тюмени. Тюмень: Мандр и К^а, 2011.
31. Российский медицинский список на 1873 год. СПб., 1873.
32. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 3: Метрическая книга тюремной церкви за 1863 г.
33. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 4: Метрическая книга тюремной церкви за 1864 г.
34. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 5: Метрическая книга тюремной церкви за 1865 г.
35. ГАТюмО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 6: Метрическая книга тюремной церкви за 1867 г.

Исай Давыдов (Д.И. Шейнберг)

Начало планового книгоиздания в Тюмени

1.

Тюменские приключения начались в первый же день.

Не успел я выложить на стол директору Горбунову свои документы, как в издательство буквально ворвался высокий плотный человек с черной бородой.

— Познакомьтесь, Евгений Григорьевич, — сказал ему директор. — К нам приехал старший редактор. Наконец-то дождались.

— Где вы остановились? — сразу же спросил бородач.

— В Доме крестьянина.

— Почему? Там же весьма неуютно.

Действительно, в общем зале на кроватях спали, не раздеваясь, мужчины и женщины. А за столом милиционеры в полушубках всю ночь стучали костяшками домино.

— Приехал вчера вечером, — объяснил я. — В гостинице мест не нашлось.

— Сейчас мы это исправим! — Бородач рванулся к телефону. — Гостиницу, пожалуйста!.. Это администратор?.. Вас беспокоит Ананьев из «Тюменской правды». Вы знаете, какую вы вчера совершили ошибку?.. Даже не имею представления, как вас теперь выручить!.. В чем дело?.. К нам, понимаете, приехал старший редактор. А вы вчера не пустили его в гостиницу. Он вынужден был ночевать в Доме крестьянина. Представляете, какие он там получил впечатления о Тюмени?.. Вы, наверно, знаете Коврижина, редактора «Тюменской правды»?.. А тут старший редактор приехал! И такой конфуз!.. Что?.. Исправите? Говорите, секретарь облисполкома?.. Интеллигентный человек?.. Сейчас я с ним согласую...

Ананьев поглядел на меня веселыми карими глазами и объяснил:

— Есть место в номере с секретарем облисполкома. Говорят — интеллигентный человек. Вы согласны?

Я кивнул.

— Он согласен! — обрадованно закричал Ананьев в трубку. — Сейчас он к вам подойдет. Будьте уж с ним повежливее. От имени редакции прощу.

И, положив трубку, добавил:

— Бегите, пока они не разобрались, какой редактор главнее!

Так познакомился я с человеком уникальным. Евгений Ананьев был первым в мире журналистом, который поверил в будущую тюменскую нефть и не только писал о ее разведчиках, но и до конца жизни дружил с ними — от Р.-Ю. Г. Эрвье и Ф.К. Салманова до Г.А. Быстрицкого и В.Д. Бованенко.

Евгений Шерман (Ананьев)
(1966)

А должность моя на самом деле называлась «старший редактор». При этом ни рядовых, ни младших, ни главного в тюмиздате еще не имелось. Самое молодое провинциальное книжное издательство в РСФСР только начинало свою биографию. На всей территории громадной Тюменской области пока значился лишь один литератор, имевший свои книги, — И.Г. Истомин, живший в Салехарде. Он был коми, писал исключительно о жизни ненцев и уже успел вступить в Союз писателей. Но печатался Иван Григорьевич в столицах и появившееся местное издательство не замечал. Просто не нуждался в нем. А первая в Тюмени книга прозы И.Г. Истомина «Утро Ямала» увидела свет лишь в 1955 г.

Вторым автором в области предполагала статья И. Михайлова, директор областной библиотеки. Ее брошюра «Работа над книгой» (1952) была набрана. Петр Михайлович Горбунов предложил мне для начала посмотреть гранки будущего издания.

Уже первая полоса набора привела в ужас. В ней встречались, кажется, все типичные стилистические ошибки, усвоенные мной во время институтского обучения. Были и политические, за которые, как объясняли нам на семинарах, можно и «загреметь». Шла весна 1952 года. Сталина не станет лишь через год.

— Кто-нибудь редактировал этот текст? — спросил я.
 — Анна Кузнецова из «Тюменской правды». Из отдела пропаганды.

«Ничего себе!», — подумалось мне.

Я объяснил директору свои претензии к тексту и опасения — в случае, если это так и будет напечатано.

— Надо все переписывать, — подытожил я.

— Дерзайте! — разрешил директор.

С этого и началась моя редакторская работа в Тюмени.

2.

В литературном отношении Тюмень была в те годы полностью ориентирована на Новосибирск, где выходил «толстый» зональный журнал «Сибирские огни». В этом городе жили литературные авторитеты, отсюда ждали какой-то помощи начинающие авторы. Все надежды последних основывались только на том, что в планах «Сибирских огней» уже значился большой очерк Евгения Ананьева «Хозяева тундры», а тюменским издательством была принята, но еще не запущена в производство книга рассказов новосибирца Юрия Сальникова «Посмотрите вокруг» (1954).

Иван Истомин
(1960)

Начинал редактирование книги Сальникова я, а заканчивала — Галина Александровна Павлова, которая приехала в Тюмень в августе 1952 г. с таким же, как у меня, дипломом редакционно-издательского факультета Московского полиграфинститута. Только у нее он был «с отличием».

Через несколько лет, когда Сергей Павлович Залыгин, уже известный писатель, переехал из Омска в новосибирский Академгородок, мы узнали, что

прежде работал он гидрологом в Салехарде, изъездил на всех видах транспорта Тюменский Север и написал об этом немало рассказов.

Мы попросили ученого собрать их вместе и предложили выпустить у нас отдельным изданием. Так родилась книга «Простые люди» (1960). Редактировал я ее весной 1959 г. в подмосковной «Малеевке» во время месячного семинара рассказчиков, в ходе коего и был принят в Союз писателей. А подписывала ее в печать уже Евгения Федоровна Данилина, которой сдал свои редакторские дела перед уходом на творческую работу.

Евгения Данилина

Еще одна книга двух новосибирцев вышла в Тюмени на моей памяти. Предложили ее известные критики Борис Рясенцев и Николай Яновский как раз в то время, когда тюменские издатели начинали задумываться о необходимости местной критики. Этого требовал не только будущий альманах, но и пропаганда в печати тюменской книги требовала специалистов. Ощущалась потребность в каком-то профессиональном местном ориентире. В Тюмени он не просматривался. И тут подоспело совместное предложение Б. Рясенцева с Н. Яновским, которое и было реализовано в «Литературных очерках» (1955).

Других «новосибирских» книг в Тюмени на моем веку не было. Возможно, потому, что в 1958 г. рядом, в Свердловске, возникли сразу два журнала — «Урал» и «Уральский следопыт», возобновивший свой выход лишь после Великой Отечественной войны. Редакции обоих изданий активно искали авторов. В том числе и в Тюмени. И люди пишущие стихийно потянулись в Свердловск.

Впрочем, не обошлось без толчка извне.

3.

«Первой ласточкой» прилетело предложение свердловчанина Юрия Яковлевича Хазановича издать у нас сборник современных промышленных очерков. Это было очень кстати, потому что тюменские журналисты дальше книжечки в один авторский лист пока не шли. Очерк Е. Ананьева «Хозяева тундры» (1953), вышедший отдельным изданием после журнальной публикации, — исключение. Эта книга местного автора имела скорее краеведческий характер, с уклоном в северную экзотику. Промышленностью в ней и не пахло.

Солидный сборник отличных очерков «Счастливые люди» (1955) редактировали мы с Галиной Павловой вместе. В ту пору это была самая «толстая» книга в Тюмени — 11 учетно-издательских листов. И сразу последовало предложение «заглядывать» в свердловскую писательскую организацию: Юрий Хазанович, автор сборника, был ее партгором.

Правда, воспользоваться этим приглашением удалось лишь через два года, когда в 1957 г. поехал в Свердловск знакомиться с постановкой издательского дела.

«Второй ласточкой» стала Н.А. Полозкова. Она и сейчас живет в Тюмени, ей уже за девяносто. Но тогда, окончив Уральский университет, Нина Андреевна работала заведующей отделом критики в журнале «Урал». Как-то, приехав домой, зашла к нам в издательство. Между делом рассказала, что готовит диссертацию по А.М. Горькому. Творчество писателя в свое время было темой двух моих институтских курсовых. Так мы мгновенно нашли общий язык. Уезжая в Свердловск, Полозкова приглашала к сотрудничеству в «Урале».

Практически в то же время Юрий Михайлович Курочкин, заведующий краеведческим отделом «Уральского следопыта», заинтересовался древними курантами, собственностью тюменского музея. Удовлетворив любопытство краеведа, издатели и с журналом завязали связь. У меня она сохранилась по сей день. А с Юрием Михай-

Галина Павлова

ловичем мы были друзьями, а потом и соседями до конца его жизни. И все его книги по сей час стоят у меня на полке.

Все эти, как вначале казалось, незначительные события вместе взятые привели к переориентации литературной Тюмени на Свердловск. Стали появляться в «Урале» рассказы журналиста Павла Кодочигова, медсестры Ольги Черновой, автора этих строк. Начали нас приглашать в центр Урала на совещания молодых, а в Тюмень потянулись свердловские писатели с намерением издаваться. Общение стало постоянным и более насыщенным.

Но прежде надо рассказать о «досвердловских» временах в тюмиздате.

4.

Как-то Петр Михайлович Горбунов вынул из сейфа тоненькую рукопись и попросил:

— Посмотрите, пожалуйста. Тут детские стишки одной дамы. Надо ей что-то ответить.

Прочитал. Нормальные стихи. К ним бы картинки — и приличная детская книжка. Так и сказал директору.

— Да что вы? — Горбунов добродушно рассмеялся. — Какая книжка? У автора даже паспорта нет. Она из спецпереселенцев. Их печатать нельзя.

— А что это такое — спецпереселенцы?

— Наивные вы, москвичи! — посочувствовал директор. И объяс-

нил...

Это были стихи болгарки Майи Алексеевны Сыровой. Сразу после войны ее вместе с родителями насильно переселили из Крыма в Тюмень. Только за то, что среди оккупантов находились в Крыму

(Слева направо) *Исай Давыдов, Петр Горбунов, Иван Истокин*

и болгарские части. После переезда в Сибирь отец Майи Алексеевны преподавал в торговом училище. На его заработок жила семья.

Тогда казалось, что все это навечно.

Горбунов перечитал стихи, задумчиво произнес:

— Вообще-то, Майя была в войну ребенком. Да и все они ни в чем не виноваты. И никакой политики в ее стихах нет. Чем бы вот подкрепить ваше оптимистическое мнение? Для обкома...

— Рецензиями, — предложил я. — Чьими угодно. По вашему выбору.

— Есть в Новосибирске известная детская поэтесса Елизавета Константиновна Стюарт...

— Давайте пошлем рукопись ей.

— И рядышком, в омском издательстве, редактор Николай Михайлович Почивалин, член Союза писателей.

— Давайте пошлем и Почивалину.

Послали — туда и сюда. Пришли две положительные рецензии. Директор почесал затылок, взял их обе, стихи Сыровой, мое редакторское заключение и понес все это в обком.

Дней через десять оттуда дали «добро».

— Под нашу с вами личную ответственность, — уточнил директор. — Если что... — И он выразительно изобразил пальцами решетку.

Теперь рассмеялся я.

— Не бойтесь, не посадят. Нас же чему-то учили...

На всякий случай редактировать эту книжку «Тома на даче» (1953) директор поручил Галине Павловой. Может, чтобы «размазать» ответственность?

Так вышла первая детская книжка в Тюмени. Иллюстрировал ее Иван Павлович Котовщиков, ставший впоследствии основным тюменским иллюстратором и добрым другом издателей. Выручал он издательство бесчисленное количество раз. Заглядывая к нам в очередной раз, привычно здоровался:

— Я пришел сюда с приветом — рассказать, что солнца нету...

Солнце действительно в издательство не заглядывало. Сторона была северная. Туда же смотрели почти все окна редакции «Тюменской правды» и цензуры. А на первом этаже здания, что на Первомайской, грохотали печатные машины типографии.

С книжки «Тома на даче» начался литературный путь Майи Алексеевны Сыровой — первого в Тюмени члена Союза писателей. Впос-

лествии она писала и издавала у нас не только стихи, но и прекрасные рассказы. Удивителен ее «Очерк о хирурге». За глаза ее ласково называли «матриархом тюменской литературы».

5.

Произошел в ту пору еще один примечательный эпизод.

Работящий преподаватель пединститута Павел Иванович Рощевский основательно занимался историей Октября и последующего периода в Зауралье. Не одна книга на эту тему впоследствии была им подготовлена к изданию.

Но дебютировал автор совершенно с неожиданной для него темой.

Не знаю уж, как вышел Павел Иванович на имя тобольского художника Михаила Знаменского, который во второй половине XIX века активно сотрудничал со знаменитым столичным сатирическим журналом «Искра». П.И. Рощевский собрал о жизни и творчестве М.С. Знаменского все, что только было возможно. Перефотографировал тьму работ тоболяка. Написал очень популярно о нем книгу и принес ее нам. Называлась она «Воспитанник декабристов художник М.С. Знаменский».

(Слева направо) *Василий Еловских, Исай Давыдов, Петр Горбунов*

Для издателей это была редкая находка. Но, когда мы включили ее в план, на дыбы вдруг встал российский Главиздат. На моем веку это был единственный конфликт с ним. Позицию эту в плане категорически не утверждали.

— Это не ваша тема, — говорили в главке. — Творчество художников — прерогатива издательства «Искусство». Пусть автор топает туда. В Тюмени нет для рукописи ни рецензентов, ни редакторов.

— А если найдем в Москве? — спросил я.

— Каким образом?

— Алексей Алексеевич Сидоров вас устроит в качестве рецензента?

— Как вы до него доберетесь?

— Я у него учился.

— Ну, попробуйте...

Сидоров был членкором Академии наук, заслуженным деятелем искусств и крупнейшим в мире специалистом по истории русской книги. Именно этот курс он и читал в нашем институте. И в перерывах между лекциями мы не раз с ним разговаривали, так как я очень рано начал интересоваться старинной книгой. А потом, понятно, сдавал ему экзамен.

Написал А.А. Сидорову о возникшей проблеме. Он согласился прорецензировать. И прислал восторженный отзыв. Тюмиздат предложил ему написать еще и предисловие к книге П.И. Рощевского, а также взять на себя титульное (научное) редактирование.

Защищенную со всех сторон А.А. Сидоровым рукопись П.И. Рощевского отослали на просмотр в Главиздат. В 1954 году книга увидела свет. А потом получила очень добрый отзыв в «библии» книголюбов того времени «Друзья мои — книги» (1962), которую написал Владимир Лидин. Причем именно главу о «Воспитаннике декабристов художнике М.С. Знаменском» книголюб счел нужным опубликовать еще и в «Уральском следопыте» (1961. № 5).

6.

Еще о двух авторах начального периода Тюмиздата надо рассказать хотя бы коротко.

В ту пору приличные рассказы в городе писал лишь один человек — Вениамин Васильевич Никольский, литсотрудник сельхозотдела «Тюменской правды». Были его рассказы грамотны, гладки и

отражали, как водилось в то время, главным образом конфликты «хорошего с лучшим». Газета их активно печатала, и слава первого тюменского прозаика уже утвердилась за Никольским.

Естественно, издатели не могли пройти мимо местного автора. Тем более что его рассказы почти не уступали уже изданным новосибирца Ю. Сальникова. Два сборника прозы В. Никольского увидели свет и даже обсуждались на совещании молодых писателей в Свердловске. Хотя к тому времени Никольский был уже очень немолод. То ли по этой причине, то ли из-за тематики рассказов (только село!), но в Союз писателей автора не позвали. Он тихо обиделся и больше на совещания литераторов в Свердловск не ездил.

Умер Никольский рано, до пенсии не дожил. Сердце... Сельхозотдел газеты — не сахар...

Михаил Андреевич Лесной (Зверев), учитель биологии из Ишима, прислал в издательство свои «Рассказы натуралиста» еще до его приезда. И так же, как стихи Майи Сыровой, директор неожиданно вынул их из сейфа и положил передо мной. Это были интересные наблюдения в виде коротких новелл для детей о жизни животных, птиц, насекомых и растений. Но со стилистикой русского языка автор явно не дружил.

Издательство чувствовало нехватку рукописей, времени хватало, и терять вполне реальную книгу не хотелось. Я начал править. А художники И. Котовщиков и П. Суханов взялись иллюстрировать. Издание увидело свет в 1952 году.

(Слева направо) *Федор Чурсин и Исай Давыдов*

Как и положено, выписали автору гонорар. Получать его Лесной приехал в Тюмень. На моем столе кассирша отсчитывала громадный (для Тюмени!) литературный заработок. А Лесной дважды пересчитал кредитки, и

руки его при этом дрожали. Поглядел я на них и подумал: «Не к добру! Что-нибудь обязательно отмочит».

Вторую его книжку — «В родном краю» — 1955 г., охотничьи рассказы — редактировала (опять же полностью переписывала) Галина Павлова. Третья книга Лесного «Мои встречи» (1957) была переписана новым редактором издательства Киной Ивановной Ткаченко, тоже выпускницей нашего факультета. Четвертая книга Лесного опять досталась мне.

К этому времени М.А. Лесного по трем книгам приняли в Союз писателей. Тюменское издательство успело нагулять какой-то жрок: образовалась очередь из рукописей на редактирование. Переписывать авторские тексты стало некогда. А стилистика четвертой книги оказалась на уровне первой.

Честно говоря, я долго не отвечал автору. Не хотелось огорчать его. Но Лесной звонил, торопил, требовал, жаловался на меня новому директору В.И. Еловских.

И Василий Иванович скорее посоветовал, нежели распорядился: — Ну, что ж, напишите ему правду.

И я довольно резко, по молодости, написал, что, поскольку Михаил Андреевич теперь профессиональный писатель, ему стоило бы подзаняться стилистикой и научиться грамотно выражать свою мысль. Почувствует вкус слова — пусть присылает новые произведения...

Он и прислал, но в другой адрес.

Однажды, выйдя из «Урала», заглянул к директору Свердловского издательства. Тот сразу протянул мне листок, держа его мизинцем и большим пальцем. Как бы боялся запачкаться.

Я узнал пишущую машинку Михаила Лесного и его манеру печатать экономно, с двух сторон листа. Анонимка была подписана «группой тюменских писателей» и сообщала, что свои рассказы я списываю у других авторов. Причем имена последних не указывались.

Это была последняя рукопись Лесного, которую я видел.

7.

Пора рассказать хоть немного о самих тюменских издателях тех лет.

Директор Петр Михайлович Горбунов родился в Ситниковском районе, работал наборщиком в типографии, быстро дорос до дирек-

тора и однажды резко выступил на пленуме райкома партии с критикой отношения власти к типографии.

На его счастье, наказать за это не успели. На пленуме присутствовал первый секретарь обкома Федор Степанович Горячев. И он решил забрать смелого критика в аппарат, пока не заклевали. Горбунов стал инструктором в отделе пропаганды, кое-чему подучился. А когда создавали издательство — был назначен его директором.

Издательского дела он, понятно, не знал и вынужденно доверял редакторам. Но при этом сам учил их тому, чего «не проходят» в институтах, — отношениям с местными властями и особо — с облфинотделом: от последнего в нашей работе зависело очень многое. Увы, институтское образование имело лакуны...

Был Горбунов довольно высокий, плотный, сильный, голубоглазый и задорно курносый. Обаятельно улыбался и густо краснел, когда волновался. Это был признак сильной гипертонии. Директор на нее внимания не обращал, не принимал никаких таблеток и не отсиживался дома во время кризов. Все переносил на ногах. А жизнь трепала его безжалостно. Гипертония и свела его в могилу очень рано. Не гори на работе — П.М. Горбунов мог бы жить и жить...

(Слева направо) *Станислав Мальцев, Исай Давыдов, Георгий Бабкин*

Рассказы, которые издавна писал директор издательства, он собрал в книгу «Первое признание» (1960). Сборник выделялся на фоне аналогичной местной литературы, хотя большинство рассказов так и осталось в кругу сельской тематики. Именно это помешало признанию в сугубо промышленном Свердловске. То же самое произошло и с романом «Родник», первые главы которого опубликовал тюменский альманах «Сибирь»

ские просторы» (1957). Не помогли автору даже хорошие детские книжки «Записки Саша Бугрова» (1958), «На озере Черном» (1955), «Путь нашей книжки» (1960). Конечно, если бы в Тюмени к тому времени сформировалась своя писательская организация, П.М. Горбунов непременно стал бы ее членом. А Свердловск тянул, все ждал от тюменского литератора чего-то другого. И не дождался...

Человеком Горбунов был абсолютно порядочным и не по-начальственному заботливым. Москвичам-редакторам всячески старался показать все лучшее в Тюмени и области. В быту не «держал расстояния» — поступал как друг. Когда начинающейся зимой 1956 г. я возвращался в Тюмень после двухлетней работы в Камышине, П.М. Горбунов и редактор Клавдия Михайловна Яблокова встретили меня на вокзале и с ходу привели в загодя снятую теплую комнату на Андреевском поселке.

Когда в 1959 г. обком партии во время моего отпуска (безо всяких моих просьб) выделил мне комнату, Горбунов запер ее на амбарный замок, чтобы никто не занял мое новое жилище, и прямо на вокзале передал от него ключ.

А ведь в это время директором издательства он уже не был, его «перебросили» руководить типографией.

К.М. Яблокова по диплому — агроном. А по душевному призванию и по умению — книжный редактор. Только семья удерживала ее в Тюмени, и работала Клавдия Михайловна не на полях, а в типографии — корректором. Хотя ее пометки на издательских корректурах говорили, что ее квалификация достаточно высокая.

Клавдия Яблокова

На пробу ей доверили редактуру научных трудов сотрудников пединститута, которые обычно вызывали споры в издательстве. У Яблоковой в процессе работы никаких проблем с авторами не возникло, и, по мнению коллег, труды были отредактированы безукоризненно. Этот

путь она проходила дважды. Значит, не только редактор, но и дипломат... И когда появилась вакансия по разделу сельского хозяйства — искать другую кандидатуру не было необходимости. С конца 1953 г. и до ухода на пенсию К.М. Яблокова была самым стойким и незаменимым «кадром» в издательстве. Всегда точная, с четкой позицией, неизменно нарядная, с улыбкой, спокойная, она вела свой отдел так, что ни у кого не возникало надобности вмешиваться в ее дела или помогать ей. Все и всегда у нее было о'кей.

Собственно, до появления Яблоковой четкой специализации редакторов в тюмиздате не существовало. Павлова вела только художественную литературу, а я — все остальное. Да и художественную приходилось мне прихватывать, так как по объему она превышала все остальное. Например, не будучи специалистом в биологии, редактировал я книгу Н. Ягодникова «Жизнь водоемов Тюменского района» (1954). Разумеется, вмешательство в текст было чисто стилистическим. К.М. Яблокова сумела бы сделать это лучше. Но ее в издательстве еще не было. А книга пошла...

Такова уж специфика начинающих издательств...

Техническим редактором стал бывший наборщик Леонид Тимофеевич Овечкин. Невысокий, белокурый, улыбчивый, утонченно остроумный, он вел свое дело безукоризненно. Хотя, как говорится, «университетов не кончал». Единственной его профессиональной учебной работой стало институтское пособие по техническому редактированию, которое привез я ему из Москвы. И Л.Т. Овечкину этого хватило на долгие годы работы. Он еще и меня порой подучивал тонкостям наборного дела, которых я не подметил на практике в институтской типографии.

Корректором в начальный период тюмиздата работала юная стройная обаятельная блондинка Зоя Михеева. Ее мать долгие годы вычитывала «Тюменскую правду». Старшая ее сестра — Серафима Игнатьевна — тоже поработала корректором в типографии, прежде чем стать там начальником цеха, а позже и техноруком. Опечаток в книгах Зои Михеевой не водилось. Окончив литфак Тюменского пединститута, она вернулась в издательство уже редактором. Продукция с ее именем никогда не содержала вкладного листочка с перечнем опечаток.

Когда издательство закрыли, Зоя Игнатьевна, перешла в ЗапсибНИГНИ, не уронив верность семейной профессии. Так в тюмиздате вырос свой профессиональный издатель.

8.

Еще об одном авторе того периода хочется сказать особо. Николай Михайлович Почивалин, член Союза писателей, однажды явился к нам и сообщил, что из омского издательства ушел на творческую работу и хотел бы расширить географию своего профессионального присутствия.

Очерков издателям всегда не хватало. Поэтому П.М. Горбунов тут же заказал гостю два очерка. Они были написаны безукоризненно и быстро изданы отдельными книжками. Установились прочные добрые отношения с надежным автором. Они привели к событию в ту пору довольно смелому для провинции.

Н.М. Почивалин однажды предложил нам детектив — повесть и несколько рассказов о милицеских буднях. Жанр этот, несмотря на стойкий к нему интерес читателей, всячески изничтожался официальной критикой. Поэтому издатели его опасались. Однако новый директор тюмиздата Василий Иванович Еловских, сам писатель, оказался не из робких.

— Давайте попробуем, — предложил он.

Посмотрели рукопись. Все в ней было идеологически выдержано. И в то же время написано увлекательно. Решили рискнуть. Толстый томик детектива «Выстрел на окраине» вышел громадным для провинции тиражом — 90 тысяч экземпляров. И разошелся по всей стране. Недоброжелатели, конечно, нашлись. Но шипели они только по поводу тиража. В тексте придраться было не к чему.

Быстро нашелся и последователь. Литсотрудник «Тюменской правды» Станислав Мальцев, тут же рванулся по следам Н.М. Почивалина и принес в издательство также милицеский сборник с названием «По волчьему следу» (1958). Не только тираж у книги оказался почивалинским, но и судьба: критика не заметила рецидива нежелательного жанра вдали от столицы. Позднее С.В. Мальцев станет почти классиком местной детской литературы, издав у нас же сказку «Про зайку Петю» (1959), одновременно поучаствовав с Майей Сыровой, Михаилом Лецкиным и Филиппом Цветаевым в невинных «Сказках о зайцах» (1959).

Н.М. Почивалин тем временем оставил Омск, вернулся в свой родной город Пензу и однажды уговорил меня по пути в отпуск вернуться к нему в гости. Я был очарован этим теплым, уютным, красивым и спокойным городом и совершенно ошеломлен потрясающим

пензенским гостеприимством, которое, как мне казалось, ничем не уступало кавказскому.

Выйдя на творческую работу в 1960 г., я послушался совета Н.М. Почивалина, переехал в Пензу и счастливо, беззаботно прожил там пять лет. Пока по решению ЦК партии не закрыли областные издательства во всех городах,

где не было совнархозов. В том числе — в Пензе. И нечего там стало делать писателю, находящемуся на творческой работе.

Нелепая была реформа. Она сократила выпуск книг по всей России, разрушила некоторые писательские организации. Ибо литераторы стали уезжать из тех городов, где издательства закрывались.

А в Свердловске, где разворачивался громадный совнархоз, ждали меня два литературных журнала, большая писательская организация, давно принявшая меня в свои ряды, и знакомое издательство, выпустившее мою книгу еще в 1960 году.

9.

В августе 1956 г., будучи на армейских сборах под Сталинградом, получил письмо из Тюмени. Новый директор издательства Василий Иванович Еловских предлагал оставить газетную работу в Камышине, куда занесло меня по направлению ЦК ВЛКСМ еще в 1954 г., и вернуться в Тюмень на прежнее редакторское место.

Связь с П.М. Горбуновым у меня не прерывалась, и я сейчас же послал ему запрос: что такое Еловских?

Ответ получил быстро и совершенно восторженный: «Приезжайте! Все вам будет! Еловских — прекрасный человек!».

А уезжать не хотелось. В газете работали рядом и были моими близкими друзьями прекрасные люди и талантливые молодые писатели Михаил Роцин и его жена Наташа Лаврентьева. Наташа уже окончила Литинститут, Роцин был там на предпоследнем курсе. Они знали

Михаил Лежкин и Исай Давыдов

о литературном творчестве многое из того, что для студентов полиграфа осталось тайной. И я откровенно учился у них. Вместе мы — три москвича — раз в неделю через местную газету трясли Камышин — эту небольшую «арбузную столицу», взбаламученную стройкой громадного текстильного комбината. Острый, конфликтный жизненный материал потоком шел в наши руки. Потом я долгие годы писал рассказы и повести на этом материале. И у Михаила Рощина было те же самое. К тому же сталинградские издатели уже выдали ему и мне авансы под договоры на сборники рассказов. Как от этого уезжать?

Но неожиданно Рощин уехал в Москву, Наташа — в Волжский, сразу стало тоскливо, и я решился. Росглавиздат оформил мне перевод. Увидев его, редактор газеты «сделал большие глаза»:

— Впервые такое вижу — из газеты в книжное издательство! Ну, поезжай! Может, тебе там теплее будет, чем в нашем Камышине? Как вот мне тут без вас всех?

А в Главиздате, напутствуя меня, заместитель начальника сказал:

— Мы вас уже знаем, мы вам верим, вы там работайте, а мы... — И он выразительно посмотрел на меня сквозь растопыренные пальцы. — Готовьте писательскую организацию, — добавил он. — Это ваш генеральный курс.

Вся прелесть монолога была в том, что этого начальника видел я впервые.

Но в главке действительно неплохо знали наших выпускников. Полиграф-

Взирая на лица

(Тюменский комсомолец.
1961. 17 дек., № 150)

П. Горбунов.

Создал он «Родник», дерзая,
Но — вода-то не ключевая!

П. Амелин.

Иду отчаянно, напористо!
Кто там кричит, чтоб я не лез?
Иду в снегах,

с вязанкой хвороста

В свои стихи,
как в темный лес.

институт был, так сказать, придворной школой специалистов. Нас изучали с первых курсов. В том числе и по институтской многотиражке, в которой я сотрудничал.

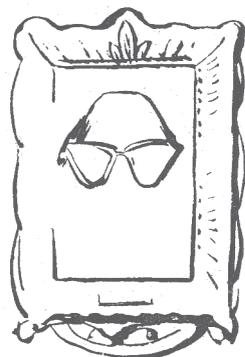
С тем и приехал я в Тюмень второй раз.

10.

Обстановка тут была уже другая. Кира Ивановна Ткаченко, новый редактор, времени не теряла — авторский актив быстро прибывал. Своими людьми в издательстве стали поэты Иван Лысцов, талантливый солдат, удивительно похожий на молодого Есенина, Михаил Лецкий — ответственный секретарь «Тюменского комсомольца», очеркист «Тюменской правды» Павел Кодочигов, преподаватель пединститута Георгий Бабкин.

Собственно, повесть Г.С. Бабкина «Березовый край» (1959) и положила передо мной Кира Ивановна в первый же день работы. Повесть, по-моему, нужно было сокращать, но первые главы были написаны сочно и одновременно лаконично. Неудивительно, что они были опубликованы во втором номере альманаха «Сибирские просторы» (1958). А через год и вся повесть была издана, правда, уже под редакцией З.И. Михеевой. Прелестный же рассказ Бабкина «Трудная любовь» дал название второму коллективному сборнику рассказов (1958) тюменских авторов...

Собственно, вопрос о коллективных сборниках возник сам собой как

С. Мальцев.

Взяв известную эссенцию
Про шпионов или атом,
Я добавлю к ней сентенцию,
Тоже жившую когда-то. —
Получу реминисценцию,
А окрестят — плагиатом!

М. Лецкий.

Ты можешь, скульптор,
высесть это
В граните?
Чтобы мне, звеня,
Хрестоматийным
быть поэтом,
Коль даже высекут меня!

Ю. Шесталов.

Вам привет! Из Ленинграда!
От мансийского поэта.
Я спою вам и об этом.
Среди вас и там я, грешный,
Ленинградец очень здешний.

Н. Касьянов.

Грузим уголь, штабелюем
плахи...
Нет в труде надежней ног и рук.
Мы всю жизнь в работе
как в рубаше
Без работы —
просто как без брюк.

верный путь к альманаху, без которого до писательской организации никак не дораста. Это понимали все.

Первым таким стал сборник стихов «Земляки» (1957). Круг его авторов велик: Майя Сырова, Иван Лысцов, Михаил Лецкий, Иван Истомин, Иван Юганпелик, Леонид Лапшуй, Анатолий Кукарский, Федор Чурсин, Адольф Сечка, Георгий Первышин, Юрий Козлов. Из одиннадцати авторов восемь остались в литературе. Сегодня можно уверенно сказать, что начало у серии — удачное.

Авторами первого коллективного сборника прозы «Наши рассказы» (1957) стали М. Сырова, Н. Почивалин, П. Горбунов, В. Васильев, Л. Федорова, И. Давыдов. Лариса Федорова выросла в Тюмени, замуж вышла в Москву за знаменитого поэта Василия Федорова. И в провинции, и в столице ее считали «своей». Васильев куда-то исчез. Остальные — литераторы.

«Живая традиция» (1958) «высочила» в свет неожиданно, к 40-летию Советской армии. Майор Лобзин принес в издательство два рассказа о войне. На книгу они не тянули, но и терять их не хотелось. Так возникла мысль собрать коллективный «военный» сборник. В него вошли рассказчики Ф. Лобзин, В. Никольский, С. Мальцев, П. Горбунов, В. Еловских, И. Давыдов, Д. Скурлаев, инвалид войны, работник Главиздата (специально для данного издания заказывали ему рассказ о саперах).

Очередной — четвертый — сборник «Трудная любовь» (1958) вышел в свет

Л. Полонский.

Должен сразу вам сказать —
Хоть в глаза, хоть за глаза:
В общем, я — пожалуй — «за»,
А потом — могу назад.

Г. Курбатов.

Ты — писатель,
Ты — поэт.
Я — издатель,
А ты — нет.

Дружеские шаржи
художников

С. Лопатина и В. Шруба

уже после издания первого номера альманаха «Сибирские просторы». Костяк авторов остался прежним: Г. Бабкин, С. Мальцев, М. Сырова, П. Горбунов, В. Никольский, В. Сидоренко, В. Васильев, Д. Скурлаев, И. Давыдов.

Последнему сборнику этой серии название дала Майя Сырова своим светлым рассказом «Экзамены пахнут сиренью» (1960). Сборник получился солиднее предыдущих. Участвовали в нем уже 12 авторов. У некоторых из них издательство взяло по два рассказа. Повествование Павла Кодочигова «Я работаю в редакции» тянуло за собой книгу с таким же названием. Рукопись имела, но требовала доработки, а дома условий для завершения книги у автора не было. По просьбе тюменского издательства свердловская писательская организация «выбила» ему, не члену Союза, путевку в Дом творчества «Коктебель». Оттуда П. Кодочигов вернулся с окончательным вариантом, и Зоя Михеева с колес пустила книгу в набор.

Спустя годы П. Кодочигова приняли в члены Союза писателей в Свердловске. Прозаик остался верен этому городу до конца своей жизни.

С регулярным, ежегодным выходом «Сибирских просторов» надобность во «взрослых» коллективных сборниках отпала. Но на повестку дня вышло коллективное творчество для детей: «Челочка» (1957), «Ребята с нашего двора» (1958). Цикл аналогичных изданий также завершился созданием

детского альманаха «Сибирские звездочки», который компоновала и редактировала Зоя Михеева.

В то же время выпуск детских стихов вообще перестал быть проблемой. Он решался порой за минуты. Вот зашел в издательство Михаил Лецкин, поделился тем, что сегодня написал для дочки шутовское стихотворение «Мишкина шапка» и прочитал его. Всего 32 строки.

— Это книжка, — сказал я ему. — Вот листок. Запишите текст.

Он не поверил, но записал. А когда увидел цветные иллюстрации к стихотворению — обрадовался. Вскоре «Мишкина шапка» вышла тиражом 50 тысяч экземпляров. И нашла своего читателя.

Так же стремительно была проиллюстрирована и отпечатана «Снежная диковинка» Майи Сыровой (тираж 125 тыс. экз.; объем 53 строки).

Причем такие тиражи были не уникальны. Вот сказка Максима Аксеновича Михайлова, секретаря сельского райкома партии, «Как еж правду восстановил» (1960) вышла в количестве 125 тыс. экз. А тираж сказки «Дедко Мороз» (1960) этого же автора достиг 150 тыс. Книжки были многокрасочные и разлетались мгновенно.

Во втором номере «Сибирских просторов» появился интересный рассказ М. Михайлова «Колючий характер», который позже издали в карманном формате (1960). Была такая целая серия рассказов и очерков. Директор тюменского горсада Дмитрий Калмыков (отец нынешнего руководителя цирков России) издал в ней даже одноактную пьесу «В городском саду» (1959).

К концу 50-х гг. появились в Тюмени поэты, работающие на профессиональном уровне. Прежде всего журналист Михаил Лецкин и врач Яков Танин. К началу шестидесятых М.А. Лецкин успел выпустить два «взрослых» сборника: «Мы дети Октября» (1957) и «Ритм сердца» (1959). Не отставал от него и Я.Г. Танин, автор книг «Ровесники» (1959) и «Баллада о счастье» (1960).

У обоих авторов имелось и по книжке детских стихов. «Мишкина шапка» (1960) уже упоминалась, а о сказке «Как учился бурундук», сочиненной врачом, тоже надо сказать. Написана она была для дочери, семилетней Анюты, которая, «встав на ноги», создала свердловскую областную организацию «Мемориал» и десятки лет безупречно руководит ею. Речь идет об Анне Яковлевне Пастуховой.

О творчестве еще одного поэта надо сказать особо. Первые стихи его были опубликованы во втором и третьем номерах «Сибирских

просторов». Если вначале он себя именовал Иваном, то сегодня мы его знаем как Ювана. Разумеется, речь идет об Иване (Юване) Шесталове, первом современном поэте мансийского народа.

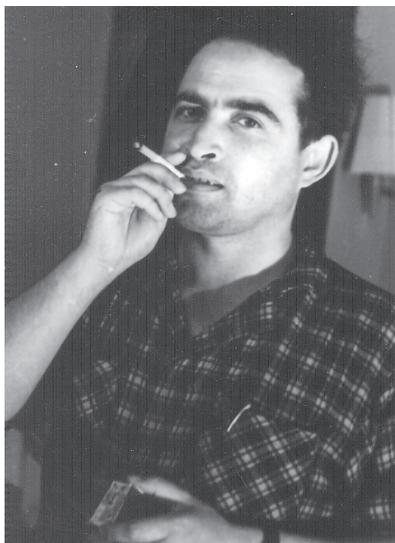
Однажды он принес нам толстую пачку переводов своих стихов на русский язык. Тех, кто лепил из подстрочников, было много — знаменитые и не очень, московские и питерские. Но всем стихам были присущи единая система образов, видение родного края, национальный дух. Угадывался большой поэт, не переводчиками «сделанный». Жизнь подтвердила это. В стихах и в прозе Юван Шесталов сумел сохранить себя. Переводчикам так и не удалось приклеить к его творчеству свои интонации.

В 1958 г. Юван Шесталов решил выпустить свои стихи на мансийском языке. Редактировал текст ленинградец А. Баландин, техническая часть издательского процесса досталась мне. Книга печаталась в Ханты-Мансийске. Трудолюбивого Лени Овечкина рядом не было. Пришлось даже отпечатанную в Свердловске обложку к книжке Ювана самому везти в типографию. Сборник назывался «Макем ат» — «Запах родины». Позже Ю. Шесталов переводил название как «Дыхание родины» и даже — «Аромат родины». Значительная часть двухтысячного тиража ушла по особому заказу в Венгрию. Шесталова там знали. Он бывал там до выхода книги, читал свои стихи на мансийском, и понимали его в Венгрии без переводчиков.

Последний раз видел я Ваню в 1988 г. в Доме творчества «Пицунда». Поэт грустно сообщил, что все его одноклассники давно умерли.

— Мы долго не живем, — подытожил он разговор, имея в виду свой народ.

Судьба, однако, подарила ему после этого еще около двух десятков лет творческой жизни.

Яков Танин

11.

Выход в Тюмени книги новосибирских критиков Б. Рясенцева и Н. Яновского откликнется тем, что в первых трех номерах «Сибирских просторов», как во всяком приличном литературном журнале, присутствовала серьезная местная литературная критика.

Разумеется, представляли ее в первую очередь преподаватели литературы местного пединститута. Л. Полонский анализировал творчество Ивана Истомина, а также раннюю лирику Петра Ершова, автора «Конька-Горбунка». Что было уже не критикой, а литературоведением.

П. Вепринский сделал фундаментальный обзор всего творчества Майи Сыровой. В том числе и ее рассказов, опубликованных в «Сибирских огнях» и послуживших неким анонсом двум ее сборникам прозы, изданным затем в Новосибирске.

В тюменской критике появились также имена молодых. Директор школы рабочей молодежи Константин Хелем в третьем номере альманаха опубликовал серьезное исследование «О наших поэтах (Письма другу)». Это был первый профессиональный разговор не только о русских, но и о национальных поэтах Тюменского края И. Юганпелике, Л. Лапцуге, Ю. Шесталове и И. Истомине.

Павел Петрович Бажов как-то сказал: «В нашей профессии ничто не пропадает». Не пропал и вклад тюменских издателей в развитие сибирской литературной критики.

12.

В ту пору провинциальным издателям разрешалось каждый год увеличивать свой план на 10 процентов. Не все этим пользовались. Некоторые директора рассуждали так: «Зачем увеличивать? Работы больше, а оклад тот же...».

Иван Шесталов

В Тюмени ни одной такой возможности не упускали. С ростом плана — при его выполнении, разумеется, добавлялись должности редакторов. А значит, появлялась возможность у издательства увеличить количество и объем книг в год. И т.д. по кругу...

Тюмиздат обычно старался быстро выпустить появившуюся на горизонте хорошую рукопись. Даже не дожидаясь утверждения ее главком в плане. Мы работали прибыльно, хотя из года в год нам планировали одни убытки. По окончании финансового года, несмотря на хорошую работу, у нас изымали и госдотацию, и полученную прибыль. Никаких премий не полагалось. Первое января каждого года издатели встречали с нулевым счетом в банке. Но в течение года работать было интересно.

Заметное финансовое облегчение мы почувствовали после прихода в наш коллектив бухгалтера Валентины Ивановны Мельниковой. Она быстро расчистила «завалы», созданные за несколько лет ее предшественником, слабо разбирающимся в издательском деле. Сразу оказалось «можно» то, что годами было «нельзя». И это позволило быстрее издавать хорошую литературу. А она подтягивала уровень работы местных писателей, создавала такие же профессиональные ориентиры в прозе, какие уже имела критика.

У свердловчанина Олега Фокича Корякова есть рассказ «Тайна притока Конды». Эта речка протекает в Ханты-Мансийском округе. Никто из нас и в глаза ее не видел. Один лишь поэт Яков Танин, работавший после института в селе Леуши Кондинского района, знал, что скрывается за этим топонимом. Поэтому название коряковского произведения заинтриговало издателей. С этого рассказа возник интерес к таежно-геологическому творчеству О. Корякова. И как результат — изданная в Тюмени книга «Начальник квадрата 15-85» (1960).

Военной тематики у нас всегда не хватало. Майор Лобзин с его немногими и очень короткими рассказами был единственным писателем, работавшим в этом направлении. А расширять круг авторов, пишущих о войне, требовал Главиздат. Вот мы и отыскиали пишущего ветерана, сапера-мостостроителя, потерявшего правую руку на полях Великой Отечественной. Результатом сотрудничества с Дмитрием Скурлаевым стала повесть «Подвиг» (1960), посвященная труду фронтовых мостостроителей.

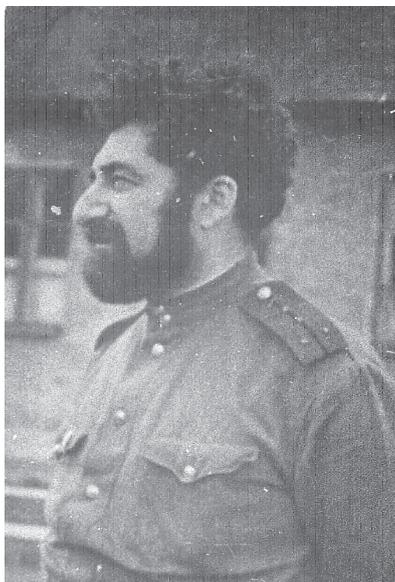
Иной облик войны увидели издатели в пронзительном рассказе уже знакомого нам свердловчанина Юрия Хазановича «Человек

№ 10920» (1958). Этот рассказ притянул в издательство еще одну тематически необходимую и отлично написанную книгу. Из-за занятости в это время редакторов их работу над новым сборником Юрия Хазановича взялся выполнить редактор «Тюменской правды» Алексей Алексеевич Нежданов. Он же был не только неизменным соредактором альманаха «Сибирские просторы», союзником издательства во многих организационных делах, но и нашим автором: выпустил обстоятельный журналистский очерк «Счастье пришло в село Чуртан» (1958).

В Тюмень ленинградца А. Нежданова забросила военная эвакуация. А вернуться после войны в Питер Нежданов не мог. У него осталось одно легкое, и сырой климат города на Неве врачи не рекомендовали. Мягкий, добрый, прекрасно образованный человек, увлеченный книголюб, он руководил газетой самыми интеллигентными методами, какие довелось мне увидеть в жизни. Издание при нем было очень интересным. А абсолютную человеческую порядочность А. Нежданова не раз испытывал я на себе.

Авторами тюмиздата того времени также были и другие журналисты «Тюменской правды»: Евгений Ананьев, Ольга Крицкая, Любовь Карабанова, Павел Кодочигов, Вениамин Никольский, Анатолий Туринцев, Станислав Мальцев, Владимир Яковлев, Елена Леонидова, Павел Анисимов, фотокор Аркадий Космаков.

Работало при издательстве литературное объединение, которым руководил С. Мальцев. Дружеские отношения, сложившиеся в то время, сохранялись долгие года. В Пензу приезжали ко мне погостить Евгений Ананьев и Павел Кодочигов. Дружили мы до конца их жизни. В Свердловске у меня бывали Михаил Лецкин, Георгий Баб-

*Евгений Ананьев
на армейских сборах*

кин и Людмила Славолюбова, талантливейшая тюменская очеркистка. Яков Танин переезжал за мной из Тюмени в Пензу, а оттуда — в Свердловск.

13

Бурное становление издательства в те годы объяснялось двумя главными факторами. Первым, понятно, был общий всплеск культурной жизни страны после XX съезда партии. Этот период вошел в историю под названием «оттепель». Запросто становилось возможным то, что прежде было категорически запретным.

Вторым фактором была личность нового директора издательства. Василий Иванович Еловских закончил журналистское отделение Высшей партшколы в Москве. По многим предметам у него и у его редакторов-москвичей были одни и те же учителя. На многое мы смотрели одинаковым взглядом. Азбучные истины не нужно было разжевывать и доказывать друг другу. Все вместе взятое сказывалось на отборе рукописей и скорости их редакционной подготовки.

Например, П.М. Горбунова при утверждении в ЦК партии запугали поэтическими книжками: мол, в прозе-то вы разберетесь, а на стихах многие директора горят... Поэтому при первом директоре в тюмиздате не вышел ни один сборник «взрослой» поэзии, только книжки для детей! При В. Еловских ситуация коренным образом изменилась. И споры шли уже не вокруг тематики книг, а лишь отдельных строчек. Что вполне естественно.

Как прозаик Еловских начал печататься еще до войны. В 1940 г. его рассказ напечатал «Уральский современник». Автор тогда работал токарем в Первоуральске. Напряженно писал он и в годы «оттепели», издавал детские рассказы («Первая рыбалка» (1956), «Вместе с ребятами» (1957), «На поиски Вали Лосевой» (1958). А также рассказы на бытовую и военную тематику. Характерно начало автобиографического рассказа «Рядовой Воробьев», который дал название целому сборнику (1959): «Весной 1945 года я служил командиром взвода в оперативной роте по борьбе с бандитизмом...».

Речь шла о Литве и знаменитых «лесных братьях». Хотя тогда этого словосочетания еще не существовало. Последний сборник Василия Еловских, который довелось мне редактировать, назывался «Нина». Перечитывать эти рассказы мне и сейчас интересно.

И еще об одном редакторе надо рассказать.

Евгения Федоровна Данилина, офицерская жена, по диплому — учительница, пришла в издательство корректором. И, как прежде Яблокова, стала делать корректорские замечания на уровне редакторских. Ей также доверили редактирование научных трудов сотрудников пединститута. Так сказать, лакмусовую бумажку... Справилась с задачей она блестяще. И скоро стала штатным редактором.

А когда я уезжал в Пензу, Женя Данилина попросила:

— Помогите мне вернуться домой. Я ведь в Пензе родилась, там литфак пединститута закончила. Сюда меня забросила служба мужа-военного... Его только что демобилизовали по «хрущевскому» сокращению армии...

Такую просьбу грех было не выполнить. Через год Е. Данилина работала редактором в Пензенском книжном издательстве. А еще через восемь лет — защитила в Москве кандидатскую диссертацию по лингвистике и получила направление в университет Нижнего Новгорода.

14.

И, наконец, о «генеральном курсе», который был определен осенью 1956 г. заместителем начальника Главиздата.

Собственно, почти все, что делалось в издательстве, происходило с оглядкой на него. Внутри коллектива помех не было. Они шли извне — от некоторых газетчиков да от одного из цензоров. Делиться с ними издательским напутствием, которое я услышал в кабинете заместителя начальника Главиздата, не было смысла. Их мучили какие-то сугубо личные заморочки. Неизменная поддержка Главиздата нивелировала многие действия «доброжелателей». Поэтому в совместной работе с авторами нам практически все удавалось.

Магистральную линию в этом деле определял альманах. Когда пошли ежегодные выпуски, писательская организация замаячила на горизонте. Переехал в Тюмень Иван Истомина. Был принят в Союз писателей М. Лесной. М. Сырову рекомендовали в творческий союз С. Залыгин, Н. Почивалин и Е. Стюарт. Разумеется, с подачи издательства. Застенчивая Майя Алексеевна никогда не попросила бы рекомендацию. Уже гадали — кто следующий?

И вот с корректурой первого альманаха летом 1957 г. решил пробиться я к Леониду Соболеву, только что возглавившему Союз писателей России.

В ту пору Главиздат позволял нам одно выгодное переиздание в год. Так сказать, «для поддержания штанов». Не помню уж, что нам предложили на 1958 г., но я попросил:

— Дайте нам лучше Соболева!

— Что именно?

Я у него читал только «Морскую душу». Еще в войну, мальчишкой.

Ее и назвал. Других книг не знал.

Зачеркнули в плане одну позицию, поставили другую. А объем не исправили.

С тем и приехал к Л. Соболеву. И с корректурой альманаха. Леонид Сергеевич Соболев и Сергей Венедиктович Сартаков, его заместитель, ютились в то время под лестницей в Союзе писателей СССР. Своего помещения республиканский Союз еще не получил. А под лестницей было тесно даже для двух столов и четырех стульев. И Соболев был не в официальном костюме, а в рабочем комбинезоне с широким карманом на груди.

Сообщению о переиздании он откровенно обрадовался. Но тут же спросил:

— В каком объеме переиздание?

— Двенадцать листов.

— Позвольте! — возмущенно произнес он: — У меня целых двадцать пять!

— Я читал в войну вашу книгу. Там было примерно двенадцать.

— Это было первое издание. Я дописывал книгу несколько лет. У меня там концепция...

Попадают же иногда издатели в такую передрыгю. Ну, да авось Главиздат выручит? Подкидывает же он нам каждый год сверхпла-

«При моей жизни не печатать...»

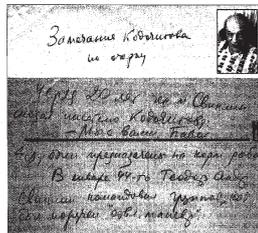
Исай ДАВЫДОВ

ОТ РЕДАКЦИИ.
У этого очерка уральского журналиста Исай Давыдова необычная судьба: он был написан двадцать лет назад. Почтовая этикетка, главный герой — писатель-фронтовик Павел КЮДОЧИГОВ — помет с правкой, после чего он сказал: — Пона я жва, ты этого не печтай. СМОЛОДУ не любил он шума вокруг своего имени и никогда не объяснил неоявляющихся поворотов своей судьбы.

20 января 2008 года Павел Ефимович скончался, одиноко и после этого очерка так и остался лежать в писательском столе... И только теперь, наконец, дождался своего часа*.

Фронтовой путь

...У этой боевой операции было две цели — главная и, если угодно — дополнительная.

Правку в текст Колодичов давал, русик автора этой статьи. Самому писать было очень трудно, так как два пальца правой руки он оставил под Новгородом — поэтому всегда печатал сразу на машинке.

— Мы с вами, Павел Ефимович, были в общедо-предназначении кормить рыб. То есть догадывалось, что на льду озера воех и перестре-

Как рождалась книга

Через четверть века после Победы, обосновавшись в Свердловске, узнал Павел Ефимович, что по его родному Вологодскому фронту «проходили» 850 уральских дивачей-добровольцев.

Мало кто из них вернулся. И никто еще про них не писал.

Потрясенный Кюдо-чиг, заглянув в историю этих комсомолов, обнаружил, что в том же 1942-м была переброшена в осажденный Ленинград около трех тысяч добровольцев-уральцев. Правда, приподняли они не по Волховскому, а по Ленинградскому фронту и служили не только на Дороте линии, но и на Балтийском, в ПВО, в сапках, в артиллерии, в Кронштадте и на островах, пригрозившие фашистскому флоту вод-

в Финский залив. Живыми с тех островов так и возвратились немногие.

А после освобождения Ленинградского фронта уральцы еще и разминировали его.

**Очерк Исай Давыдова
о писателе-фронтовике Павле Кюдоцигове**

Областная газета. 2014. 16 апр.

новый вагон бумаги... За счет тех издательств, которые планы не выполняют. Это без просьб... А если попросить?..

— Хорошо, Леонид Сергеевич! Издадим все двадцать пять. Но гонорар вы получите не сразу. Его придется растянуть на четыре квартала. Иначе все наши авторы останутся без денег. Выдачу гонорара нам жестко лимитируют.

— Это как вам удобно! — Соболев широко раскинул руки. — Важно не искалечить книгу!

Забегая вперед, скажу о редкой удаче издательства, которому даже не пришлось выпрашивать дополнительной главизда-товской бумаги. Когда готовили к сдаче в набор «Морскую душу», увидел, что в типографии печатают бланки «историй болезни» для медицинских учреждений на газетной бумаге. Понятно, что жизнь такого документа два с половиной дня. Я попросил остановить печать и кинулся к телефону.

— Мы все понимаем, — объяснили в облздраве. — Но негде нам взять плотную бумагу. Печатаем на том, что есть.

— Издательство может вам дать взамен газетной плотную обложечную бледно-голубую бумагу, — предложил я. — Мы получаем ее без лимита — сколько понадобится.

— Вы просто спасете нас! — обрадовались в облздраве. — Век будем вас благодарить!

Обмен произошел в тот же день. И увеличенная против планового объема «Морская душа» была отпечатана на газетной бумаге. Правда, книга вышла в хорошем переплете. Некоторые полиграфисты упрекали меня за это и пророчили недолгую жизнь книге. Но вот держу я ее сейчас в руках, целенькую, с пожелтевшей, понятно, бумагой, но вполне пригодную к длительному еще пользованию. Больше полувек-ка прошло. А она и еще столько же проживет...

Павел Кодочигов

Попутно вспоминается еще один яркий эпизод, связанный с до-
быванием сверхплановой бумаги.

Переплетный цех в Тюмени был маломощный, постоянно задер-
живал выпуск книг, и поэтому все, что возможно, издатели вынуж-
денно выпускали в мягкой обложке.

А картона для переплетов нам присылали больше, чем цех мог
переварить. Наши просьбы об уменьшении поставок игнорировались.
Излишний переплетный материал упорно приходил, и деньги за него
снимались со счета издательства автоматически. Громадные стопы
картона годами копились на типографском складе и всем мешали.
Полиграфисты требовали его убрать. На складе и без картона было
тесно.

Как-то в Москве при согласовании плана В. Еловских выяснил,
что омскому издательству для производства книг в «твердом» пере-
плете материалов не хватает. Договорился с директором Слинки-
ным о том, что тот приедет в Тюмень, осмотрит наши залежи и не
просто заберет картон, а заменит его типографской бумагой со свое-
го склада. Вес на вес.

И вот Слинкин в Тюмени.

Завершив дела, два директора подписывают в издательстве не-
обходимые бумаги и начинают прощальную беседу. Я сажу рядыш-
ком и слушаю.

— У вас старое издательство, — говорит Еловских. — И вы —
давно директор. А мы — молодые, опыта у нас мало. И директор я без
году неделя... Для нас узкое место — авторский актив. Свои литера-
торы растут очень медленно. Всюду приходится искать рукописи...
Как вы работаете с авторами? Откуда их берете?

И старый директор Слинкин отвечает:

— Прежде всего каждого автора я рассматриваю как потенциа-
льного жулика. Я знаю, что он хочет меня обмануть, и должен не допу-
стить этого. Потому что стою на страже интересов государства. Луч-
ше всего, если мне самому удастся обмануть автора. Государство от
этого только выиграет. Вы ведь сами, наверно, знаете, как охотно
литераторы берут авансы и как тянут со сдачей рукописи...

Слушаю и вспоминаю, что из Омска уехали Залыгин, Почива-
лин, талантливый поэт Андрей Лядов. А еще раньше уехал знаме-
нитый теперь Леонид Мартынов... Наверное, там могла бы сло-
житься сильная писательская организация. Но нет никакой. Даже

на подходе... Один Феоктист Березовский синее в туманном прошлом. Наверняка еще до Слинкина начал сочинять. Я о нем до войны слышал...

Видно, писателям не нравится, когда их считают потенциальными жуликами. Что ж, бывает и такой опыт.

* * *

Однако вернемся к Леониду Соболеву...

Корректуру тюменского альманаха Соболев и Сартаков разглядывали с интересом.

— Не ожидали, — признался Соболев. — Тюмень у нас пока — белое пятно.

Он позвонил по телефону, пригласил Николая Евдокимова и передал корректуру ему с напутствием:

— Поработайте с сибиряком. Чем сможем — поможем.

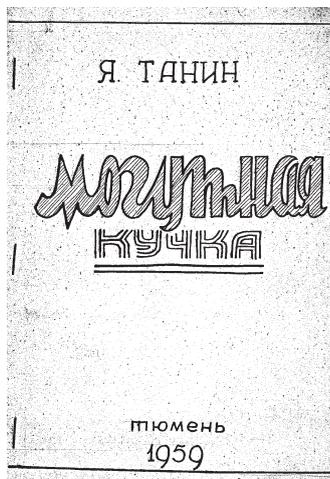
Евдокимов увел меня в помещение более просторное, чем у его начальства, на несколько человек, усадил и заметил:

— Вы не похожи на коренного сибиряка.

— А я москвич.

Посмеялись, и пошел серьезный разговор.

— Ну, чем мы сейчас можем вам помочь? — сам себя спросил Николай Семенович. — Совещание молодых можем провести... Прорецензировать рукописи... Своего издательства у нас пока нет. А будет ли?... А если будет — прежде всего туда рванутся толпы москвичей. Рассчитывайте лучше на свои

силы. Создавайте свой литературный центр! Мы можем помочь, прежде всего тем, что не будем мешать.

Первое после этого разговора совещание молодых писателей в Тюмени удалось наметить лишь на февраль 1960 г.

Официально оно считалось вторым. А первым считался узкий разговор с начинающими трех приехавших в Тюмень членов Союза писателей: киевского прозаика Николая Строковского, питерского поэта Леонида Хаустова и московского критика Валерия Дементьева. Было это в конце зимы 1953 г. Книг было еще мало, приезжие удивились тому, что сделаны они грамотно, и не столько ругали, сколько хвалили. Реальных следов их визита не осталось.

Питер М. Аещин
Зависшим
не только тем,
что он — пиит,
но тем,
что в час когда он слыит
"Ритм сердце"
в струны дери влит.

Второе совещание намечалось с размахом — на базе двух вышедших номеров альманаха и коллективных сборников. И даже проходило оно в зале пленумов обкома партии, который взял подготовку в свои руки, отодвинув от этого дела издателей.

Приехать должны были из Свердловска прозаик Ольга Ивановна Маркова и поэт Леонид Григорьевич Шкавро. А из Москвы — поэт и драматург Марк Андреевич Соболев. Он прибыл накануне вечером и пришел в издательство со словами:

— У вас не топлено в гостинице, собачий холод на дворе.

Через много лет наткнулся на этот возглас, повторенный почти дословно, в одном из стихотворений М. Соболя.

Столичный гость сразу же приметил в углу редакторской комнаты объе-

Воспел миллионно
С. Малашев,
сектантов висек он семью...
Какую же
висосет из пальца
Еще
дождную статью?

Сидит Г. Блякин
как в раю,
в свете
и бархатном кресле
как порочный
прозник
глядит в бинокль
на
„бред пра Заек“

Я Танин
в кожных несчастен.
Не зря ж
все люди говорят,
что доблест
робесник Танин,
и черт ельч —
почти что брат!

Но, впрочем,
Танин не горюет:
не так он страшен,
как маляют!

Шесть страниц из рукописной
книги, подготовленной
Я. Таниным в подарок Исаю
Давыдову. Хранится в домаш-
нем архиве мемуариста

мистую черную голландскую печь, блаженно прижался к ней спиной и начал выяснять обстоятельства завтрашнего мероприятия.

Не успел разгореться непринужденный разговор, как в комнату буквально ворвался худенький остроносый невысокий человечек в сером костюме и сам вроде бы весь серый, протянул руки к московскому гостю и закричал:

— Марк Андреич! Дорогой! Наконец-то я вас вижу! Как я рад! Вы даже представить не можете!

Веселые светлые глаза Соболя вдруг потемнели, сощурились, стали напряженными, холодными и чужими. Поэт буквально отшатнулся от протянутых к нему рук и даже спину от печки оторвал.

— Простите, — как-то нарочито замедленно произнес Соболев. — Вы не обознались? Я впервые вас вижу.

— Как же впервые? — завопил пришедший. — Мы же с вами вместе служили! Неужели я настолько изменился?

— Время нас, конечно, меняет, — неторопливо согласился Марк Андреевич и недобро усмехнулся: — На фронте у меня еще была шевелюра, — он провел рукой по блестящей в вечернем свете голове, — а теперь, как видите, лысина. Все-таки пятнадцать лет после войны отмотали... Но вас я решительно не могу припомнить. Никак не могу! Вы уж извините...

Серый человек схватился за голову и так же стремительно вылетел из комнаты, как и появился в ней.

В воздухе повисло неловкое молчание. Нарушил его Соболев:

— Кем работает у вас этот тип?

Собственно, выразился он крепче, определеннее.

Все сразу заулыбались.

— Начальником цензуры, — объяснил я. — Он впервые за все годы заглянул в книжное издательство. Хотя двери рядом.

— Боже, как вам не повезло! — Соболев даже руки к груди прижал. — Это же надо, как вам не повезло! Я его, конечно, сразу узнал. Он был редактором нашей армейской газеты. Уже после войны. Он самоотверженно тиранил корреспондентов. Все его ненавидели. У каждого из нас он отнял несколько лет жизни. И, если я умру раньше срока, в этом будет и его вина. Как вам не повезло!

— Вы были военным корреспондентом? — удивился рентгенолог Яков Гаврилович Танин, которому наутро предстояло обсуждаться в качестве молодого поэта.

— Только в конце войны, — уточнил Соболев. — А вообще всю ее отмотал я сапером. Но стихи в конце концов ввели меня в журналистику... И как вы все ходите под этим?..

Соболев кивнул на дверь.

— Трудно ходим, — признался я. — Оборонных секретов у нас нет, придрататься не к чему. Так он калечит стиль книг. В зависимости от гонорара автора.

— Как это? — удивился Соболев. — Ну-ка, подробнее!

— Идет корректура сборника рассказов. Цензор спрашивает нашего директора: «Сколько получит?» — «Двенадцать авторских листов, — отвечает директор. — По полторы тысячи за лист, ставка молодых». — «Восемнадцать тысяч! — ахает цензор. — Тогда у нас вот такие претензии». И все они свелись к стилю книги, а она уже набрана...

— И вы ее искалечили?

— Пришлось. С цензурой не спорят.

— А как автор?

— Смирился. Цензуру, как и родину — не выбирают. Куда деваться?

— Вот и нам некуда было от него деваться. — Соболев вздохнул: — Армейская дисциплина!

— Не вышла встреча однополчан, — заметил Яков Танин. — Не хотел бы я, чтобы такое случилось со мной.

Он воевал в пехоте под Старой Руссой и на Балканах, не раз был ранен.

— Да и я не о такой встрече мечтал, — признался Соболев. — Саперы моего отделения стали мне родными. Корреспонденты нашей газеты — друзья до сих пор. А тут...

И он махнул рукой.

Так начиналось это совещание молодых.

Проходило оно, как я уже писал, в зале пленумов обкома партии. Поначалу издатели этому обрадовались. С подходящими помещениями в Тюмени было трудно. Но, к сожалению, само помещение продиктовало стиль мероприятия. Командовали на нем не писатели, не издатели, а хозяева помещения. И открылось это совещание молодых писателей как обычный пленум парторганизации. И так же прошло.

Зал примерно на 300 мест был заполнен отнюдь не по писательским приглашениям. Литераторов там была горстка.

В моду входил «хрущевский» стиль: перебивать выступающего с трибуны и тут же учинять ему разнос. В полной мере это проявилось и в Тюмени. О литературе почти не говорили. Господствовали нелитературные темы. Сводились нелитературные счета.

И после этого сама работа секций прозы и поэзии в казенных стенах не дала зримых результатов. Ничего не было рекомендовано в журналы или к изданию. Хотя вели секции заведующий отделом поэзии «Урала» Леонид Шкавро и член редколлегии этого же журнала Ольга Маркова. Никто не был рекомендован в Союз писателей. Никаких результатов...

Похоже, аудитории и коридоры власти — не самое удобное место для литературных разговоров. Они требуют свободы, раскованности, полной терпимости к инакомыслию, без коего литература невозможна.

В этом деле, как выяснилось, и стены должны помогать.

Это совещание молодых стало последним мероприятием в Тюмени, в коем я принимал участие как редактор книжного издательства.

От издателя:

Воспоминания были написаны автором фантастического романа «Я вернусь через тысячу лет» Исаем Давыдовым (псевдоним) по заказу альманаха. Однако окончательный вариант не устроил меня. Заметки редактора не давали четкого представления читателю о времени пребывания Д.И. Шейнберга в Тюмени в качестве сотрудника местного издательства. Давид Исаакович не стал вносить какие-либо изменения в окончательный вариант своего текста. Но вместе с подписанной к печати корректурой прислал письмо с уточнением: «Рамки моей работы, вообще-то, в тексте обозначены — весна 1952 г. — зима 1960 г. Но это, конечно, надо доискиваться... События происходили так.

После смерти Сталина было создано управление культуры. Его возглавил Прохор Кузьмич Худолеев, бывший зам. зав. отделом пропаганды обкома. Это был деятель с внешностью итальянского тенора и с итальянским пристрастием к интригам. Это сказалось и на издательстве.

Худолеев не поладил с начальником Полиграфиздата Алексеем Михайловичем Поляковым и выпер его на пенсию. Хотя Поляков и проработал много лет полиграфистом, был покладистым и порядочным человеком. К тому же — участник Гражданской войны.

На место Полякова Худолеев перевел Горбунова, против его воли. Горбунов не хотел уходить из издательства. Здесь был главный его интерес — роман.

Горбунов оставил в издательстве меня и.о. директора. Мне это тоже было ни к чему. Галя Павлова еще с института была моей женой. Сами понимаете...

Когда Худолееву доложили, что мы женаты, он перевел меня на областное радио — зам. началь-

ника. Я сейчас же вытащил из типографии в издательство Яблокову. Это было где-то в ноябре—декабре 1953 г.

В марте 1954 г., как обычно, прошли сокращения, и мою сугубо административную должность сократили. Горбунов хотел вернуть меня в издательство, но для этого нужно было уволить Яблокову, я отказался. Мне предложили четыре места на выбор — одно на радио и три — в “Тюменской правде”. Ни одно меня не устроило. Тем более что с двух мест надо было куда-то передвигать других работников.

Галя радовалась: “Мы свободны, можем вернуться домой!” Дома ждала большая дача ее папы — полковника Генштаба. Мы строили ее все вместе.

В апреле 1954-го мы вернулись в Москву.

А это вернуло Горбунова в издательство. Другого варианта там уже не было.

Вдогонку Горбунов послал нам на редактирование рукопись Хазановича. На папиной даче мы ее и редактировали.

А Горбунов снова стал искать в Москве редакторов. Так появилась Кира Ткаченко. Позже вернулся в Тюмень из Высшей партшколы Еловских. У него уже значилось литературное прошлое. Обком решил посадить его на издательство, а Горбунова как давнего полиграфиста сдвинуть на типографию.

Тем временем, отсидев лето на папиной даче, я решил осуществить давнюю свою мечту — стать где-нибудь собкором. Общение с другими собкорами убеждало в том, что это вольная журналистская служба.

В ЦК ВЛКСМ предложили на выбор четыре собкоровских места в Центральной России. Галя выбрала Камышин. Когда-то там

служил папа. И она с ним. Туда я приехал собкором областной комсомольской газеты. Часто бывал в Сталинграде. Полгода райской работы.

Но Галя туда уже не поехала — побоялась вторично расстаться с Москвой. В Москве начались сложности с пропиской. Из-за этого мы поссорились.

Когда по всей стране комсомольских собкоров ликвидировали, я попал в городскую камышинскую газету. К тому времени Михаил Роцин и его жена уже были моими близкими друзьями. И сама газета стала домом родным. Больше полугода в ней берегли место для Гали. Но, увы...

Дальше все по тексту.»

От издателя:

Последняя фраза письма была для меня практически разрешением на публикацию уточняющей версии автора заметок редактора рядом с основным текстом.

Наталья Харина

В память об учителе

Осенью 2012 г. заболел тяжелой и неизлечимой болезнью мой научный руководитель и очень хороший человек Николай Леонидович Коньков.

Я приезжала к нему из Ханты-Мансийска в Тобольск почти каждые выходные. Болезнь его прогрессировала и не оставляла шанса, но Николай Леонидович продолжал работать с набранными им материалами.

Однажды в моем присутствии он перебрал свои рукописи и часть из них отложил в цветной пакет. В тот день, когда я возвращалась домой, он отдал мне этот ценный груз и попросил по возможности привести содержимое пакета в порядок.

Там оказалось около 20 рукописей историка.

При удобном случае я спросила у Николая Леонидовича: «Мо-

жет, попытаться их опубликовать?» Он лишь кивнул головой.

18 ноября Николая Леонидовича не стало.

Все материалы набирались с его рукописей слово в слово. Иногда это было очень трудно. К сожалению, нельзя было что-то уточнить у автора, поэтому появившиеся в первом номере альманаха «Большое городище» материалы из наследия покойного выглядят несколько скромнее прижизненных публикаций Н.Л. Конькова. Просто большинство биографий своих земляков Николай Леонидович не успел завершить.

Хотелось бы поблагодарить Николая Леонидовича за то, что он для меня сделал. Без его помощи моя диссертация бы не случилась. Очень жаль, что такие люди, как он, рано уходят от нас...

Александр Гаврилович Худяков

Родился Александр Гаврилович Худяков в городе Тобольске, в семье мещанина, предки которого, «соблазненные выгодами торговых операций», перебрались из Великого Устюга¹.

Возможно, предком тобольского рода Худяковых был великоустюжский торговец Гаврило Богданов Худяков, упоминающийся в «Таможенных книгах Великого Устюга за 1633 (сентября 2) — 1634 (10 августа) г.»: «...сентября в 18 [день 1633 года] ...того же дни Козьма Богданов сын Худяков... прислал к нему от города [Архангельского] брат его Гаврило на Кирилове судне воску 4 пуда, цена воску 28 рублей, да укладу 16 пудов, цена 16 рублей...

Октября в 14 день Устюжанин Гаврило Богданов сын Худяков да

Федор Безсонов пришли с Колмогор в каюке ярьжных 6 человек, явил товару: соли 500 пуд, трески 750 рыб, 2 бочки сала трескового да бочка сала ворвань, палтосу сухово 4 пуд, цена всему 85 руб...»².

Его дед в Тобольске «построил себе большой дом, один из первых каменных частных сооружений в сибирской столице, а напротив дома — каменную церковь во имя архангела Михаила». После его смерти опекуны растащили все наследство и малолетний «Гаврило Алексеев Худяков» был приписан к податному сословию. В будущем он занимался вставкой оконных рам³.

6 февраля 1810 г. Г.А. Худяков женится на девице из мещан Анастасии Андреевне Казаковой (по-

¹ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский; Адрианов А.В. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб., 1911. С. 9. — Подпись: А-в; Виленская Э.С. Худяков. М., 1969. С. 24.

² Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 66, 80.

³ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский; Адрианов А.В. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб., 1911. С. 9. — Подпись: А-в

ручителями при венчании были тобольский купец Петр Орлов и мещанин Василий Бронников)⁴.

Точная дата рождения Александра Гавриловича Худякова до настоящего времени оставалась неизвестной. Некоторые исследователи относили ее к 1811 г. Архивные же источники вносили путаницу.

Согласно ревизским сказкам за 1816 и 1832 гг. дата рождения приходилась на 1812 г.:

«Гаврило Алексеев Худяков — 32 года

Гаврила Алексеева сыновья
Александр — 4 года

Петр — вновь рожденный — 5 недель»⁵.

В формулярном списке за 1852 г. возраст А.Г. Худякова указан — 41 год, а за 1854 г. — 43 года, что свидетельствует о дате рождения в 1811 г.⁶

Школьная документация А.Г. Худякова позволяла отнести время его рождения к 1810 г. В «Именном списке чиновников и учителей ишимских училищ за 1847 год» отмечалось, что

А.Г. Худякову на тот момент было 37 лет, а в 1848 г. — 48 лет⁷.

Последняя дата рождения — 1810 г. — подтверждается сведениями метрических книг. В «Тетради метрической, учиненной Градо-Тобольской Богородице-Рождественской церкви священно- и церковнослужителям на записку того прихода рождающихся, бракосочетавшихся и умерших с показанием, кем именно из священнослужителей каждая треба исправляема будет сего 1810-го года» записан под 19 ноября новорожденный «мещанина Гавриила Алексеева Худякова сын Александр (крещен 21 ноября, восприемниками были купец Михаило Орлов и мещанин Андрей Казаков)»⁸.

Учился А.Г. Худяков в Тобольской гимназии, после успешного окончания которой ему предложили продолжить образование «за казенный кошт» в Казанском университете. К сожалению, А.Г. Худякову пришлось отказаться. Он был утвержден в звании учителя с исключением из податного сословия (30 сентября 1829 г.) и «вынужден

⁴ ГБУТО ГА в Тобольске (далее — ГАТоб.). Ф. 156. Оп. 15. Д. 352. Л. 159.

⁵ ГАТоб. Ф. 154. Оп. 8. Д. 346. Л. 93 об.

⁶ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 134. Л. 132 об.; Д. 145. Л. 6 об.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 121. Л. 43 об. — 44; Д. 122. Л. 47 об. — 48; Савченкова Т.П. Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 5. Ишим. 2003. С. 43–46.

⁸ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 15. Д. 352. Л. 158 об.; Д. 383. Л. 155 об.

был для поддержки семьи тянуть лямку учителя приходского, а потом уездного училища»⁹.

А.Г. Худяков отличался добропорядочностью и исполнительностью, он основательно готовился к занятиям, учился профессиональному мастерству. В педагогической деятельности А.Г. Худякова можно выделить несколько этапов.

В первый (1829–1831 гг.) он, как свидетельствует формулярный список, дважды переменял место службы. Первоначально он был определен в должность учителя Тюменского Знаменского приходского училища, затем перемещен в Тобольское Богоявленское приходское училище (1 декабря 1829 г.), где он прослужил еще два года.

1 марта 1831 г. А.Г. Худяков был назначен учителем 1-го и подготовительного классов в Курганском уездном училище. Спустя какое-то время он «исправлял должность черчения и рисования учителя с 1 марта 1834 по 14 декабря 1835 года без жалованья». 14 декабря 1835 г. переведен в Тюменское уездное училище на

первый класс до 13 февраля 1837 г., откуда вернулся в Курган и прослужил там до 1842 г.¹⁰.

Таким образом, курганский период его деятельности составляет около одиннадцати лет.

В Кургане А.Г. Худяков познакомился с декабристами. «Они выучили его французскому языку и много развили его понятие», — вспоминал позднее его сын И.А. Худяков, революционер-шестидесятник, этнограф и фольклорист¹¹.

Нельзя отрицать того факта, что декабристы оказали помощь А.Г. Худякову, как переводчику. Благодаря этому он закончил перевод сочинения французского публициста и общественного деятеля барона Ж.-М. Дежерандо «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах», где пропагандировался ланкастерский метод обучения¹².

Приведем фрагмент письма Михаила Александровича Нази-

⁹ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский; Адрианов А.В. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб., 1911. С. 9. — Подпись: А-в; Виленская Э.С. Худяков. М., 1969. С. 24.

¹⁰ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 134. Л. 132 об. — 133 об.; Д. 145. Л. 7 об. — 8 об.

¹¹ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский.

¹² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 19. СПб., 1893. С. 278–279. — Барон Жозеф-Мария Дежерандо (1772–1842 гг.) —

мова к Ивану Федоровичу Фохту в Курган от 7 апреля 1838 г.: «Александра Гавриловича попроси уведомить меня об успехах его перевода. Я слышал, что министр был очень доволен трудом его и приказал печатать за казенный счет в пользу переводчика. Радуюсь душевно успеху доброго старательного этого юноши»¹³.

В письме к Александру Федоровичу Бриггену от 21 декабря 1840 г. М.А. Назимов благодарил А.Г. Худякова: «Сделайте одолжение — поклонитесь от меня также всем общим нашим курганским знакомым, в особенности Александру Гавриловичу, которого очень благодарю за присланный экземпляр его перевода и которому желаю дальнейших успехов в полезных его трудах»¹⁴.

Правда, О.В. Попову как переводчик труда французского обще-

ственного деятеля и публициста А.Г. Худяков не был известен. Об этом он отметил в своем комментарии к приведенному фрагменту письма: «О каком переводе идет речь, к сожалению, установить не удалось»¹⁵.

Книга была издана в 1838 г. в Петербурге. Возможно, с переводом и изданием книги связано награждение А.Г. Худякова 15 января 1837 г. «из процентов капитала для гражданских чиновников по учебной части 200 рублей ассигнациями за усердную службу» и благодарности от 24 февраля 1839 г. «за усердную службу» министром народного просвещения С.С. Уваровым¹⁶.

И.А. Худяков в своих воспоминаниях писал, что отец под влиянием декабристов перевел сочинение Дежердано о воспитании и отправил его министру народно-

французский публицист и общественный деятель, проповедовал введение во Франции ланкастерской системы обучения, создал ряд трудов, в частности, «Жизнь человеческая, рассматриваемая как великое и беспрерывное воспитание», «О нравственном усовершенствовании человека во всех возрастах» и др.

¹³ Назимов М.А. Письма, статьи. Иркутск, 1985. С. 62. — Декабрист М.А. Назимов (19 мая 1801 — 9 августа 1888 г.) находился в сибирской ссылке с 1826 по 1837 г. При этом с августа 1830 по август 1837 г. проживал в городе Кургане. Здесь он познакомился с учителем местного училища А.Г. Худяковым.

¹⁴ Там же. С. 66.

¹⁵ Белобородов В.К. Декабристы и сибирские учителя // Югра. 1993. № 1. С. 35; Савченкова Т.П. Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 5. Ишим. 2003. С. 43–46.

¹⁶ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 134. Л. 134 об.; Д. 145. Л. 8 об. — 9 об.

го просвещения С.С. Уварову. За это ему заплатили тысячу рублей ассигнациями (300 рублей серебром)¹⁷. На самом деле И.А. Худяков ошибся в размере денежного вознаграждения отца.

В городе Кургане А.Г. Худяков женился на одной из своих учениц из бедной семьи — Татьяне Александровне Андриюковой. 1 января 1842 г. у них родился сын Иван, который станет революционером-шестидесятником и ученым-фольклористом¹⁸.

29 октября 1842 г. А.Г. Худяков был определен штатным смотрителем ишимских училищ с жалованьем в 628 руб. 77¹/₄ коп. (включая пенсию в 285 руб. 92 коп. и разъездные 57 руб. 14¹/₄ коп.) и казенной квартирой. Начался новый этап в его деятельности.

В Ишиме было два училища: уездное и приходское. Под управлением штатного смотрителя, кроме законоучителя, находились еще 4 преподавателя. Учащихся числилось от 50 до 70 человек. Так, в 1840/41 учебный год числилось 75 человек: «духовного, благородного и купеческого звания — 29, мещанского — 26, крестьянского — 13, из разночинцев и дворовых — 7».

А.Г. Худяков успешно справлялся с возложенными на него обязанностями. За усердную службу ему объявлялись поощрения: признательность от исполняющего должность тобольского гражданского губернатора (26 марта 1843 г.), от министра народного просвещения получил «единовременное вознаграждение» 75 рублей серебром (5 марта 1846 г.), от генерал-губернатора Западной Сибири (19 сентября 1850 г.), от директора училищ Тобольской губернии (26 августа 1852 г.), от министра народного просвещения признательность (30 декабря 1852 г.)¹⁹.

В Ишиме А.Г. Худяков продолжил свои исследовательские занятия. В сохранившихся отчетах о состоянии учебных заведений Тобольской дирекции училищ за 1847 и 1848 гг. есть упоминания о научных увлечениях А.Г. Худякова.

Из отчета за 1847 г.: «Штатный смотритель ишимских училищ Худяков составил этнографические заметки по Ишимскому округу и приготовил материалы для составления статистического описания города Петропавловска».

Из отчета за 1848 г.: «Штатный смотритель училищ Худяков при содействии учителей составил

¹⁷ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский.

¹⁸ Виленская Э.С. Худяков. М., 1969. С. 24.

¹⁹ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 134. Л. 134 об. — 137 об.; Д. 145. Л. 9 об. — 13 об.

этнографические сведения о жителях Ишимского округа и написал статистическое описание городу Петропавловску»²⁰.

Собранные им сведения направлялись в Русское географическое общество, о чем свидетельствуют записи в его формулярных списках: «От имени Русского географического общества объявлена благодарность за составленные в 1848 г. этнографические сведения. 1849, февраля 28.

От Императорского Русского географического общества изъявлена искренняя признательность за доставленные в 1851 году климатические сведения. 1851, ноября 30.

Господином управляющим министерством финансов утвержден корреспондентом Главной физической обсерватории 1853 [года] января 19.

Господином директором главной физической обсерватории изъявлена благодарность за доставленные метеорологические наблюдения 1853 [года] января 23»²¹.

Известны два сообщения А.Г. Худякова. Одно — «Этнографические заметки по Ишимскому округу», отправленные в Русское географическое общество 23 июня

1848 г. Второе — «Этнографические сведения о жителях Ишимского округа Тобольской губернии», поступившие в Русское географическое общество 2 января 1849 г.

В первом приведены местные приметы, образцы речи. Второе сообщение более пространное по своим размерам, более наполнено разнообразной информацией. Данная в нем информация дает возможность получить представление о внешности ишимского жителя, что «крепкого телосложения, рост 2 аршина 6 вершков (в современных единицах измерения около 170 см), глаза серые, волосы русые. Можно узнать о его отношении к труду, пище, одежде, о крестьянском жилище и т.д.

По сведениям А.Г. Худякова, дом ишимского селянина «по большей части состоял из двух просторных комнат, разделенных сенями. Если семейство небольшое, то живут в одной комнате, а другая предназначена для приема гостей или для приезжих. Если же семейство увеличилось женитьбою одного или двух сыновей, то запасная комната обращается в жилую для одного из них, кто имеет более детей»²².

²⁰ ГАТоб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 121. Л. 12 — 12 об.; Д. 122. Л. 14 об.

²¹ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 134. Л. 135 об. — 136 об.

²² Савченкова Т.П. Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 5. Ишим. 2003. С. 47–57.

Следует отметить, что данные сообщения А.Г. Худякова в фондах Русского географического общества были выявлены ишимской исследовательницей Т.П. Савченковой. Описание Петропавловска и климатических особенностей все еще ожидают краеведа-историка в фондах общества.

Помимо составления этнографических описаний, А.Г. Худяков занимался метеорологическими наблюдениями. Так, в «Московских ведомостях» было напечатано его описание землетрясения, произошедшего в Ишиме 16 января 1849 г. В фондах Тобольского архива хранятся месячные ведомости наблюдений за погодой²³.

Беспорно, А.Г. Худяков заложил в своем сыне тягу к научным знаниям. 17 марта 1848 г. И.А. Худяков был принят в Ишимское приходское училище. В сохранившейся «Ведомости об успехах и поведении учеников Ишимского приходского училища за 1849/50 учебный год» он показал следующие результаты: арифметика — 5, чтение — 4, чистописание — 4, Закон Божий — 5²⁴.

По окончании училища И.А. Худяков поступил в Тоболь-

скую губернскую гимназию, куда вскоре перевели его отца. В формулярном списке А.Г. Худякова от 14 мая 1854 г. записано: «Господином председательствовавшим в Совете Главного управления Западной Сибири допущен к исправлению должности старшего учителя математики в Тобольскую гимназию»²⁵.

Через два года А.Г. Худякова «за выслугою срока на пенсию» предстояло увольнение из учебного ведомства. Тогда дирекция училища обратилась к губернатору с ходатайством, в котором предлагалось оставить его в должности учителя математики по найму, в связи со слабой обеспеченностью края квалифицированными учителями. Приведем фрагмент документа: «...крайне заботясь, чтобы по увольнении Худякова из учебного ведомства в отставку преподавание арифметики, алгебры и геометрии в нижних классах гимназии не осталось совершенно безуспешным впредь до назначения другого учителя и потому, что старший учитель математики высших классов гимназии Стукальский сверх прямой своей обязанности занимается

²³ Худяков А.Г. Описание землетрясения, бывшего 16-го января в г. Ишиме // Московские вед. 1849. № 27; ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 145. Л. 12 об. — 13 об.

²⁴ ГАТоб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 123. Л. 100 об.

²⁵ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 145. Л. 13 об.; Оп. 31. Д. 1365. Л. 9 об.—10 об.

преподаванием арифметики в Тобольской Мариинской женской школе; поэтому имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего превосходительства об оставлении г. Худякова при должности старшего учителя математики в гимназии в виде найма, впредь до определения на его место особого преподавателя математики»²⁶.

20 июля 1856 г. А.Г. Худяков был отправлен в отставку «за выслугою срока», но некоторое время продолжал работать в тобольской гимназии²⁷.

В 1857 г. в качестве члена совета Мариинской женской школы он подписал постановление о вынесении благодарности К.Н. Николаеву за участие в открытии женского приходского училища²⁸.

В тобольский период, который продолжался около восьми лет, А.Г. Худяков был надворным совет-

ником. Согласно «Списку чиновников и должностных лиц, состоящих на службе в Тобольской губернии в 1861 году» исполнял обязанности директора Тобольского губернского тюремного комитета, «управляющего экспедицией о ссыльных», члена совета по хозяйственной части Тобольской Мариинской женской школы и управляющего детским приютом²⁹.

В 1862 г. А.Г. Худяков уволился со службы и навсегда покинул Тобольскую губернию. По одним данным, он служил у одного из самых богатых тамбовских помещиков, по другим — занимал должность смотрителя училищ в городе Епифани Тульской губернии³⁰.

Умер А.Г. Худяков в 1867 г. Его сын И.А. Худяков принимал участие в революционном движении, был арестован и выслан 19 сентября 1876 г. в Восточную Сибирь как государственный преступник³¹.

²⁶ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1365. Л. Л. 16–16 об. — В деле имеются автографы управляющего дирекцией инспектора гимназии П.П. Ершова.

²⁷ Там же. Л. 22.

²⁸ Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 8; 400 лет Тобольску: сб. документов и материалов. Свердловск, 1987. С. 65.

²⁹ Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 гг. Тобольск, 1861. С. 7–8, 11, 19, 20.

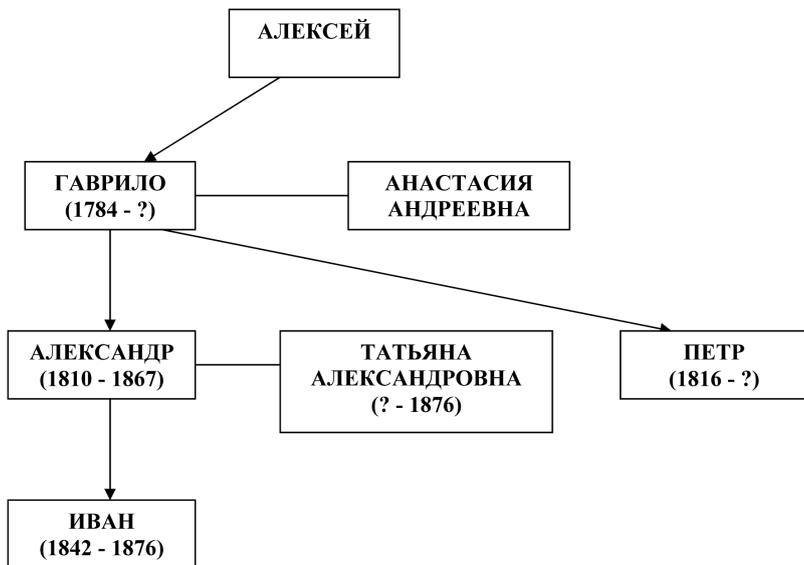
³⁰ Адрианов А.В. Худяков И.А.: из воспоминаний шестидесятника // Ист. вестн. 1906. Т. CVI (окт.). С. 36. — Подпись: Белозерский; Савченкова Т.П. Педагогическая и исследовательская деятельность Александра Гавриловича Худякова // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 5. Ишим. 2003. С. 46.

³¹ Виленская Э.С. Худяков. М., 1969. С. 170.

Родословное древо Худяковых

Обоснование:

ГАТоб. Ф. 156. Оп. 15. Д. 352. Л. 159; Ф. 154. Оп. 8. Д. 346. Л. 93 об.

Николай Коньков

Петр Александрович Попов

Язык каждого народа есть выражение его мысли и чувства, в языке отображается исторический и религиозный, общественный и нравственный быт его, потому знание языка того народа, просвещению которого послужить судьбами Божиими наставляется проповедник Евангелия, есть необходимое условие успешного делания во Христе. Мысль эта побуждала меня к изучению языков остяцкого и самоедского, тем более что неточность перевода и безжизненность мысли одного через толмачей очень мало располагают инородцев к принятию и усвоению возвещающих проповедником Божественных истин¹.

П. А. Попов

Петр Александрович Попов — составитель «Остячко-самоедско-русского словаря». Биографические сведения о нем довольно скупы и противоречивы. Родился П. А. Попов в семье священника в 1822 г. (по другим данным в 1823 г. или 1825 г.)².

Согласно записям в ведомости Воскресенской церкви г. Тобольска, дата рождения П. А. Попова — 1823 г. Так, в 1873 г. ему

было 50 лет, а в 1877 г. — 64 года³. В «Справке о священнике Петре Попове», составленной 28 марта 1868 г., возраст его определен в 45 лет. Поэтому датой рождения можно предположить 1823 г.⁴. В некрологе памяти протоиерея П. А. Попова датой рождения указан 1825 г.⁵

Первоначальное образование получил домашнее, затем обучался в духовном заведении (по од-

¹ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 26. Д. 433. Л. 1. (Опубликован в сб. документов: «...И здесь появляется заря христианства»: Обдорская миссия 30–80-е гг. XIX в. Тюмень, 2003. С. 183.

² ГАТоб. Ф. 704. Оп. 1. Д. 58. Л. 65 об., 80 об., 108 об.

³ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3. Л. 68; Д. 5. Л. 55.

⁴ Там же. Ф. 156. Оп. 26. Д. 433. Л. 17.

⁵ Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТобЕВ). 1888. № 11–12 (1–16 июня). С. 248.

ним данным, в местной семинарии, по другим, «поступил в духовное училище, прошел последовательно курс низшего и среднего учебных заведений до богословского класса»), а 23 июля 1846 г. принял сан священника и направился на службу в Обдорск. Здесь П.А. Попов прослужил 12 лет: священником в Петропавловской церкви и с 1854 г. миссионером в Обдорской миссии⁶.

В 1846 г. он открыл училище для мальчиков, а в 1862 г. школу для девочек. Первое учебное заведение помещалось сначала в его доме, затем — «в комнате нижнего этажа миссионерского дома», а школа для девиц — «во флигеле миссионерского дома». Принимались учиться дети русских людей и северных народов (ханты и ненцы) независимо от сословной принадлежности. Мальчиков «постоянно обучалось от 10 до 16 русских и от 3 до 5 инородческих»⁷.

«И все-таки, несмотря на полное отсутствие средств для содержания в школе инородческих учеников-пансионеров, таковые не переводились в миссии, благодаря о. Петру Попову, прилагавшему всевозможные заботы и

старания к привлечению в училище остяцких и самоедских детей. В 1860 году, мы знаем, он даже возбуждал ходатайство об определении своих учеников-питомцев двух самоедских мальчиков в средние учебные заведения, одного в Тобольскую духовную семинарию, а другого в Тобольскую губернскую гимназию»⁸. По мнению И.С. Шемановского, этим было положено начало школьного обучения в Обдорском крае.

Пребывание П.А. Попова в Обдорске было важным этапом в его жизни, здесь он занялся научной деятельностью.

«Он стремился, — писал современник, — изучить язык их и различные наречия не практическим только приемом, который в значительной степени уже был ему известен, но путем доступного ему научного исследования, дабы положить начало грамотности среди северных народцев и тем дать возможность не только братьям своим, но и миссионерскому делу пользоваться знанием местных инородческих наречий, но что главнее всего — самим новообращенным в христианство не забывать христианских наставлений своего пастыря, читая их со

⁶ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1483. Л. 65 об.

⁷ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об.—3 об.

⁸ Иеромонах Иринарх [Шемановский И.С.]. История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 гг. М., 1906. С. 40.

временем в доступных им знаниям в книжках, знакомясь на родном языке с богослужением христианской церкви»⁹.

Интерес и любовь к языкам северных народов проявились у П.А. Попова, по-видимому, еще в детстве. «Как уроженец северного края он, ранее знавший местные инородческие языки, спокойно совершенствовался в них и тем подготовил себя к вероповеднической деятельности, которую обнаружил при вступлении на Тобольскую кафедру архиепископа Евлампия (1852–1856 гг.)»¹⁰.

П.А. Попов составил «Остяцко-самоедско-русский словарь», перевел на остяцкий язык «Евангелие от Матфея». Помимо того, он подготовил «Остяцкую грамматику», но, как отмечал И.С. Шемановский, «к сожалению, неизвестную по месту ее нахождения»¹¹.

«Высокопреосвященный Варлаам, столь заботливо и любовно относившийся к Обдорской миссии, возобновил сделанные преосвященными Амвросием I (1806–1822 гг.) и Евгением

(1826–1831 гг.) попытки, потом забытые, перевода на остяцкий язык молитв. Это важное дело было возложено им на бывшего миссионера священника Петра Попова, который долго трудился в Обдорске на душевное благо инородцев, не за страх, а за совесть и так прекрасно владел инородческими языками, что составил пожертвованный им миссии при переводе из Обдорска капитальный труд: «Остяцко-самоедско-русский словарь», впоследствии одобренный Академией наук», — писал иеромонах Иринах (И.С. Шемановский)¹².

«Ознакомившись с языками остяцким и самоедским, — вспоминал позднее П.А. Попов, — я приступил к составлению словаря с той собственно целью, чтобы будущие труженики святого дела просвещения, предварительно ознакомившись с языками этих племен, могли с пользой начать и продолжить трудное свое служение. Составив оный в возможной полноте, составляющей более 5000 слов того и другого наречия, и поверив в полноту и точность через лучших знатоков обоих на-

⁹ ТобЕВ. 1888. № 11–12 (1–16 июня). С. 248–249.

¹⁰ Иеромонах Иринах [Шемановский И.С.]. История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 гг. М., 1906. С. 10.

¹¹ Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005. С. 238.

¹² Иеромонах Иринах [Шемановский И.С.]. История Обдорской духовной миссии: 1854–1904 гг. М., 1906. С. 69.

речий, осмеливаюсь всеусерднейше повергнуть оный к святительским сторонам Вашего высокопреосвященства на архипастырское благоусмотрение с той отрадной надеждой, что он пригодится будущим труженикам просвещения остяцкого и самоедского племен»¹³. Это сообщение — единственное свидетельство о словарном запасе рукописи тобольского священника (пять тысяч слов) и ее назначении: помочь будущим труженикам святого дела просвещения.

Готовую рукопись составитель направил тобольскому архиепископу Варлааму. Преосвященный одобрительно отозвался о работе П.А. Попова: «Труда сего миссионера в составлении словаря на двух инородческих языках заслуживает всякую похвалу, а потому ныне же преподавать ему мою полную отеческую признательность за труд сей и по наведении справки о времени службы его в миссионерской должности представить его в сей же год к возведению в сан протоиерея как за долговременную службу в должности миссионера, так и за сей исключительный труд»¹⁴.

Владыка распорядился направить рукопись для надежной проверки обдорскому благочинному,

который «пусть через формальное сношение с князем остяков и старшиной самоедов испросит от них по два или три лица, знающих и понимающих язык российский, и таковые избранные вкупе с ним, благочинным, а где нужно, что и с составителем словаря; вновь от слова до слова прочтут словарь на своих наречиях, и когда найдут оный наравне с русскими, свидетельствующими о правильности состава его...»¹⁵.

В январе 1868 г. комиссия на шести заседаниях проанализировала труд П.А. Попова и постановила, что «словарь составлен верно и точно с двумя иноверческими языками (низовский и верховский диалекты остяцкого языка). В заключение особо отмечалось, что «составитель словаря держался совокупно обоих этих наречий и это тем более полезно, что некоторые слова в наречии верховских остяков не совсем понятны для низовских остяков; например, «дорога» по наречию верховских остяков «пона», низовских остяков — «еж»¹⁵.

С благоприятным для составителя актом обсуждения рукописи была возвращена в Тобольск, откуда ее для нового рецензирования отправили в Академию наук.

¹³ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 26. Д. 433. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1–2.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 874. Л. 4.

Рукопись для составления отзыва была направлена академику Шефнеру, который сделал ряд замечаний, часть из которых тобольский священник П.А. Попов решительно отверг.

«Я, — писал П.А. Попов, — не могу согласиться на перемену значения некоторых слов, если бы исправить оные по замечанию академика, так как сделалось бы непонятным для инородцев. Противу таковых замечаний мною сделаны в словаре цитаты, которые указывают, где найти и как понимать и произносить эти слова»¹⁶. В связи с этим рукопись не была опубликована. Академия наук под предлогом нехватки средств и бумаги отказалась издавать труд П.А. Попова.

Однако, по признанию ученых-языковедов, в словаре содержались «материалы, могущие служить к дальнейшему исследованию в области остяцкого и самодского языков».

Синод высказался за поощрение и представление тобольского священника П.А. Попова к «...почетной награде за указанные его труды и похвальные качества»¹⁷. Указ поступил в Тобольскую ду-

ховную консисторию в феврале 1878 г. Вместе с ним выяснилось, что 15 ноября 1877 г. П.А. Попов также был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Также были выплачены сто рублей, которые он «пожертвовал в пользу раненых и больных наших воинов» (инвалидов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)¹⁸.

Помимо этого, П.А. Попов также был награжден: «набедренником (1849 г.), скуфьею (1861 г.), камилавкою (1865 г.), наперсным крестом (1869 г.), орденом Св. Анны 2-й степени (1883 г.)»¹⁹.

В 1868 г. начался новый период в жизни П.А. Попова. Он был определен законоучителем и преподавателем всех предметов в училище при Иоанно-Введенском монастыре. В 1872 г. был переведен в Тобольск и назначен протоиереем Воскресенской церкви. Помимо непосредственной службы исполнял обязанности законоучителя Тобольского Александровского детского приюта, члена правления Тобольского духовного училища (1871–1874 гг.), члена от духовенства в правлении Тобольской духовной семинарии (с 1876 г.), члена педагогического

¹⁶ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 11. Д. 874. Л. 30.

¹⁷ Там же. Л. 71 об.–72 об..

¹⁸ Там же. Л. 71 об.

¹⁹ Там же. Оп. 11. Д. 1483. Л. 65 об. См. также.: ТобЕВ. 1888. № 11–12 (1–16 июня). С. 253.

собрания Тобольской духовной семинарии (с 1880 г.)²¹.

В Тобольске П.А. Попов продолжил свою научную деятельность. Об этом свидетельствует документ, сохранившийся в фондах ГАТоб.

В 1882 г. духовная консистория поручила П.А. Попову составить рецензию по книге «Емынг-Торым-язынг» (Малый остяцкий катехизис). Однако он попросил дать ему время: «Я считаю нужным проверить пригодность сего труда на месте инородческих жилищ в кругу самих инородцев, к чему представляется мне благоприятный случай при обозрении мною церквей в Березовском и Сургутском округах, куда я имею честь отправиться в силу указа Тобольской духовной консистории от 29 минувшего мая 1882 г. за № 3246»²².

Вернувшись из поездки, П.А. Попов подготовил отзыв, где выделил три хантыйских диалекта. «Я затруднился, — писал он, — определить, к какой отрасли остякского наречия отнести этот труд: к отрасли обского наречия, понятного для знающего корен-

ной остякский язык, или к отрасли вогульско-остякского по рекам Сосьве и Щекурью, или, наконец, к отрасли Кондинской и Юганской, более сходных между собою, и значительно отдаленного от наречия обского»²³.

Представляет интерес вывод П.А. Попова по содержанию «Емынг-Торым-язынг»: «Из анализа перевода этой книжки по всем трем отраслям остякского наречия я нашел оный более подходящим к наречию остяков, живущих в Кондинском участке по реке Оби; в Кондинском же миссионерском монастыре я встретил несколько экземпляров этой книжки без употребления, потому что, по отзыву в Кондинске живущих миссионеров, перевод этой книжки по выговору и значению слов не удобопонятен для тамошних остяков, с каковым мнением нельзя не согласиться отчасти потому, что сами монашествующие Кондинского монастыря не изучили сего языка, отчасти потому, что язык этой книжки и мне кажется отсталым от нынешнего. Ввиду вышеизложенных причин полезно было бы

²¹ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1483. Л. 65 об. — В 1868 г. священник о. Петр Попов, правда, давно хлопотавший о переводе из Обдорска, был перемещен с назначением на его место священник о. Николай Герасимов, из местных самоедов по происхождению.

²² Там же. Д. 1373. Л. 12–12 об.

²³ Там же. Л. 14–14 об.

во-первых, составить на отраслях остякского наречия: обском, Остяко-вогульском и кондинском с юганским переводом Священного Писания, богослужения и вероучения на этих трех наречиях, для чего, во-вторых, составить комитеты из местных причтов и прихожан, хорошо знающих сии наречия, в-третьих, неуклонно стараться об образовании инородческих детей обоого пола. Тогда только пройдет тупость и косность в языческих суевериях остякского племени и получатся желательные результаты просвещения. Представляя при сем книжку “Емынг-Торым-язынг” без всякого изменения и собственного мнения о достоинстве ее перевода на остякский язык, имею честь при сем представить на благоусмотрение епархиально-

го начальства собственный свой перевод под названием “Краткое наставление христианину”, тех же самых статей, что в книжке “Емынг-Торым-язынг” на наречии обском и частью кондинского участков, которое я изучил в бытность мою миссионеров в Обдорске»²⁴.

Духовные ведомости Воскресенской церкви свидетельствуют о его семейном положении: «...жена Анна Гавриловна, дети: Андрей (канцелярский служитель), Иоанн (портупей-юнкер), Георгий (прапорщик, потом подпоручик), Николай»²⁵.

Дата смерти Петра Александровича Попова тоже не точна. Так, И.С. Шемановский датирует его смерть 1887 г.²⁶ Согласно некрологу Петр Александрович умер в июне 1888 г.²⁷.

²⁴ ГАТоб. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1373. Л. 14–14 об.

²⁵ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3. Л. 68; Д. 4. Л. 2, 84–85; Д. 5. Л. 4, 31, 55–58.

²⁶ Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2005. С. 238.

²⁷ ТобЕВ. № 11–12 (1–16 июня). С. 248.

Приложения

1

Из «Ведомости о причте Обдорской Петропавловской церкви за 1865 г.»¹

Священник Петр Александров Попов, священнический сын, по окончании курса в Тобольской семинарии в 1846 году был уволен с аттестатом второго разряда и того же года 23 июля рукоположен высокопреосвященным Георгием, архиепископом Тобольским во священника к Обдорской Петропавловской церкви. В 1849 году награжден набедренником. С 1854 года исполняет должность миссионера Обдорской миссии. В 1857 году награжден бронзовым крестом в память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. В 1861 году награжден скуфьею. В 1862 году получил благословение Святейшего Синода и с выдачею грамоты на оное. В 1863 году за обращение идолопоклонников в христианскую веру объявлен на благодарность его высокопреосвященства Варлаама архиепископа Тобольского и Сибирского. Грамоту имеет. В 1865 году награжден камилавкой. Грамоту имеет. 43 года.

В семействе у него

жена Анна Гаврилова — 37	Иоанн — 13
Дети его: Александра — 15	Георгий — 11
Андрей — 14 ²	Николай — 5

2

Из «Ведомости о училище при селе Обдорской Петропавловской миссионерской церкви за первую половину 1868 года»³

В училище с 20 декабря 1867 по 12 число февраля 1869 года учения не было, по случаю Обдорской ярмарки; в нем от второй половины 1867 года к первой половине 1868 года учащихся оставалось 23, из них ныне один пономарский сын Николай Добромислов выбыл к

¹ ГАТоб. Ф.704. Оп. 1. Д. 58. Л. 80 об.

² По данным «Ведомости...за 1867 год», дети П.А. Попова Андрей, Иоанн и Георгий обучались в Тобольской духовной семинарии.

³ ГАТоб. Ф.704. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

отцу своему в Мужевское село, по требованию его отца и к себе на жительство. К тому остатку в первой половине 1868 года вновь поступило учащихся 6, из них 2 крестьянских, 1 мещанский, 1 остяцкий и 2 самоедских мальчика, из числа коих один остяцкий и два самоедских мальчика содержатся на церковно-казенный щит у хороших жителей обдорских, за каждого платы на содержание условлено на остяцкого — 50 рублей, а за двух самоедских по 20 рублей серебром в год. И затем остается учащихся ко второй половине 1868 года 29 мальчиков.

3

Сословный состав учащихся обдорских школ за первую половину 1868 года⁴

Сословное положение детей	Училище для мальчиков	Школа для девочек
Крестьянские	10	
Мещанские	5	7
Казацкие	5	1
Купеческие	2	
Пономарские	2	
Самоедские (ненцы)	2	
Остяцкие (ханты)	2	
Священнические	1	2
Дьяческие	1	
Чиновнические		1
Духовенства		2
<i>Всего</i>	30	13

4

Из рапорта П.А. Попова в Тобольскую духовную консисторию. 1877 г.⁵

В Тобольскую духовную консисторию Градо-Тобольской Воскресенской церкви протоиерея Петра Попова

Рапорт

Во исполнение указа Тобольской духовной консистории от 9 декабря настоящего года за № 10849 относительно уступки составлен-

⁴ ГАТоб. Ф. 704. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 об. – 2 об., 3 об.

⁵ Там же. Ф.156. Оп. 11. Д. 874. Л. 66–66 об.

ного мною остякско-самоедского словаря Академии наук за сто рублей, имею честь почтеннейшее донести: так как побудительною причинною составления мною остякско-самоедского словаря были не материальные расчеты, а во 1-х, скорое и основательное изучение [языков] остякского и самоедского языков приемниками моими по миссионерству, стоящее в числе первых условий успешного проповедования христианской веры остякам и самоедам и затем перевод христианского богослужения на сии наречия и, во 2-х, поднятие вопроса об этих двух наречиях в литературном отношении, то я буду согласен уступить оный Академии наук за предлагаемое вознаграждение с тем, однако ж, условием, чтобы в будущем, когда этот словарь или другой под сим названием будет отпечатан, один экземпляр выслан был в Обдорскую миссию и, чтобы предлагаемые Академией наук деньги 100 рублей переданы были как жертва от меня в общество Красного Креста в пользу раненых воинов, что будет для меня отраднейшею наградою за труд мой по Обдорской миссии.

Протоиерей Петр Попов

26 сентября 1877 г.

Николай Коныков

Николай Иванович Палопеженцев

О Николае Ивановиче Палопеженцеве содержится мало информации. Он жил в Тобольской губернии во второй половине XIX в., занимался главным образом вопросами народного просвещения, публиковался не только в местных печатных изданиях, но и в столичных, в частности, в журнале «Нива»¹.

Н.И. Палопеженцев был чиновником, а краеведение было его увлечением, дополнением к его профессиональному делу. Дослужился он до звания надворного советника, удостоен был ордена Станислава 3-й степени и «за труды во время проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. темно-бронзовой медали». В конце XIX в.

был крестьянским начальником 6 участка Ишимского уезда с годовым жалованьем 1 500 рублей².

Происходил Н.И. Палопеженцев «из податного состояния, родился в мещанской семье города Тюмени 8 апреля 1864 г.»³.

Учился, по свидетельству составителя некролога, в Тюменском уездном училище, по окончании которого поступил в Тобольскую губернскую гимназию, а затем перешел в Томское реальное училище.

«Хотел продолжать свое образование и далее, но недостаток средств затормозил это дело, и Николай Иванович поступил учителем искусств сначала в Ялуторовское уездное училище, по-

¹ См.: Коркина слобода: ист.-краевед. альманах. Вып. 1. Ишим, 1991. С. 61.

² ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 928 об.–929 об.; Оп. 36. Д. 216. Л. 62 об. — Жену Н.И. Палопеженцева звали Екатерина Васильевна, родом из Ялуторовска. В браке у них было шесть детей. По именам известны Николай (род. 4 дек. 1886), Сергей (род. 23 сент. 1890), Лев (род. 5 янв. 1899) и дочь Валентина (род. 23 сент. 1892). У Н.И. Палопеженцева имелся деревянный дом в Тюмени, у жены — в Ялуторовске.

См. также: Афанасьева Л.И. Николай Ивановичи Екатерина Васильевна Палопеженцевы // Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 4. Ишим, 2002. С. 81–85.

³ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 928 об.–929.

том в Тюменское уездное училище, а вскоре переведен был учителем русского языка в Ялуторовское уездное училище, но не пробыл долго в этой обязанности, как назначили штатным смотрителем Ялуторовского уездного училища»⁴.

В его формулярном списке о службе записано:

«По окончании курса в Екатеринбургском Александровском реальном училище приказом г. главного инспектора училищ Западной Сибири от 3 декабря 1883 г. за № 2679, согласно прошению, допущен к временному исправлению должности учителя искусств в Ялуторовское уездное училище. 1883, декабря 3»⁵.

Последующие двенадцать лет он был связан со школой, исполнял обязанности учителя русского языка, штатного смотрителя ялуторовских училищ, о чем свидетельствуют записи в формулярном списке:

«По выдержании установленного испытания на звание учителя русского языка уездного училища приказом г. главного инспектора училищ Западной Сибири от 18 февраля 1885 г. назначен учителем параллельного класса Тюменского уездного училища 1885, февраля 18.

За поступлением на службу по Министерству народного просвещения, исключен из подобного состояния...

Приказом главного инспектора училищ Западной Сибири от 4 июля 1885 г. перемещен учителем русского языка в Ялуторовское уездное училище 1885, июля 1.

При определении на службу получил третное не в зачет жалованья.

Приказом г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа, объявлена благодарность за аккуратное исполнение им своих обязанностей 1887, сентября 18.

Указом Правительствующего Сената от 10 января 1890 г. за № 10 утвержден за выслугу лет в чин губернского секретаря со старшинством с... 1885 февраля 18.

Указом Правительствующего Сената от 14 октября 1891 г. за № 97 произведен за выслугу лет в чин коллежского секретаря со старшинством 1888, февраля 18.

Приказом г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа назначен штатным смотрителем ялуторовских училищ 1891, октября 1.

Указом Правительствующего Сената от 19 июня 1892 г. за № 83 произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством 1891, февраль 18.

⁴ Сиб. торг. газ. 1902. 12 сент., № 201. С. 2–3.

⁵ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 928 об. — 929.

Высочайшим указом, данным в 1-й день января 1893 г., всемилоостивейше пожалован за отлично усердную службу и особые труды орденом Св. Станислава 3-й степени 1893, января 1.

Указом Правительствующего Сената от 13 октября 1894 г. за № 127, за выслугу лет, произведен в коллежские асессоры со старшинством 1894, февраля 18»⁶.

Однако в формулярном списке Н.И. Палопеженцева упущено упоминание об однодневной переписи в Ялуторовске, проведенной в феврале 1888 г. Денежные затраты на ее организацию были минимальны. Переписчики работали бесплатно. Н.И. Палопеженцев, судя по его высказыванию о значении учета населения, принял активное участие в переписи. В процессе этой работы, надо полагать, что у него возникла мысль о необходимости проведения общегубернской и даже сибирской переписи населения.

«Уж и единичные попытки городских переписей, — писал он, —

имеют весьма существенное значение, раскрывая как состав населения, так и его экономическое состояние, но эти единичные попытки являются как бы клочками, оторванными от общей картины сибирской жизни, и, по нашему мнению, потребность ориентированности в собственных делах настолько назрела, что пора подумать о переписи городов целых районов, например, губернии»⁷.

Спустя время Н.И. Палопеженцев принял участие в Первой всеобщей переписи населения и удостоился «темно-бронзовой медали на ленте из государственных цветов»⁸.

В это время он проявил интерес к краеведению. Заметки и выявленные архивные документы печатал в разных изданиях («Тобольские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Екатеринбургская неделя»).

В «Ежегоднике Тобольского губернского музея был опубликован его труд «Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском

⁶ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 929 об. — 931 об.

⁷ Палопеженцев Н.И. Задачи и значение городских статистических переписей в Сибири // ТобГВ. 1889. 29 июля, № 30. С. 13. — «Под руководством Н.И. Палопеженцева в г. Ялуторовске 7 февраля 1888 г. проводилась однодневная перепись населения. Данные переписи были обработаны, проанализированы, представлены автором в Губернский статистический комитет, но по ряду причин не были опубликованы». — См.: Афанасьев Л.И. Коркина слобода: краевед. альманах. Вып. 4. Ишим, 2002. С. 82.

⁸ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 36. Д. 216. Л. 64 об.

округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк)⁹, который представляет собой первое монографическое исследование развития школьного образования в Тобольском крае на протяжении XVII–XIX вв.

При его создании автор использовал работу П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», С.Н. Замахаева и Г.А. Цветаева «Историческую записку о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования», сочинение Пекарского «Наука и жизнь при Петре Великом», а также документы Тобольской гимназии, Рафайловского монастыря, ялуторовских учебных заведений (уездного училища, женской прогимназии и приходского училища) и Курганского уездного училища.

По мнению Н.И. Палопеженцева, приоритет в организации школьного обучения в Ялуторовском округе принадлежал Рафайловскому монастырю. При нем в 1761 г. «была созданная латинская, а в 1779 г. славянская школа». В последнюю принимались «дети от 7 и более лет, сюда же присылались и неуспевающие семинаристы». Уровень грамотности среди духовенства был низок.

«Достаточно сказать, — отмечал автор, — что даже в 80-х годах прошлого [XVIII] столетия из 188 священно- и церковнослужителей Ялуторовского округа только 41 умел хорошо читать, писать и петь по нотам, 121 умели только хорошо читать и из всех 188 человек только 3 знали первую часть арифметики».

В 1804 г. в Ялуторовске организовал школу шляхтич Игнатий Осипович Ольшевский (уроженец Радомысльского уезда Киевской губернии), где дети учились «письму, чтению и Закону Божию». Около 1809 г. Ольшевский был переведен в Курган и там также занялся обучением детей. Ученики его, по словам Н.И. Палопеженцева, показывали «изрядные» успехи, и школа «вероятно, была не хуже курганской».

21 октября 1817 г. в Ялуторовске было открыто уездное училище, а 6 августа 1842 г. декабрист И.Д. Якушкин создал школу по ланкастерскому способу обучения.

«Человек большого серьезного ума и учености», — характеризовал его Н.И. Палопеженцев. Положительно отзывался он о руководителе Тобольской губернской гимназии Е.М. Качурине. По мне-

⁹ Палопеженцев Н.И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии: ист.-статистический очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1893. Вып. 1. С. 91–102; 1894. Вып. 2. С. 1–91; 1895. Вып. 3. С. 1–66.

нию автора очерка, это «один из самых деятельных директоров», который при открытии посетил ланкастерскую школу в Ялutorовске и «нашел ее образцовой не только в своей дирекции, но и во всей Сибири, и при дальнейшей своей поездке просил смотрителей устраивать по ее образцу приготовительные классы». По совету Е.М. Качурина к И.Д. Якушкину ездили «для подготовки приходских учителей для учения как теории ланкастерской методы, так и приложения ее на практике. Таким образом, якушкинская школа явилась и первой учительской семинарией в Сибири»¹⁰.

В предреформенный период возникли в уезде первые церковно-приходские школы (1857 г. — в Суерском, 1858-й — в Новоуковском и 1859 г. — в Мокроусовском), учителями в которых были дьячки, изгнанные со службы чиновники и «еще хуже — поселенец».

Н.И. Палопеженцев обратил внимание на низкий уровень нравственности учителей (пьянство, грубость дома и в школе), их тяжелое материальное положение. «Воистину безотраднa была до этого времени доля уездного учителя...они обречены были бороться с нищетой».

«Главный контингент учащихся составляют дети крестьян. В 18, например, школах обучаются исключительно дети крестьян; в остальных школах количество инородных детей колеблется по отношению к общему числу учащихся таким образом: между 1% и 5% — в восьми школах, между 5% до 10% — в шести школах и свыше 10% — в двух школах; общее число инородных детей составляет, таким образом, 3,3% общего числа учащихся во всех школах». Преобладание среди учеников крестьянских детей обусловило существенную особенность сельских школ. Обучение в них велось от 7 до 8 месяцев, «если отбросить отсюда пасхальные и рождественские, то и того менее». Главную причину этого автор видел в том, что «экономические условия жизни крестьянина вредно действуют на школу, поступают учащиеся в разное время, пропускают уроки и оставляют школу, не пройдя полного курса».

Н.И. Палопеженцев отмечал изменения в составе учителей в пореформенный период. «В настоящее время преобладающая роль в педагогическом труде в сельской школе принадлежит женщине: из 34 учащихся насчитыв-

¹⁰ Палопеженцев Н.И. Народное образование в г. Ялutorовске и Ялutorовском округе Тобольской губернии: ист.-статистический очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1894. Вып. 2. С. 15–16.

ваются 24 женщины и только 10 мужчин, т.е. женщины составляют 70%, а мужчины — 30%».

Однако положение учителей по сравнению с предшествовавшим периодом мало изменилось, и автор очерка справедливо отмечал, что реформы 60–70-х гг. слабо отразились на материальном положении учителей, «далеко не подняли его до той желательной степени благосостояния, когда свободный умственный труд становится возможным и легким и, следовательно, наиболее плодотворным». Поэтому, по его мнению, «необходимо увеличить учителям содержание и улучшить материальные условия учительской жизни».

В 1862 г. «числилось всего 19 школ, а спустя 30 лет (в первой половине 1893 г.) в Ялуторовском округе было 34 министерских, 13 церковно-приходских и 22 школы грамоты»¹¹.

Очерк отличается содержательностью, большим числом приведенных в нем фактов. Благодаря этому обстоятельству к статье проявила интерес публика. Недавно рецензент отмечал, что «лишь статья г. Палопеженцева заслужи-

вает некоторого внимания», но «страдает излишними подробностями». Вполне естественно, что Н.И. Палопеженцев был принят в состав Тобольского губернского музея в качестве члена-соревнователя 29 апреля 1896 г.¹².

Перемена в жизни Н.И. Палопеженцева произошла в 1895 г., когда он сначала «высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 11 июля 1895 г. за № 39 назначен чиновником по крестьянским делам 1 участка Тарского округа», а спустя пять месяцев новым «высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 ноября 1895 г. за № [не указан] перемещен, согласно прошению чиновником по крестьянским делам 4 участка Ишимского округа»¹³.

К своим новым обязанностям он «проявлял радение». «Будучи чиновником по крестьянским делам 4 участка Ишимского уезда (в с. Абатском), — вспоминал современник, — старался привлечь на службу волостных писарей из интеллигентных лиц, старался об увеличении министерских школ в своем участке, и о своевременном снабжении книгами, учебны-

¹¹ Палопеженцев Н.И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии: ист.-статистический очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1895. Вып. 3. С. 47, 50–54, 59.

¹² Неоф. ч. ТобГВ. 1895. 26 янв., № 8. С. 135.

¹³ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 930 об.–931 об.

ми пособиями и канцелярскими принадлежностями, настаивал в своем участке на заведении крестьянскими обществами общественных кабаков и общественных запашек»¹⁴.

В 1897 г. была опубликована статья «Польская смута в Сибири в 1814 году (Исторический очерк)»¹⁵. Н.И. Палопеженцев на основании выявленных архивных источников рассказывает о неповиновении пленных поляков в Тобольске. Следует отметить, что эти события не упоминается в трудах П.А. Словцова, В.К. Андриевича, И.В. Щеглова, С.С. Шашкова и других авторов.

Во время контрнаступления в 1812 г. русская армия «нанесла ощутимый урон живой силе наполеоновских войск, только самая ничтожная часть великой армии вернулась на родину... менее значительная часть их — главным образом поляки — попала в Сибирь, причем около ста человек были определены в Тобольский батальон»¹⁶. В 1814 г. в Томске был раскрыт заговор пленных поляков. «Заговор этот, — отмечал Н.И. Палопеженцев, — был составлен еще

по пути их следования в Сибирь, до расселения их по разным городам и крепостям». По замыслу заговорщиков, выступление, кроме Томска, должно «постепенно охватить Омск, Ишим, Ялуторовск, Тобольск и попутные крепости, где проживали поляки». В Тобольске 13 мая 1814 г. «99 военнопленных отказались от повиновения офицерам. Командир отдельного Сибирского корпуса Глазенов распорядился заковать в кандалы и четырьмя партиями отправить в Омск, где приказал усилить за ними надзор».

«По нашему мнению, — писал Н.И. Палопеженцев, — польские офицеры могли думать о восстании лишь во время пути вперед в Сибирь, предполагая все ужасы, какие их могли ожидать там как изгнанников России». Однако в Сибири, по словам автора, «они встретили незлобивое отношение, едва зародившаяся мысль о восстании могла получить дальнейшее развитие, так как восстание, это далеко неверное в их глазах, не могло обещать ничего хорошего». Н.И. Палопеженцев привел примечательный факт о том, что после

¹⁴ Сиб. торг. газ. 1902. 12 сент., № 201. С. 3.

¹⁵ Палопеженцев Н.И. Польская смута в Сибири в 1814 году: ист. очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1897. Вып. 7. С. 62–72. — С 29 апреля 1896 г. Н.И. Палопеженцев входил в состав Тобольского губернского музея, а к 1 января 1901 г. был его членом-соревнователем. — См.: Ежегодник Тоб. губ. музея. 1902. Вып. XIII. С. 91.

¹⁶ Там же.

указа о возвращении пленных поляков на родину многие остались в Сибири (в казаках 156 чел.).

В 1898–1899 гг. последовало несколько перемещений Н.И. Палопеженцева. После чего он был возвращен на прежнее место и удостоен звания надворного советника.

«Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 22 ноября 1898 г. за № 85 назначен крестьянским начальником 6 участка Ишимского уезда с 1898 декабря 15»¹⁷.

Н.И. Палопеженцеву удалось опубликовать работу «О положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия» в «Ежегоднике Тобольского губернского музея», а также статью «На родине Конька-Горбунка» в «Ниве» и др.¹⁸

В начале 1902 г. он переехал в Ялуторовск, где прослужил недолго. В сентябре того же года «Сибирская торговая газета» поместила траурное сообщение о

кончине «на днях» крестьянского начальника надворного советника Николая Ивановича Палопеженцева после продолжительной и тяжелой болезни. Точно дата его кончины указана в формулярном списке: «Умер девятого августа тысяча девятьсот второго года»¹⁹.

У Н.И. Палопеженцева остались жена и 6 малолетних детей. Позже один из них принял участие в революционном движении: «21 апреля 1906 г. у Николая Николаевича Палопеженцева, проживавшего в доме своей матери Екатерины Васильевны Палопеженцевой был произведен обыск, во время которого были обнаружены две прокламации «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Северное слово», № 1 за 1903 год и брошюра «Высочайший манифест 17 октября 1905 года и что он дает», изданная Ялуторовским отделом Московского общества сельского хозяйства»²⁰.

¹⁷ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 209. Л. 932 об.–933 об.

¹⁸ Палопеженцев Н.И. К вопросу о положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1898. Вып. 9. № 20. С. 1–10; На родине «Конька-Горбунка» // Нива. 1898. № 46. С. 62–64.

¹⁹ Сиб. торг. газ. 1902. 12 сент., № 201. С. 2–3; ГАТоб. Ф. 152. Оп. 36. Д. 216. Л. 83 об.

²⁰ ГАТоб. Ф. 159. Оп. 1. Д. 44. Л. 175–175 об.

Приложения

1

Публикации Н.И. Палопеженцева

Протоиерей Яков Корнилович Словцов. Некролог // ТобЕВ. 1886. 1–16 сент., № 17–18. С. 329–330.

Археологическая заметка // ТобГВ, неоф. ч. 1888. 9 янв., № 2. С. 12.

Задачи и значения городских статистических переписей в Сибири // Там же. 1886. 29 июля, № 30. С. 12–13.

Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии: ист.-статистический очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1893. Вып. 1. С. 91–102; 1894. Вып. 2. С. 1–91; 1895. Вып. 3. С. 1–66.

О торговле крепостными: из сибирской старины // Неоф. ч. ТобГВ. 1894. 12 июня, № 24. С. 485.

Польская смута в Сибири в 1814 году: ист. очерк // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1897. Вып. 7. С. 62–72.

К вопросу о положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия // Ежегодник Тоб. губ. музея. 1898. Вып. 9. № 20. С. 1–10.

На родине «Конька-Горбунка» // Нива. 1898. № 46. С. 62–64.

2

**О необходимости создания в Сибири
археологического общества²¹**

Возникновение музеев в различных городах Сибири, хотя и не чисто археологических, но с большими археологическими отделениями, издание Минусинским музеем своих «древностей», обративших на себя внимание даже европейских ученых, раскопки, произведенные сибирскими учеными, как то: Словцовым, Ядринцевым, Радловым, Знаменским, Голодниковым, Андриановым, Витковским, Поярковым и др., появление ученых трудов по сибирской археологии ясно показывает, что Сибирь не осталась чужда этому научному движению. Нельзя, впрочем, не заметить, что попытки основания музеев, делающие большую честь их основателям, и местные археологические изыскания являются пока почти единичными и, неруководимые каким-либо общим двигателем и регулятором, много теряют от этого в своей научной ценности... Только

²¹ Палопеженцев Н.И. Археологическая заметка // ТобГВ. 1888. № 2. С. 12.

возникновение археологического общества могло бы устранить подобное ненормальное положение тружеников науки и поставить археологические изыскания на более правильную и прочную ногу. Возбуждая громадный интерес, как по богатству памятников древности, которые, кстати сказать, нисколько не ограждены от хищничества, так и по особому свойству культуры, населявших ее народы, Сибирь заслуживает, чтобы не только ученые, но и самое общество обратило внимание на этот пробел.

3

Переписи населения в Сибири²²

При общем подъеме уровня умственной жизни, с пробуждением общественной мысли и стремлением к самопознанию, желание ориентироваться в общественных и экономических явлениях привело образованное общество обратиться к помощи статистики. Первая городская перепись была произведена в Томске в 1866 г. За ней последовали переписи городов: Тобольска (28 декабря 1872 г.), Иркутска (6 марта 1875 г.), Омска (10 апреля 1877 г.), Иркутска (22 октября 1879 г.), Томска (16 марта 1880 г.), Семипалатинска (15 марта 1882 г.), Тобольска (11 апреля 1882 г.), Иркутска (15 января 1884 г.), Ялуторовска (7 февраля 1888 г.), Ачинска (20 декабря 1887 г.), Минусинска (?). Кроме того, в марте 1885 г. была произведена перепись всех городов Якутской области, а 1 января 1883 г. всего забайкальского казачьего войска.

В городах Таре и Тюмени (Тобольской губернии) делаются приготовления к производству переписи. Таким образом, в больших городах Сибири переписи произведены были по нескольку раз: Иркутск (3 раза), Томск и Тобольск (по 2 раза), а в некоторых не были произведены совсем, таковы: Тюмень, Верный, Барнаул, Бийск, Нерчинск и др.

4

***Об отношении сибиряков
к своим знаменитым землякам***²³

Не горькая ли, в самом деле, ирония судьбы, что при издании словцовского обзора не могли во всей Сибири найти его портрета. А Словцов был известен не только как писатель и историк, он был видный служебный и общественный деятель, друг и товарищ сибирского генерал-губернатора знаменитого Сперанского. Правда, нашелся один экземпляр портрета, но и этот оказался негодным для предназначенной цели, ибо

²² Палопеженцев Н.И. Задачи и значение городских переписей в Сибири / ТобГВ, неоф. ч. 1889. № 30. С. 12.

²³ Там же.

валялся где-то не то в конюшне, не то в завозне со старыми обносками. Не менее печальная судьба постигла и другого неутомимого местного литературного работника, друга и, кажется, ученика Словцова, Н.А. Абрамова. Ничто не ускользало от пытливого взора этого человека: он рылся по местным архивам и описал историю почти всех городов Западной Сибири. Административная и церковная сибирская история едва ли обязана была кому-либо иному, как не ему, он описывал курганы и городища по Тобольской губернии, сибирские монеты, описал реки Западной Сибири, главное его сочинение «Описание Березовского края» остается до сих пор лучшим исследованием нашей северной окраины. Собранные вместе работы его представили бы именно в этом виде богатый исторический и этнографический материал, но, к сожалению, до сих пор суждено им теряться в куче журнального и газетного хлама.

5

**Формулярный список о службе
крестьянского начальника 3-го участка
Ялutorовского уезда надворного советника
Николая Ивановича Палопеженцева**

Составлен в 1902 году²⁴

Надворный советник Николай Иванович Палопеженцев, крестьянский начальник III участка Ялutorовского уезда, родился 8-го апреля 1864 года, вероисповедания православного. Имеет орден Св. Станислава 3-й степени и медали: серебряную в память императора Александра III и темно-бронзовую за труды по первой переписи населения в 1897 году. Получает в год: жалованья 750 р., столовых 750 р.

Из податного состояния. Уроженец Тобольской губернии.

По окончании курса в Екатеринбургском Александровском реальном училище, приказом г-на главного инспектора училищ Западной Сибири от 3 декабря 1883 года за № 2679, согласно прошению, допущен к временному исправлению должности учителя искусств в Ялutorовском уездном училище 1883 [года] декабря 3.

По выдержании установленного испытания на звание учителя русского языка уездного училища, приказом г. главного инспектора Западной Сибири от 18-го февраля 1885 года назначен учителем параллельного класса Тюменского уездного училища.

За поступлением на службу по Министерству народного просвещения исключен из податного состояния.

Приказом главного инспектора училищ Западной Сибири от 4-го июля 1885 года перемещен учителем русского языка в Ялutorовское уездное училище...

²⁴ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 36. Д. 216. Л. 62 об.–65 об.

Приказом г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа объявлена благодарность за аккуратное исполнение им своих обязанностей 1887 [года] 18 сентября...

Указом Правительствующего Сената от 14 октября 1891 года за № 97 произведен за выслугу лет в чин коллежского секретаря со старшинством с 1888 [года] 18 февраля.

Приказом г. попечителя Западно-Сибирского учебного округа назначен штатным смотрителем ялutorовских училищ 1891 [года] 1 октября...

Высочайшим указом, данным в 1 день января 1893 года, Всемилоостивейше пожалован за отлично усердную службу и особые труды орденом Св. Станислава 3-й степени 1893 [года] 1 января.

Указом Правительствующего Сената от 13 октября 1894 года за № 127 за выслугу лет произведен в коллежские ассессоры со старшинством с 1894 [года] 18 февраля.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 11 июля 1895 года за № 39 назначен чиновником по крестьянским делам 1-го участка Тарского округа.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 ноября 1895 года перемещен, согласно прошению, чиновником по крестьянским делам 4 участка Ишимского округа.

Получил серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III.

Получил темно-бронзовую медаль на ленте из государственных цветов за труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 году.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 22 ноября 1898 года за № 85 назначен крестьянским начальником 6-го участка Ишимского уезда с 15 декабря 1898 года.

Таковым же приказом, от 5-го марта 1898 года за № 15 перемещен, согласно прошению, крестьянским начальником 2-го участка того же уезда.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 11 июня 1899 года № 44 перемещен на таковую же должность 6-го участка того же уезда.

Таковым же приказом от 9-го октября 1899 года за № 72 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с 18 февраля 1898 года.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 6 апреля 1902 года за № 21 перемещен, согласно прошению, крестьянским начальником 3-го участка Ялutorовского уезда.

Денис Петрович Шелудков

(он же Шелутков)

Сведения о тобольском художнике XIX в. Д.П. Шелудкове (Шелуткове) довольно скудные и отрывочные. Г.А. Цветаев и С.Н. Замахаев выявили данные о происхождении Д.П. Шелудкова, его учебе в Академии художеств, о службе в Тобольской губернской гимназии (с 1846 г.) и отставке в 1880 г. Авторы, к сожалению, не указали источников, которыми они пользовались, но приведенные ими свидетельства можно считать достоверными¹.

Документы, сохранившиеся в Тобольском архиве, позволяют расширить наши знания о жизненном пути Д.П. Шелудкова. В ревизской сказке города Тобольска, составленной 30 июля 1834 г., в составе мещан под № 1070 указан «на лицо» Денис Петрович Шелудков в возрасте 27 лет (последняя перепись за 1818 г. —

9 лет)². Простое арифметическое действие позволяет высчитать дату рождения тобольского художника и отнести ее к 1807 г. Однако в формулярном списке «о службе и достоинстве чиновников и учителей Тобольской губернской гимназии за 1849 год» возраст Д.П. Шелудкова указан — 44 года, что свидетельствует о дате его рождения — 1805 г. Эта дата подтверждается сведениями формулярных списков за 1851 и 1857 гг., где возраст Д.П. Шелудкова показан соответственно 46 лет и 52 года³.

Искусствовед Н.Х. Шайхтдинова тоже относит время рождения Д.П. Шелудкова к 1805 г.⁴

Происходил Д.П. Шелудков из податного сословия. Его отец был дворовым человеком купцов Корнильевых, мать Степанида Ивановна. Будущий художник

¹ Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии 1789–1889. Тобольск, 1889. С. 9.

² ГАТоб. Ф. 154. Оп. 8. Д. 431. Л. 218 об.

³ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 102. Л. 46 об.; Д. 126. Л. 38 об.; Д. 159. Л. 16 об.; Ф. 78. Оп. 1. Д. 38. Л. 235.

⁴ Русская живопись XVIII — начала XX века: альбом. Тюмень, 2001. С. 186, 199.

был рожден вне брака «прижитым ею [Степанидой Ивановной] незаконно».

В 1812 г. Д.П. Шелудкова приписали к сословию тобольских мещан, что подтверждается сообщением городского магистрата и данными формулярных списков⁵.

14 октября 1845 г. указом Правительствующего Сената под № 55959 Д.П. Шелудков был исключен из мещанского сословия⁶.

Сведения о получении Д.П. Шелудковым начального образования отсутствуют. Можно предположить, что оно было домашним. Согласно формулярному списку за 1849 г. был «возведен императорскою С-Петербургскою Академиею художеств в звание свободного неклассного художника в 1839 году»⁷.

19 апреля 1846 г. министром народного просвещения Д.П. Шелудков был определен учителем рисования, черчения и чистописания в Тобольскую гимназию. В «Именном списке чиновников и учителей Тобольской губернской гимназии за 1847 год» имеется следующая запись: «Учитель рисования, черчения и чистописания Денис Петров Шелутков Тобольской гу-

бернии из податного сословия, 42 лет, холост [исправляет должность] с 19 апреля 1846 года»⁸.

Среди его учеников были Павел и Дмитрий Менделеевы, успехи которых по рисованию, черчению и чистописанию оценены были неудовлетворительным баллом⁹. К своим обязанностям Д.П. Шелудков относился добросовестно, о чем свидетельствует его «Мнение по предметам чистописания, черчения и рисования», опубликованное в «Тобольских губернских ведомостях»:

«Для наиболее успешного преподавания в гимназии и училищах чистописания и черчения, как необходимо нужных для всех, я нахожу полезным сделать оные, подобно прочим учебным предметам, равно для всех учеников обязательными; и чтоб низшие отметки (баллы) показываемые в ведомостях означенных искусств, были принимаемы в соображении и, в случае недостаточности оных служили бы препятствием ученику для перехода в следующий класс. Рисование же сделать, полагаю, обязательным лишь для тех учеников, которые имеют к тому природные способности; всем же

⁵ ГАТоб. Ф. 369. Оп. 1. Д. 36. Л. 783–783 об.; Ф. 154. Оп. 8. Д. 431. Л. 281 об.

⁶ Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 102. Л. 46 об.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 121. Л. 24; Ф. 152. Оп. 30. Д. 102. Л. 46 об.

⁸ Там же. Л. 23 об.–24.

⁹ Там же. Д. 119. Л. 34, 36.

прочим, как и прежде, предоставить на их собственное желание. В противном случае ученики, зная, что нестарание и малоуспешность их в искусствах не бывает им препятствием для перевода в дальнейшие классы, и сами они, по детскому понятию, не видя пользы искусств, но большей части занимаются нестарательно и небрежно, оттого и в занятиях их нельзя ожидать вполне удовлетворительных успехов. Итак, вследствие упомянутых причин я признаю нужным, чтобы ученики, недостаточно отмеченные в чистописании и черчении и не представившие на экзамен удовлетворительных опытов в упомянутых искусствах не были переводимы в следующий высший класс, что, без сомнения, возбудит в них должное старание как и к прочим словесным наукам; и они на эти искусства не будут более смотреть как на ничего не значащие или маловажные предметы»¹⁰. Это единственная известная публикация художника.

Д.В. Шелудков старался увлечь учеников творческой природой искусства, знакомил учеников с основами рисунка, биографиями русских художников и для обеспечения наглядными пособиями учебных занятий копировал работы европейских живописцев.

На уроках чистописания в 1–3 классах ученики, «смотря по способностям», писали мелко и крупно с прописей Департамента народного просвещения, на уроках рисования в первом классе рисовали с оригиналов Ревердена, во втором — контуры частей человеческого тела с оригиналов Ревердена, в четвертом — полные головы с оригиналов Академии художеств, а в 5–7 классах «рисовали большею частью с оригинальных картин, доставляемых г. инспектором гимназии»¹¹.

Не случайно в формулярном списке учителя рисования за 1849 г. отмечено, что он «способен и достоин [к повышению чина]»¹², а «высочайшим приказом 1 июня 1851 года за № 106-м за выслугу лет утверждён в чине губернского секретаря со старшинством с 1846 года апреля 19 дня»¹³.

Д.В. Шелудков старался увлечь учеников творческой природой искусства, знакомил учеников с основами рисунка, биографиями русских художников и для обеспечения наглядными пособиями учебных занятий копировал работы европейских живописцев.

¹⁰ Шелудков Д.П. Копия с мнения младшего учителя Тобольской гимназии по предметам чистописания, черчения и рисования // Неоф. ч. ТобГВ. 1862. № 50. С. 343–344.

¹¹ ГАТоб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 36–38. — Инспектором гимназии был П.П. Ершов.

¹² Там же. Ф. 152. Оп. 30. Д. 102. Л. 47.

¹³ Там же. Д. 126. Л. 38 об. — «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 24 июля 1852 года за № 147 произведен в чин коллежского

В 1857 г. Д.П. Шелудков получил «жалованья 257 руб. 14 $\frac{1}{2}$ коп. и за бессрочную выслугу в классной должности в Сибири 10 лет — 130 руб. 6 коп. серебром в год (высочайше наказано производить прибавку к жалованью по $\frac{1}{4}$ оклада за беспорочную выслугу в штатной должности в Сибири пять лет»¹⁴.

Д.П. Шелудков, несомненно, входил в окружение П.П. Ершова, в квартире которого регулярно проводились «пятницы». На них собирались местные писатели, художники (в частности, М.С. Знаменский, считавший эти визиты «какой-то законной необходимостью»), учителя городских учебных заведений. В дневнике М.С. Знаменского 22 марта 1863 г. есть запись о посещении П.П. Ершова:

«Пришли к нему [художник] Шелудков и Пил[енков]. На мои глаза Шелудков неблагосклонно посматривает своим единственным оком, — соперника ли по ис-

кусству он видит во мне или просто так не находит ничего общего со мной, только сойтись с ним пока не можем и друг перед другом держим себя замкнуто... Шелудков первый раз видел мои карикатуры. Солидно пересмотрел их. Хотел было я по лицу прочесть его мнение о них, но ничего не прочел»¹⁵.

Достаточно близкие (покровительно-дружеские) отношения П.П. Ершова и Д.П. Шелудкова подтверждаются еще одним фактом. В 1912 г. внучка П.П. Ершова передала в Тобольский губернский музей «ящик, в котором находятся картины художника Дениса Петровича Шелудкова». Бесспорно, это стоит рассматривать как дарения мастера-живописца своему земляку, знаменитому поэту, который считал Д.П. Шелудкова поклонником известного немецкого художника Франца-Иоанна Овербека¹⁶.

В Тобольске Д.П. Шелудков проявил себя не только исполни-

секретаря со старшинством 1850 апреля 19». ГАТоб. Ф. 152. Оп. 30. Д. 140. Л. 48 об. — 49.

¹⁴ Там же. Д. 159. Л. 17 об.

¹⁵ Абрамов И.С. О поэте П.П. Ершове // Сиб. огни. 1940. № 4–5. С. 238.

¹⁶ Сиб. листок. 1912. 24 июня, № 74.; Сиб. торг. газ. 1912. 29 июня, № 143. С. 3. — Франц-Иоанн Овербек (1789–1869 гг.) немецкий художник. Широкою известность получили его росписи храмов в Италии и Германии. Он особенно стоит как рисовальщик. В этой области он отличался гениальностью композиции и глубоким пониманием красоты, основанным на долгом и тщательном изучении творений Рафаэля. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 42. СПб., 1987. С. 655–656.

тельным учителем рисования, правописания и черчения, но, по мнению С.Н. Замахаева и Г.А. Цветаева, «даровитым художником портретной живописи»¹⁷.

Нигде не содержатся сведения о заказчиках, позировавших Д.П. Шелудкову, но до настоящего времени сохранился его автопортрет.

В краеведческом очерке К.М. Голодникова можно найти свидетельство об исполненной акварелью работе Д.П. Шелудкова на исторический сюжет, относившийся ко времени покорения Сибири Ермаком.

Летом 1868 г. во время своего визита в Тобольск великий князь Владимир Александрович посетил губернскую гимназию, где ему подарили написанную Д.П. Шелудковым картину «Поражение Ермаком Магомет-Кули»¹⁸.

Художник много работал над заказами Тобольского архиерейского дома, священнослужителей тобольских храмов и частных лиц. Так, в разделе «Особые занятия

училищных чиновников» обязательного «Отчета о состоянии Тобольской дирекции училищ за 1849–1850 академический год» о нем сказано: «Шелудков занимался писанием образов для городской церкви»¹⁹.

Подобную запись находим в «Отчете о состоянии Тобольской дирекции училищ за 1850–1851 академический год»: «младший учитель Шелудков занимался церковной живописью»²⁰.

Можно предположить, что в обоих документах идет речь о Крестовой церкви в архиерейской ризнице. По свидетельству церковного историка А.И. Сулоцкого, к ней был «пристроен алтарь с красивым иконостасом и живописью достойною предмета», принадлежавшей кисти местного художника Д.П. Шелудкова²¹.

25 января 1870 г. под покровительством императрицы Марии Александровны в Москве было открыто Православное миссионерское общество. 12 марта 1872 г. в Тобольске был создан Комитет

¹⁷ Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии 1789–1889. Тобольск, 1889. С. 133.

¹⁸ Голодников К. Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск, 1887. С. 126.

¹⁹ ГАТоб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 123. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Д. 124. Л. 7 об.; Д. 125. Л. 9 об.

²¹ Сулоцкий А.И. Описание церквей, существующих в г. Тобольске, и Тобольского Софийского собора // Сулоцкий А.И. Сочинения. Т. 1. Тюмень, 2000. С. 25–26; Историческое описание церквей города Тобольска // ТобЕВ. 1895. 1 марта, № 5. С. 85.

Тобольского епархиального отдела Православного миссионерского общества, членами которого сначала изъявили желание стать 166 человек, а ко времени открытия уже 198, в том числе известный исследователь Сибири Н.А. Абрамов и общественный деятель А.Л. Жилин²².

14 мая 1872 г. в Тобольске впервые решили справлять день Кирилла и Мефодия Солунских. На заседании Тобольского комитета Православного миссионерского общества было принято постановление о необходимости приобретения «иконы и хоругви с изображением св. Кирилла и Мефодия и для сего, пригласив в будущее заседание комитета гг[господ] А.Л. Жилина и Шелуткова, просить их принять на себя этот благой труд...»²³.

При этом председатель комитета преосвященный Ефрем предложил «как образец предполагаемого иконописного начертания святителей Кирилла и Мефодия на иконе и хоругви, имеющиеся при книге “Святые равноапос-

тольные Кирилл и Мефодий — просветители славян”, издание слепца Григория Ширияева, 1866 г., хромофотографированное изображение этих равноапостольных мужей, отличающееся особенной верностию общему характеру церковнославянской живописи»²⁴.

В 1880 г. в Крестовоздвиженской церкви была приобретена написанная «знатоком своего дела» Д.П. Шелудковым икона трех святителей. На иконе, заказанной купцом Василием Петровичем Фофановым, художник изобразил св. великомученика Пантелеймона.

«Живопись на ней, — свидетельствовал А.Н. Грамматин, — так хороша, что бывший преосвященный Ефрем не советовал закрывать ее ризою, поэтому на сию икону устроен только венец серебряный 84 пр[обы]...»²⁵.

В 1880 г. Д.П. Шелудков ушел в отставку, но в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 год» он упомянут в качестве учителя Тобольской Марииинской женской школы²⁶.

²² ТобГВ, неоф. ч. 1872. 8 апр., № 15. С. 89; 15 апр., № 16. С. 98; 29 апр., № 18. С. 110; 20 мая, № 21. С. 125.

²³ Там же. 1 июля, № 72. С. 159–160.

²⁴ Там же.

²⁵ Грамматин А.Н. Крестовоздвиженская церковь в г. Тобольске // ТобЕВ. 1891. 1–16 сент., № 17–18. С. 387.

²⁶ Замахаяев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии 1789–1889. Тобольск, 1889. С. 9; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 12.

Возможно, еще какое-то время Д.П. Шелудков продолжал свою педагогическую деятельность, а позже, по причине ухудшения здоровья, вынужден был навсегда оставить службу. Стал заниматься «малеванием (написани-

ем) икон и копированием картин старинных художников»²⁷.

Умер Д.П. Шелудков, по имеющимся данным, в 1897 г.²⁸

*Публикация
Натальи Хариной*

Приложения

1

*Из журнала Тобольского городского магистрата.
19 декабря 1812 года*²⁹

Слушали:

Указ из Тобольской казенной палаты от 16-го числа сего месяца под № 11137-м о причислении с начала сего года в тобольские мещане бывшей в замужестве за дворовым купцов Корнильевых человеком женки Степаниды Ивановой по муже Шелутковой прижитого ею незаконного сына Дениса о уведомлении о том уездное казначейство об отобрании об нем в два ряда ревизских сказок и определении оных палате приказали: подлинной указ хранить с прочими копию с нею дать в повытье а с прописанием оного тобольским мещанским старостам послать также и велеть означенного незаконнорожденного Дениса в свое сословие с начала сего года со взысканием податей причислить отобрав от него в два ряда ревизские сказки с приложением оных магистрату рапортовать о взыскании с женки Шелутковой за имеющую употребится по сему в магистрате вместо гербовой простую бумагу пять листов и с одной исходящей печатных пошлин всего трех рублей двух с половиною копеек и об отсылке оных с

²⁷ ГАТоб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 38. Л. 235. — В «Реестре, составленном священноцерковнослужителями Градо-Тобольской Богоявленской церкви для записи постившихся в этой церкви для записи как прихожан, так и чужеприходных особо разного звания обоого пола за 1879 год» учтен 28 марта (7-я неделя поста) «коллежский асессор Деонисий Петров Шелутков, 72 [лет]», проживавший на квартире».

²⁸ Русская живопись XVIII — начала XX века. Альбом. Тюмень, 2001. С. 186, 199.

²⁹ Извлечение. См.: ГАТоб. Ф. 369. Оп. 1. Д. 36. Л. 783–783 об.

протчими в Тобольское уездное казначейство, магистратскому проходчику предписать указом уездное казначейство уведомить сообщением ныне ж о сем равно и о получении указа Тобольской казенной палате донести рапортом.

По сведениям магистерского приходчика Свешникова от 30 декабря 1812 года, С.И. Шелудкова с сыном в городе не находится, а имеет жительство в подгорной деревне помещицы Заровнятной³⁰.

2

В память автора «Конька-Горбунка»³¹

По словам «Сибирского л[истка]», госпожой Берниковой, внучкой П.П. Ершова, автора «Конька-Горбунка», присланы из Омска в Тобольский музей вещи, принадлежавшие писателю: бюро-конторка; ящик, в котором находятся картины художника Дениса Петровича Шелудкова; родовое ершовское одеяло, в котором крестили самого Ершова и всех его детей и внуков (все четыре поколения); ящик с книгами (Новый Завет, Памятник веры, первое издание «Конька-Горбунка», Тайная вечеря, Книга Бытия, Новая скрижаль, Библия); сверток, в котором находится грамота на построение храма Петра Столпника на родине П.П. Ершова; картинка Ивана-дурака и Конька (кто рисовал — неизвестно, но кажется, Знаменский); две карикатуры Знаменского — одна на П.П. Ершова, другая на Тобольскую гимназию; обложка от спектакля, карикатура, рисованная П.П. Ершовым на комедию «Френолог», напечатанную в сборнике Кузьмы Пруткова; Книга Бытия; Библия и Тайная вечеря писаны собственноручно П.П. Ершовым; начал он их писать после смерти своего старшего сына Николая, которая на него так повлияла, что он боялся за свой рассудок».

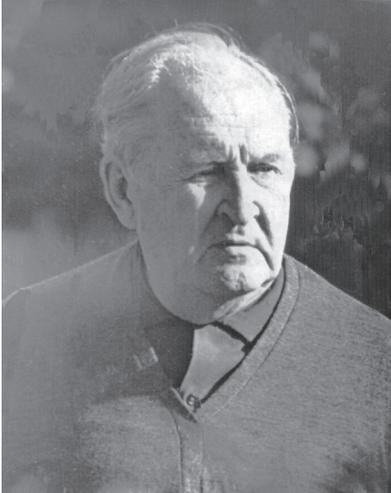
³⁰ ГАТоб. Ф. 369. Оп. 1. Д. 36. Л. 862–862 об.

³¹ Сиб. торг. газ. 1912. 29 июня, № 143; Сиб. листок. 1912. 24 июня, № 74.

Михаил Яблоков

Петр Петрович Золтс

Штрихи к портрету выдающегося человека

П.П. Золтс
1892–1987

В нашем городе более 30 лет жил композитор, пианист, органист, педагог, уроженец Латвии Петр Петрович Золтс. Прибыв в Тюмень в 1955 г. по окончании срока тюремного заключения (ст. 58: измена Родине), музыкант до самой смерти, последовавшей 27 апреля 1987 г., жил в городе на Туре.

Петерс Золтс в 1917 г. экстерном окончил Московскую консерваторию по классу органа, фортепиано и теории музыки, где

общался с композиторами и педагогами Глазуновым и Игумновым, слушал игру Бузони, Рахманинова, Гофмана.

Однако знакомство с Ф.Э. Держинским круто меняет планы Петерса Золтса. Музыкант становится вторым секретарем Полномочного представительства ВЧК в Туркестане в тот момент, когда началась жестокая борьба с басмачами, «лазутчиками» бухарского эмира, белогвардейцами.

В 1921–1923 гг. П. Золтс – проректор в Харьковском музучилище. Затем он возвращается в Прибалтику, к себе на Родину. Вначале руководит в небольшом провинциальном городке Вентспилсе хором. Его коллектив выступает в Риге на праздниках, организуемых профсоюзами рабочих. Среда способствует вступлению Петерса Золтса в ряды МОПРа. На его квартире комсомольцы Ольга и Жанис Розенберги размножают нелегальные листовки. Здесь же хранится оружие. После того, как квартира музыканта попала в поле зрения полиции, он покидает город.

В этот непростой период композитор создает произведения

В районе Дунькиного сада (напротив строительной академии) на высоком живописном берегу стояли деревянные дома, в одном из которых жил П.П. Золтс (ул. Коммунистическая, дом 6).

Фото 1970–1980-х гг.

для хора на стихи Яна Райниса, поэтов-коммунистов Лайцена и Паэгле, пишет сочинения для органа.

С 1940 г. после установления советской власти в Прибалтике Петерс Золтс руководит отделом музыкальных учреждений при Совнарком Латвийской ССР. Это способствует его творческому росту. Написанный им виолончельный концерт исполняют на радио.

Во время немецкой оккупации композитор отказывается сотрудничать с новыми властями, за что и был выслан из Риги. После освобождения столицы Латвии Петерс Золтс в 1945 г. вернулся в г. Ригу, но свою семью отыскать не смог. Гораздо позже, уже в 1990-х гг. его дочь приедет из США в Тюмень, но уже только на могилу композитора.

Творческое наследие Петра Петровича обширно и разно-

образно. Ряд его музыкальных произведений увидели свет в столичных специализированных изданиях. П.П. Золтс был членом Союза композиторов СССР и состоял на учете в его Уральском отделении. Его произведения исполняли коллективы и солисты в престижных концертных залах наряду с работами известных уральских мастеров, таких как Н. Пузей, В. Биберган, М. Гальперин, Б. Гибалин, А. Фридендлер, В. Щелоков, Е. Родыгин, Г. Белоглазов.

В Тюмени силами сотрудников и учащихся музыкального училища, в котором Петерс Золтс некоторое время работал на теоретико-композиторском отделении, к

ОСНОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Шесть песен для рабочего хора на стихи Райниса	среднего голоса и фортепиано на слова автора.
Хор а капелла «Демонстрация» на стихи Лайцена	Фортепианная музыка
«Замкнутые камни», «Реквием» на стихи Паэгле	Фуги, вивенци и другие полифонические песни. Этюды, вальсы, баллады, прелюдии (более двадцати названий)
Пять лирических песен на стихи латвийских поэтов	Ряд программных миниатюр («Над вечным покоем», «Девушка и Смерть», «Беспокойство», «Жалоба», «Осень», «Птичка» и другие, около двадцати названий)
Концерт для виолончели	
Две сонаты для органа	
Две сюиты для органа	
«Тебе», «Расставание» — романсы для	

80- и 85-летию проводились обширные концертные мероприятия, состоящие из произведений этого оригинального и самобытного художника. О его творчестве писали в местной прессе.

Несомненно, Петр Петрович был яркой звездой, горевшей не только на городском небосводе, но и всей музыкальной Сибири. Это не мешало ему вести удивительный образ жизни.

Долгое время он жил вместе со своей супругой Александрой Андреевной Тулупниковой в деревянном домике в районе строительного института и Троицкого монастыря. Дома у композитора был рояль, фисгармония. До конца своих дней П.П. Золтс писал музыку, изредка давал уроки.

Автору этой заметки посчастливилось присутствовать на концерте, посвященном восьмидесятилетию композитора.

Я хорошо помню громадного роста человека, один вид которого уже вызывал уважение. Музыка Петерса Золтса носила подчеркнуто мрачноватый характер, углубленный хитроумными полифоническими оборотами, имеющими скорбные, безутешные интонации, страдающие лаконичным трудно запоминающимся мелодизмом.

Поговаривали, что Петр Петрович участвовал в Первой мировой войне. Правда, при этом никогда не уточнялось, в чьих войсках был летчиком. Был ранен.

А.А. Тулупникова, вторая жена композитора, еще в 1940-х гг. осталась без мужа, фортепианного мастера, еврея. В те еще времена она была эвакуирована в г. Тюмень, работала кассиром в

кинотеатре. Позже здесь начал подрабатывать тапером и Петерс Золтс. По словам современников, знавших композитора, именно Александра Тулупникова «выходила» вернувшегося с зоны Петра Петровича, стала верным другом, музой, ангелом-хранителем музыканта до конца его жизни.

В начале двухтысячных мне удалось найти несколько рукописей неизданных сочинений нашего замечательного земляка, а также написанную им собственноручно автобиографию. Александра Александровна рассказала мне о своей встрече с дочерью Петра Петровича, которой и были переданы некоторые из сочинений, написанных композитором.

Удивительно, что в г. Тюмени так мало знают о достаточно выдающемся в музыкальном мире человеке.

Федор Корандей

Прибытие в Сибирь

1880-е годы в путевых описаниях: опыт антологии

Часть 2. 1886–1889 гг.¹

23.

[1886, август] *O'Brien-Butler P.E. Report of a Journey Overland from St. Petersburg to Peking* // *China Review*. Vol. 17, № 2 (sept.). 1888. P. 86–88.

О'Брайен Батлер, Пирс Эссекс (Pierce Essex O'Brien Butler, 1858–1954). В 1880-х гг. переводчик при британской консульской службе (Н.В.М. Consular Service) в Китае. В июле 1886 г. отправился из Швеции в Китай через Сибирь и Монголию. Маршрут: поездом из Санкт-Петербурга (отправление 14 августа в три часа пополудни) в Нижний Новгород (прибытие 16 августа в восемь часов утра), пароходом «Добрый» товарищества наследников Курбатова из Нижнего Новгорода (р. 83) в Пермь (прибытие 21 августа рано утром, р. 85), поездом в Екатеринбург (прибытие 22 августа в шесть часов вечера, р. 86).

Екатеринбург, которого я достиг в шесть часов вечера 22 августа, расположен в неглубокой долине, на расстоянии виден Уральский хребет. Поскольку тюменский поезд отправлялся через полтора часа, у меня не было времени посетить город, который, как обычно, расположен на некотором расстоянии от станции. Вид на долину, где стоит Екатеринбург, со станции, которая находится на высоком месте к северу от города, очень хорош. Дорога, ведущая от станции, петляет, оставляя в стороне слева живописный монастырь, а также деревни и дачи, и, наконец, исчезает на границе с городом. Великолепным фоном этой картины являются Уральские горы.

Екатеринбург — второй город Пермской губернии и главный рынок по продаже драгоценных камней, найденных на Урале. Недавним указом Император приказал построить железную дорогу от Екатеринбурга до Уфы. Посредством этой дороги, а также строящейся нынче линии Уфа — Самара, будет установлено прямое железнодорожное сообщение между Турой, судоходным притоком Оби, и Москвой и всею Европой.

¹ Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 14-31-01248). Пер. с англ. Ф.С. Корандея.

Через пятнадцать часов путешествия по железной дороге, которая находится в ведении императорского правительства, я прибыл в Тюмень. Это значительный город Тобольской губернии и первый сибирский город, который мне довелось увидеть. Я сразу же отправился на пристань и снял себе угол в гостинице для ожидающих парохода. Поскольку предыдущий томский пароход ушел за восемь часов до моего приезда, мне приходилось ждать три дня, пока не прибудет следующий. Жизнь на пристани отличалась большой простотой, но, по крайней мере, там было чисто, чего я не вполне ожидал от городских гостиниц. Поскольку погода была хорошая, я много ходил и дважды в день посещал железнодорожную станцию, расположенную от пристани в пяти верстах. Там я обедал, ужинал и убивал время, глядя на прибывающие и убывающие поезда. Я заметил, кстати, что вокзальное здание на этой конечной станции — двухстороннее, и название ее обращено в обе стороны. Тюмень показалась мне безотрадным (dreary) местом, повсюду почти одни деревянные дома, широкие пустынные улицы, либо весьма пыльные, либо весьма грязные. Только здание вокзала да другие относящиеся к нему постройки показались мне в этом городе прилично выстроенными сооружениями. Окрестности города хотя и представляют собой одну равнину, не во всем безынтересны. Хозяин вокзального ресторана заверил меня, что там можно хорошо поохотиться.

Через два дня после прибытия в Тюмень я взял билет и поднялся на палубу парохода «Сарапулец», который в это время прибыл из Томска. Условия и порядки там были приблизительно те же, что и на волжском пароходе, и я приобрел спальное место в мужском отделении. Затем я отправился, по своему обыкновению пешком, позавтракать на железнодорожную станцию. На пути назад меня застиг дождь с градом и я вмиг промок. Добравшись до парохода, я поспешил сменить платье и, стоя босым в мужском отделении, сделал пренебрежительнейшее открытие. Пол был покрыт маслом. Я немедленно позвал стюарда и спросил его, отчего пол в таком состоянии. Он отвечал, что пол покрыт маслом в целях его очистки. После этого я всегда уделял особое внимание тому, чтобы ничего из моего имущества, за исключением подошв, не касалось пола.

Когда я проснулся следующим утром (26 августа), пароход уже был на пути в Томск. Большая часть пассажиров взошла на борт накануне вечером, и теперь у меня появилась возможность наблюдать тех, кому, по крайней мере на ближайшие дни десять, предстояло стать моими спутниками. Несколько отдельных кают были заняты тобольским губернатором и его семейством. Несколько пассажиров ехали в Томск и в Иркутск. Я завел знакомство, среди этих последних, с иркутским губернским прокурором и его женою, а также с

балтийским немцем, который служил на его родине школьным учителем, а потом, по его собственному прошению, был переведен в русский город, с тем чтобы научиться русскому языку. Соседняя со мною койка была занята утонченным молодым человеком, который откомендовался мне как Евгений Валерьянович, писатель на государственной службе (writer in a public office). Один почтенный пассажир с длинными седыми волосами и бородой, которой мог бы позавидовать русский святой, отличился тем, что за то только время, пока мы ехали до Томска, успел два раза сильнейшим образом напиться. Среди пассажиров второго класса был бывший полковник, который растратил казенные деньги и теперь ехал под конвоем из двух солдат на ссыльное поселение. Он получил разрешение ехать в ссылку за свой счет и в собственном платье вместо того, чтобы следовать в составе арестантской партии.

Все в мужском отделении, кажется, очень не желали держать двери открытыми. Вследствие того воздух в комнате, где по ночам спали двенадцать пассажиров, в остальное время постоянно обедавших и куривших сигареты, был порою совершенно непереносимым. Умывальных принадлежностей было решительно недостаточно — на пятнадцать человек приходилась одна только маленькая комнатка фута четыре на пять, в которой имелся единственный таз. Я пытался принять там ванну, но нашел это чрезвычайно затруднительным. Из-за масла я должен был вешать все мои вещи на единственный крючок.

Пока мы ехали до Тобольска, несколько раз в день в салоне второго класса играл довольно посредственный немецкий оркестр, который выступал таким образом с самой Баварии.

Тура, ширина которой в Тюмени составляет всего несколько сотен ярдов, впадает в Тобол приблизительно в сотне верст от этого города. Тобол, постепенно становящийся шире, впадает в Иртыш у Тобольска. Соединившиеся реки образуют поток шириной более мили. Тобольск, которого пароход достиг на следующий день после отправления из Тюмени, — большой город на правом берегу Иртыша, столица одноименной губернии. Резиденция губернатора, казармы, государственные учреждения и т.д. построены на вершине плоского холма, возвышающегося над городом, расположенным в низине. Пароход стоял там три часа, и я потратил это время на прогулку в нижний город и на рынок. Последний был богат всеми видами продовольствия. Там в изобилии продавались фрукты, особенно крупной и красивой мне показалась малина.

Через два дня после того, как мы оставили Тобольск, пароход вошел в Обь.

<Плавание по Оби до Томска.>

24.

[1887, февраль] *Gowing L.F. Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-Winter Journey Across Siberia.* London, 1889. P. 237–242, 246–248.

Гоуинг, Лайонел Фрэнсис (Gowing, Lionel Francis, 1859–1925), британский журналист, с 1882 по 1887 г. работавший в китайской колониальной прессе (в шанхайских газетах North China Daily News и Weekly Herald). На исходе своей китайской командировки Г. задумал вернуться в Лондон через Сибирь по санному пути. Г. отправился из Шанхая 30 октября 1886 г. на японском судне «Июкогама мару». 1 ноября он высадился в Нагасаки, затем посетил Корею и 9 ноября оказался у берегов Российской империи. Прибыв во Владивосток, Г. вынужден был дожидаться, пока установится санный путь через озеро Ханка. 17 декабря (5 декабря по русскому календарю) Г. оставил Владивосток. Даты дальнейшего путешествия, указанные в тексте: Хабаровск (25 декабря, Рождество), Байкал (23 января), Иркутск (25 января), Красноярск (4 февраля), Томск (9 февраля), Тюмень (18 февраля).

Ранним утром в среду шестнадцатого февраля, менее чем пять дней спустя после нашего отъезда из Томска, мы проехали городок Тюкалинск и снова оказались на Великом Сибирском тракте. Через несколько часов нашу компанию покинули двое саней. Наш друг — русский купец стал понимать, что сможет ехать куда быстрее без прицепа с иностранцами, так что, когда мы остановились пообедать в Тушнолобовой, он и его товарищ тепло попрощались с нами и уехали на час раньше. Мы их больше не нагнали, но впоследствии не без удовольствия обнаружили, что, несмотря на все их стремление сэкономить на времени, тратившемся на обеды, они прибыли в Тюмень лишь часом прежде нас.

По мере приближения к Тюмени частные почтовые станции делались все лучше. Обстановка становилась богаче, помещения были просторнее и в массе своей гораздо удобнее, чем в лучших казенных учреждениях. Станции, расположенные в городах и самых значительных селах, служили гостиницами. Там можно было снять для ночлега отдельную комнату.

Нам, однако, не пришлось этого испробовать. Хорошие лошади, хорошие дороги, никаких задержек, и всего только тридцать или сорок градусов морозу — температура довольно умеренная в сравнении с тем, к чему мы привыкли. На этом отрезке пути наше санное путешествие стало весьма приятным, по крайней мере, до тех пор, пока снег держался. Надо, впрочем, признаться, что после двух месяцев езды на санях мы уже испытывали от нее нечто вроде пресыщения. Никто из нас целые годы не видел поезда: потому мы с особым трепетом отмечали первые признаки приближения города Тюмени, где расположена крайняя станция небольшой линии, протянувшейся через

Екатеринбург и Уральские горы вплоть до Перми. Да, за Уральским хребтом нам предстояло проехать на санях еще шестьсот миль; но условия этого путешествия должны были очень отличаться от тех, в которых нам приходилось путешествовать прежде, так что мы смотрели в будущее с радостью, предвкушая, что скоро должны будем раз и навсегда оставить сани, бывшие нашим пристанищем почти девять последних недель. Сначала мы гордились этим старым бревенчатым сооружением. Они выглядели куда лучше по сравнению с санями, встречавшимися нам на дорогах дальневосточных провинций, но цена, которую нам пришлось заплатить за эту грубую подержанную повозку, не позволяла особенно ею гордиться — на Западе мы могли бы купить за сумму даже меньшую новые, удобные, просторные, крепкие и красивые сани. Наши же обошлись нам с самого начала в семьдесят рублей, после чего пришлось потратить еще семьдесят один рубль на их починку. Мы весело мчались, двигаясь вперед со скоростью, какой никогда раньше не достигали. Раз или два мы проезжали в сутки по 160 миль. 18 февраля в пять часов утра мы достигли тюменской почтовой станции, проехав 1452 версты за шесть дней и 18 часов, то есть делая в среднем 215 верст, или 143 мили, в день. С тех пор, как мы оставили Владивосток, мы преодолели 7020 верст, или 4680 миль...²

<...> В окружении славных английских лиц, английских книг, стоявших позади нас в книжных шкафах, английских картинок на стенах приветливой комнаты мы слушали звуки милой английской речи. Ничего, кроме самовара и стаканов, стоявших на месте чашек и блюдца, не напоминало нам, что мы все еще находимся в азиатской России. И нужно быть весьма ограниченным человеком, чтобы предпочесть самовару и стаканам английские чайные приборы. Мы провели в Тюмени всего несколько кратких часов, но, подобно всем англоязычным путешественникам, которые когда-либо ехали Сибирским трактом, сразу же обрели путь к дому Вардропперов, английской семье, которая более двадцати лет назад поселилась в Западной Сибири. С тех самых пор, как оставили мы побережье Тихого океана, не встретился нам ни один англичанин. Вардропперы были первые. Какой добротой встречали повсюду нас русские! Сколь неистощимо было гостеприимство датских друзей! Но все же нас влекло к английским лицам и английской речи. Наибольшей наградой за все трудности и неудобства долгого санного пути стало нам в окончании его сердечное приветствие англичан, которые, сколь ни были привязаны теперь к своему сибирскому дому, не утратили ни капли любви к земле своего рождения.

² Конец XIV главы книги. Далее следует текст следующей главы, посвященной путешествию Г. из Тюмени в Москву.

«То, что сибиряки называют Ploka Doroga». Ил. из книги Л.Ф. Гоувинга "Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-Winter Journey Across Siberia." (London, 1889).

Ко множеству разнообразных предприятий господ Вардропперов, служащих для пущего процветания города Тюмени, недавно добавилось рыболовство в устье реки Таз, на Полярном круге, в том самом месте, где она впадает в Тазовскую губу, залив Обской губы. Г-н Роберт Вардроппер, сын г-на Джеймса Вардроппера, одного из первых поселенцев, провел несколько месяцев среди самоедов, где занимался рыболовством, носил туземную одежду, путешествовал верхом на северных оленях, питаясь иногда одной сырой рыбой и наблюдая воочию такие дикие метели, когда домик его переставал быть виден в трех шагах от двери. Долгое время не видел он никого, кроме полудиких самоедов, словом, претерпел такие приключения, по сравнению с которыми наше скромное сибирское путешествие — просто ползание младенчика.

Тюмень — процветающий город, в котором около девятнадцати или двадцати тысяч жителей, превосходная школа, несколько недурных общественных зданий и не счесть церквей, выстроенных по принятому образцу. На рынке велась оживленная торговля: продавали ковры и другие среднеазиатские товары. Впрочем, местные утверждали, что город сейчас пуст, как Лондон в межсезонье. Был месяц Ирбитской ярмарки, которая является следующей по значению среди русских ярмарок после всемирно известной Нижегородской. Ирбит, расположенный на границе, отделяющей собственно Россию от Сибири, отстоит от Тюмени всего в шестнадцати-восемнадцати часах езды. Мы не должны были упустить шанса поглядеть на ярмарку..

<Поездка в Ирбит. Возвращение в Тюмень.>

Снова нас ждал продолжавшийся одиннадцать часов санный стипль-чез, два часа сидячего сна на скамьях станции Поклевской и пять часов — в поезде, и, наконец, мы вернулись в Тюмень. Был канун Масленицы. В течение этого праздника приверженцы Греческой церкви готовят себя к тяготам Великого Поста. Благодаря любезному

приглашению г-на Вампилова, гостеприимного русского, который женат на дочери одного из Вардропперов и проживает в патриархальном стиле приблизительно в двадцати милях от Тюмени, мы получили возможность обрести интересный, равно как и в высшей степени приятный опыт тех увеселений, которым, согласно обычаю, предается сибирский сельский джентльмен, отмечающий этот великий национальный праздник.

Сам мистер Уордль не смог бы превзойти в сердечности и радушии того приема, который ожидал нас в доме наших превосходных хозяев. На протяжении нескольких дней в доме не запирались двери, оставались накрытыми столы, полные самых разных деликатесов, как зимних, так и летних; тут же стояли вина и ликеры, причем привезенные как с самого дальнего востока, из Явы, так и с самого дальнего запада, с Пиренейского полуострова. В перерывах между пиршествами устраивались музыка и танцы, домашние игры, катание на коньках, катушка или тобогган, прогулки на ферму, чтобы посмотреть животных (они очень хорошо содержатся) и поездки по окрестностям на богато убранных санях.

Последнее относится к числу самых распространенных масленичных увеселений. Замерзшие реки и дороги Сибири, так же как и всей России, заполнены в это время множеством ярко украшенных саней. Люди, переодетые в маскарадные костюмы, разъезжают туда-сюда, поздравляя едущих навстречу друзей. Чтобы увидеть празднование Масленицы во всем его блеске, нужно, конечно, отправиться на лед Невы в Петербурге. Сцены его описывались неоднократно; едва ли необходимо описывать здесь увиденное нами в Тюмени скромное подражание этому столичному празднику.

Среди всех увеселений, которым предавались гости, не были забыты и дере-

Мальчик, катающийся на тобоггане.

Масленица, 1887 г.
Имение А.Ф. Памфилова
на Черной Речке.

Ил. из книги
Л.Ф. Гоуинга "Five
Thousand Miles in a Sledge:
A Mid-Winter Journey
Across Siberia."
(London, 1889)

венские жители. Хотя у них был свой тобогган, они не брезговали прокатиться и на катушке своего сквайра, когда его друзья отправлялись искать себе других развлечений. Вообще, поскольку докторов мало, нашему хозяину не раз приходилось оказывать окрестным жителям медицинскую помощь. Его дилетантские познания в хирургии и медицине оказались в высшей степени полезны. Все свидетельствовало о том, что ферма хорошо управляется и процветает. Когда мы ехали на санях обратно в Тюмень, то уже не удивлялись тому, что наши друзья, местные англичане, оставили борьбу за пропитание на родине и предпочли поселиться в Сибири. Наш хозяин показал нам несколько образцов английского зерна, выписанных им прямо из Англии. В следующем году он намеревался посадить их в сибирскую почву.

На десятый день после нашего первого прибытия в город мы попрощались с друзьями, которые так скрасили наше пребывание в городе на сибирской границе, и затем, не без некоторой грусти, оставили Тюмень. Путешествие из Тюмени в Пермь по железной дороге — расстояние примерно миль в 580 — занимает, вместе с трехчасовой стоянкой в Екатеринбурге, чуть больше сорока часов — в среднем вы проезжаете около пятнадцати миль в час...

25.

[1887, лето] *Якубович П.Ф. (Л. Мельшин). В мире отверженных: записки бывшего каторжника.* СПб., 1896. Т. 1. С. 10–11.

Якубович, Петр Филиппович (1860–1911), ссыльный из числа народовольцев, поэт и писатель. В 1887 г. по «процессу 21-го» был приговорен к смертной казни, которая была заменена восемнадцатью годами каторги. Путешествие Якубовича на Кару началось 22 июля 1887 г. и осуществлялось обычным ссыльным маршрутом: тюремный вагон до Нижнего Новгорода, пересадка на баржу, плавание по Волге и Каме до Перми, поезд до Екатеринбурга. Из текста Я., составленного в 1893 г. на Акатуйской каторге, не ясно, осуществлялось ли путешествие арестантов из Екатеринбурга в Тюмень на тюремных тройках или уже по железной дороге. В.В. Сухомлин (Записки о Карийской каторге // Вопросы истории. 1966. № 4), ехавший в той же партии со своими родителями, вспоминал, что арестантов везли из Перми «по железной дороге, а затем на лошадях до Тюмени. Далее снова плыли на баржах по Тоболу и Иртышу, а потом по Оби до Томска. Продолав таким образом 3 тыс. километров по сибирским рекам, арестанты шли дальше уже пешком по широкому арестантскому тракту через таежные леса и степи до Карийской каторги, находившейся далеко за Томском». Воспоминания Я. о начале путешествия в Сибирь — лишь цепь ярких отрывочных образов: за воспоминаниями о плавании на волжском пароходе следует переключка в Тюменской пересыльной тюрьме, а затем обстоятельства пешего этапного путешествия.

В Тюмени я впервые увидел лицом к лицу огромную партию арестантов на переключках, происходивших во дворе тюрьмы. Боже!

Каких только лиц тут не было — от самых симпатичных и мыслящих до самых отталкивающих и звероподобных; каких не было национальностей, каких имен! В особенности характерны были имена бродяг, составлявших почти половину всей партии. Иван Пострадавший, Петр Потерпевший, Семен Много-горя-видел, Хвостом-на-гору, Махнидралов, А я за ним, Непомнящий тридцати двух лет, и так далее, и так далее в том же роде. Любимыми также фамилиями были: Алмазов, Бриллиантов, Львов, Орлов, Соколов, Бурин, Ветров, Скобелев, Гурко и тому подобные громкие и гордые имена.

Но, собственно, только с Томска я начинаю помнить дорогу и все ее впечатления довольно живо и отчетливо...

26.

[1887, вторая половина лета?] *Campbell, James. A Journey Across Siberia. The End of The Journey* // Alexandra and Yea Standard, Gobur, Thornton and Acheron Express. 1892. 13 May. P. 6.

Кэмпбелл, Джеймс (James Campbell, 1845–1893), австралийский бизнесмен, политический деятель и администратор. Путешествие Кэмпбелла через Сибирь стало завершающей частью его азиатского путешествия (1886). В ходе этого путешествия он посетил Индию, Тибет, Цейлон, Сингапур, Яву, Гонконг, Китай, Корею и Японию, наконец, прибыл, пароходом из Нагасаки, на территорию Российской империи. Кэмпбелл начал свое путешествие по Сибири 8 июня 1887 г. во Владивостоке. Установить точную хронологию его путешествия по запискам, опубликованным в 1891–1892 гг. одновременно в десятке австралийских газет, довольно сложно, но, во всяком случае, он следовал на восток обычным трактовым путем. Статьи К. о путешествии так и называются — «Владивосток—Раздольное», «От озера Ханка до Амура», «От Благовещенска до Шилки», «От Нерчинска до Читы», «Величайшее озеро Азии», «Столица Сибири» (Иркутск) и т.п. Из Томска в Тюмень К. ехал пароходом.

Мы прибыли в Тюмень в полдень пятницы, после почти семи с половиной дней перехода из Томска. Первым, что бросалось в глаза, было большое число пароходов, стоявших на верфях и на реке, что с несомненностью свидетельствовало о значительности Обь-Иртышского речного сообщения. Однако еще более бросалась в глаза ничтожность самого города и первобытное состояние его улиц. Будучи одним из самых старых сибирских городов, Тюмень — наихудший из них с муниципальной точки зрения. Спустя некоторое время я поехал к железнодорожной станции, по дороге примечая великолепных лошадей, запряженных в дрожки и телеги. Прибыв на место, я нашел там замечательное здание, которое могло бы украсить и город более значительный, и буфет там был подходящий! Несомненно, это было превосходнее всего, что есть у нас в колонии Виктория. К удовольствию моему, метрдотель говорил по-немецки, что позволило мне получить исчерпывающие сведения о поездках, а также заказать

ужин, более всего соответствовавший желаниям моей души. Возможности буфета оказались весьма велики. Отлично отужинав, я почувствовал гармонию с собою и с миром. Спустя несколько часов я должен был быть уже в поезде, чтобы через тридцать шесть часов покинуть Сибирь.

Когда я стоял на железнодорожной платформе, наблюдая за хорошими маневровыми работами, то заметил, что старший из моих знакомых студентов из Барнаула смотрит на локомотив с сильнейшим интересом. Приблизясь ко мне, его брат улыбнулся, и сказал на своем медленном, неуверенном французском: «C'est la premiere fois que mon frtre a vu une locomotive»³. Я уставился на молодого человека почти с тем же интересом, с каким он глядел на паровоз. Странно, конечно, повстречать нынче молодого человека двадцати девяти лет от роду, образованного и в хорошем платье, и узнать, что он до сих пор ни разу в жизни своей не видал паровоза. При этом я могу себе представить, что на сегодняшний момент более половины рода человеческого никогда не видели ни железной дороги, ни локомотива, а десятки миллионов о них даже никогда не слышали. Огромная часть человечества живет и умирает, не покидая своего тесного мирка. Их родная деревня, или город, или округа составляют для них границы мира. Но цивилизация расширяет кругозор человека, предоставляя ему возможности легко обозревать мир. В сравнении с началом этого века путешествия, продолжавшиеся месяцы, сократились до недель; в конце следующего века те путешествия, которые сейчас продолжаются недели, сократятся до дней, и будут стоить уже не фунты, а шиллинги. Инженеры, занимающиеся этим вопросом, согласны во мнении, что авиация нынче — вопрос времени. Максим⁴ и другие следуют правильным принципам, успех их столь же неизбежен, как восход солнца.

Мы покинули Тюмень в девять часов вечера и скоро оказались посреди пустынных равнин. Впрочем, скоро — понятие относительное. Наш паровоз оказался удивительно неуклюжей штукой, построенной в Санкт-Петербурге, по чертежам, как я думаю, самого Рип Ван Винкля. Мы ехали очень медленно, но, выглянув наружу и припомнив, с какой скоростью двигался тарантас, я вдруг с удовлетворением осознал, что на самом деле та ленивая неспешность, с которой этот санкт-петербургский гиппопотам полз через пространство, была сумасшедшим бегом. Я также был более чем удовлетворен комфортом вагона первого класса, в котором ехал. В Виктории нет ничего подобного, за исключением аделаидского экспресса. И в том, и в дру-

³ Мой брат сейчас в первый раз увидел локомотив (*фр.*).

⁴ Вероятно, имеется в виду знаменитый британский изобретатель Максим (Hiram Stevens Maxim, 1840–1916).

гом случае спальные вагоны устроены, в общем, очень похоже, и австралийцы, пользующиеся аделаидским экспрессом, могут легко себе представить, как выглядит обычное путешествие первым классом по сибирской железной дороге. Душный, плохо оснащенный сиднейский экспресс не выдерживает никакого сравнения с просторным, уютным первым классом сибирского экспресса.

На другой день, в 12 часов дня, мы прибыли в Екатеринбург...

27.

[1887, сентябрь] *De Windt H. From Pekin to Calais by Land*. London, 1892. P. 345–351.

Де Уиндт, Гарри (1856–1933), британский журналист. Путешествие 1887 г. из Пекина во Францию было первым из множества путешествий, которые Д.У. совершил в ходе своей карьеры (здесь в первую очередь должны быть упомянуты путешествия начала 1890-х гг. для обозрения тюрем Западной и Восточной Сибири, предпринятые «для проверки» данных, сообщенных Дж. Кеннаном). После путешествия по Китаю и Монголии 10 августа 1887 г. Д.У. въехал на территорию Российской империи через Кяхту и следовал дальше «чайным путем». Хронология путешествия Д.У. по Сибири: Иркутск (12–24 августа), Нижнеудинск (31 августа), Красноярск (7–9 сентября), Томск (16–19 сентября). На с. 323–324 книги Д.У. приводится между прочим полный список почтовых станций между Иркутском и Томском с обозначением «плохих» и «хороших» станций. Путешествие Д.У. из Томска в Тюмень по реке началось 19 сентября 1887 г., в книге содержатся характеристики Самарова и Тобольска.

Путешествие из Тобольска в Тюмень было довольно приятным. Узкая, едва ли до двух сотен ярдов шириной, голубая речка лениво петляла по зеленым полям, мимо милых деревушек, опрятных и, по всей видимости, процветающих. Крестьяне, работавшие на прибрежных лугах, загорелые и веселые, представляли собой контраст грязному и угрюмому населению, что встречалось нам восточнее. За несколько часов до прибытия в Тюмень вся растительность, как по волшебству, исчезла, и мы очутились в бесплодной песчаной пустыне. «Да тут рай для спортсмена», сказал Суриков, когда мы глядели с палубы парохода на стаи гусей и уток, и всякой другой дикой птицы, сновавшие туда и сюда над пустынной равниной. Небо было от них совсем черным.

28 сентября, около полудня, на горизонте появилось сияющее пятнышко, вскоре обратившееся в беспорядочное скопление каменных зданий, деревянных изб, шпилей и золотых куполов. Два часа спустя мы причалили к оживленной тюменской пристани, воображая себе, что наше путешествие уже почти закончилось, ведь до железнодорожной станции было рукой подать! В какой-то сотне ярдов от нас стоял роскошный пудмановский поезд, который должен был доста-

Сибирский тарантас.

Ил. из книги Г. де Уиндта "From Peking to Calais by Land." (London, 1892)

вить нас в Екатеринбург, а затем и в Пермь, миновав Уральские горы. Каждый из нас был охвачен волнением. Заслышав свист и пыхтение локомотива, мы чувствовали себя почти уже дома, забыв, однако, что все еще в Азии, за много миль от доброй старой Англии.

Построенная года два назад тюменско-екатеринбургская линия принадлежит частной компании. В поезде, устроенном по американскому образцу, можно переходить из вагона в вагон, второй класс во всех отношениях так же хорош, как первый на нашей Центральной (Midland) или Великой Северной (Great Northern) дороге, а цены до смешного низкие. Вокзалы все каменные, а тот, что я видел в Тюмени, стоял посреди большого и ухоженного парка. Это напомнило мне вокзал на германских Водах (German Spa), такие же аккуратные дорожки, посыпанные гравием, такие же клумбы, фонтаны и чугунные скамейки под липами.

Что касается буфета, то он не уступил бы любому французскому и был намного лучше любого английского из тех, что мне доводилось видеть. Мраморные полы, белоснежные скатерти на столах, сияющий фарфор, учтивые официанты в ослепительных фартуках и премилая буфетчица, председательствовавшая за массивной стойкой, уставленной чередой деликатесов: икра, соленый лосось, pates de foie gras (фуа-гра), целая батарея бутылок шампанского и прочих горя-

чительных напитков. Так неожиданно было встретить все это в Азии! Несомненно, впрочем, что это была одна из самых приятных неожиданностей нашего путешествия. Основательно поужинав *a la carte*, осушив бутылочку превосходного «Medoc», выпив кофе, испробовав киммель, мы, наконец, пришли к заключению, что, при всей их отсталости в иных вопросах, русские знают толк в искусстве железнодорожных путешествий.

Поезд должен был отправиться в девять часов пополудни, так что у нас было время прогуляться по городу. Услуги извозчика здесь стоят недорого. Дорога от вокзала в город (около трех миль) обошлась нам менее чем в шиллинг английских денег.

Тюмень — бедный, угрюмого вида город с населением в тридцать тысяч человек. Он стоит на берегах Туры, небольшого притока Иртыша. В центре города расположено плоское место площадью в три квадратных мили, которое летом представляет собой пыльный пустырь, а зимою обращается в грязное болото. С трех сторон эта площадь окружена деревянными и кирпичными зданиями, а в средоточии ее теснится некоторое число грубых деревянных навесов и парусиновых палаток, именуемое базаром. Здесь торгуют водкой, всевозможной провизией, платьем, а также всем, что необходимо земледельцу.

Неподалеку возвышается круглое сооружение, сколоченное из неотесанных досок и оклеенное с головы до ног яркими афишами, на которых изображаются люди невероятной наружности, совершающие еще более невероятные трюки. Какой-то местный с нескрываемой гордостью поведал нам, что это цирк. «Вечером будет представление», сказал наш новый знакомый, который немного говорил по-французски. «Что бы вам не остаться, не посмотреть, а завтра уедете?» — рассуждал он, обещая показать нам Тюмень после заката солнца. Мы вежливо отказались. Этот неопрятный, дикого вида парень в мужицком кафтане и сапогах что-то не внушал нам доверия. «Ну, тогда ваши превосходительства должны поглядеть тюремную баржу. С утра одна пришла, и сейчас пустая», не унимался он.

Мы приняли это предложение. Наш приятель взялся нас сопроводить, и тут загадка разрешилась. То был польский ссыльный, которому после каторги на Карийских рудниках было позволено вернуться в Тюмень. В этом городе он вынужден был провести остаток дней своих. Здесь он еле сводил концы с концами, работал по случаю грузчиком, извозчиком и т.п. «Я знавал лучшие дни, — говорил он нам, — долго жил в Париже и Лондоне, я там служил официантом в итальянском ресторане. Эх, если бы я держался подальше от политики и Петербурга, то, наверняка, вел бы теперь жизнь честную и обеспеченную».

Арестантские баржи обычно все одного размера и устроены одинаково. Та, которую мы посетили, называлась «Иртыш», длиною в

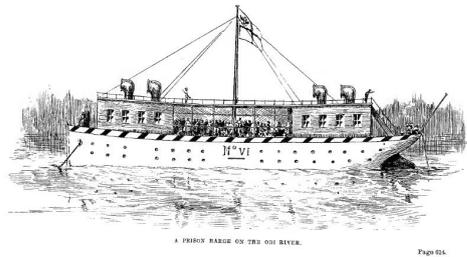
255 футов, шириною в 40. Верхняя палуба опиралась на две каюты: в одной из них располагался госпиталь и аптека, другая служила комнатой для конвойных офицеров и привилегированных ссыльных. Мы спокойно взошли на палубу, не встретив никаких препятствий со стороны караула. У нас не спросили даже паспорта.

Я был приятно удивлен. Камеры были чистыми и опрятными, хоть, может быть, и надо заметить, что они пустовали уже более месяца. Судно вернулось из Томска пустым, и готовилось к следующему, весеннему переходу. «Вам надо бы посетить один из этих кораблей в Томске, когда они прибывают», сказал наш проводник, нехорошо ухмыляясь. «Не думаю я, что тогда вы бы так радовались этой чистоте и комфорту. Редко бывает так, что за время путешествия от тифа помрет меньше пяти процентов. И что в том удивительного? Люди не созданы для того, чтобы их возили как свиней».

При виде огромной железной клетки, расположенной в средней части палубы, и предназначенной для прогулок заключенных, любому, несомненно, придет на ум зверинец. Она больше подходит для обезьян, чем для человека; и, принимая во внимание, что ее размеры — всего лишь 75 футов в длину и 40 в ширину, что баржа принимает на борт зараз восемьсот душ, очевидно, что она нуждается в дополнительных мерах по вентиляции.

Из клетки, спустясь по трапу, можно попасть в спальные отделения; их три, длиной от 40 до 70 футов, шириной все одинаковые, 40 футов, и высотой около 7. Одно из этих отделений отведено для размещения женщин и детей, остальные предназначены мужскому полу. По центру их расположены два яруса двойных спальных нар, арестанты укладываются на них перпендикулярно основной оси, головами к киллю, образуя четыре тесных ряда. Нары сколочены из деревянных плах. Подушек не предусмотрено, даже деревянных, но арестанты не брезгают использовать в этом качестве свои шинели или любые мешки, что у них имеются. Арестанты, что нам встречались, могли иметь при себе все, что угодно, от оловянной кастрюли до большого зонта.

Наш знакомец не без назойливости убеждал нас отправиться посмот-

Тюремная баржа на р. Оби.

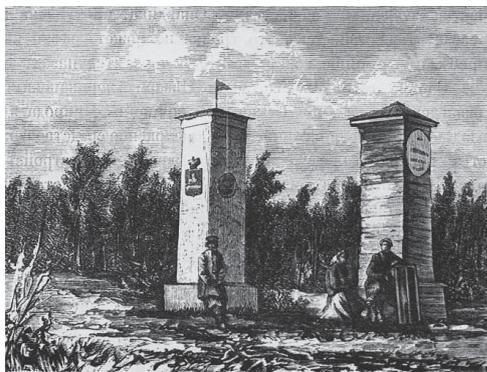
Ил. из книги Г. де Уиндта "From Peking to Calais by Land." (London, 1892)

реть тюрьму, и вызывался быть провожатым. Стоило большого труда от него отвязаться. Тюрьму мы почли за лучшее не посещать. Не хотелось быть «задержанными по подозрению», чего, вероятно, можно было бы ожидать, если бы местные власти обнаружили нас у тюремных врат в компании бывшего арестанта. Впрочем, последний легко утешился двумя рублями. Когда мы с ним расставались, он стоял посередине грязной дороги, низко нам кланялся и призывал бесчисленные благословения на «*Ingliiski gospodin*». Проезжая двумя часами позже по этому месту мы обнаружили его лежащим навзничь на тротуаре, мертвецки пьяного! Две пустые водочные бутылки лежали рядом.

Судя по ценам на провизию и хлеб, жизнь в Тюмени, должно быть, обходится дешево. Говядина и баранина здесь стоят столько же, сколько и в большей части Англии, а вот пшеница, и так обычно дешевая, в 1887 г. стала продаваться совсем за бесценок, и стоила в Семипалатинске, что в Южной Сибири, по восьми копеек за пуд... Многие воображают себе, что Уральские горы весьма высоки и вид их величав. Хотя протяженность хребта превышает семь тысяч миль, его высочайшая вершина не достигает шести тысяч футов над уровнем моря, а в том месте, где хребет пересекает железная дорога, он едва достигает двух тысяч футов высоты. Ни одна из уральских вершин не бывает покрыта снегом круглый год. Неподалеку от города Екатеринбурга, на обочине великого почтового тракта, установлена большая каменная колонна, на одной стороне которой вырезано слово «Европа», на другой — «Азия». Она обозначает границу между двумя частями света. Во всей Сибири вы не найдете места, с которым было бы связано большее число печальных воспоминаний. С 1878 г. мимо этого столба проследовали в Сибирь не менее одного миллиона восьмисот тысяч ссыльных, а с начала века — еще полмиллиона мужчин, женщин и детей. Основание колонны покрыто грубо вырезанными надписями, оставленными теми, кто прощался здесь со своей родиной. Существует обычай делать здесь привал и позволять ссыльным, многие из которых уходят в Сибирь навсегда, попрощаться с

Столбы на границе Тобольской и Пермской губерний близ д. Марковой.

Ил. из сб. «Живописная Россия» (Санкт-Петербург, 1885)

Европой. Путешественники нынче больше не проезжают поблизости от него, поскольку железная дорога из Перми в Тюмень далеко уклоняется от этого места. Граница Европы и Азии при поездке по железной дороге обозначается тремя станциями. Эти станции, расположенные друг от друга милях в десяти или около того, именуются «Азия», «Урал» и «Европа». 29 сентября, в десять часов утра, мы проехали по железной дороге из одной части света в другую и к полудню достигли города Екатеринбурга.

28.

[1888, май] *Минор О.С. Это было давно. Воспоминания солдата революции.* Париж, 1933. С. 39–45.

Минор, Осип Соломонович (1861–1934), народоволец. В 1887 г. был приговорен к десятилетней ссылке в Восточную Сибирь. Воспоминания М. о путешествии в ссылку впервые опубликованы в 1919 г., то есть спустя более чем три десятка лет после событий. Партия М. была отправлена из Московской пересыльной тюрьмы 4 мая 1888 г. Тюменский эпизод воспоминаний М. посвящен обстоятельствам побега У.Н. Федоровой (1865–?).

Наконец, мы добрались до Тюмени... Нас вновь посадили на баржу, на которой мы должны были ждать дальнейшего путешествия. В Тюмени нам удалось устроить исчезновение Уст. Федоровой. Побег был интересен...

Сейчас же после прибытия в Тюмень нас всех перевели на баржу и поместили в трюм. Был конец мая.

Душно и жарко в трюме. Манит солнышко, манит чистый воздух, гладь речной воды. Необходимо во что бы то ни стало поговорить с капитаном, чтобы позволил проводить время на палубе, окруженной решеткой и охраняемой со всех сторон часовыми. Наш староста, Клинг, отправился для переговоров и, чтоб добиться права гулять на палубе, вынужден был дать слово, что никто не убежит... Трудно было это сделать Клингу, который знал о готовящемся побеге. Но что делать?

Итак, прогулка на палубе разрешена. Мы все высыпали из трюма и рассеялись по всем уголкам палубы. Немного нужно было времени, чтобы оглядеться.

Наша баржа кормой причалена к корме другой баржи, стоящей у самого берега и служащей временной пристанью. С самого утра к нам на корму стали приходиться группами местные крестьянки, приносящие для продажи творог, шаньги, зелень и т. п. Костюмы крестьянок очень похожи на костюм жены Ярцева. Осмотр постов обнаружил, что на обоих бортах имеется по часовому, на носу и на корме. Настроение часовых хорошее. Они охотно вступают в беседу, угощают табачком и разной мелочью. Нас пускают всюду. Мы ходим чаще всего на корму, чтобы купить продуктов.

Это не обращает на себя особого внимания. Людям пить-есть надо, ну и покупают. Все эти наблюдения сразу же показали, что здесь можно попытаться устроить побег одной из каторжанок.

Наскоро собралась небольшая группа товарищей — М. Гоц, Г. Клинг, А. Гаусман, Н. Зотов, и нами быстро был выработан план — переодеть У. Федорову в костюм крестьянки, дать ей в руки тарелку с творогом, закрытую платочком, и предложить ей в момент, когда на корму придут торговки, и мы станем с ними торговаться, вмешаться в толпу и вместе с ними уйти спокойно на берег...

План рискованный, смелый, ибо часовой может заметить и либо дать тревогу, либо заколоть... Рискованный, но возможный.

У. Федорова сейчас же согласилась выполнить его, хотя бы и пришлось рискнуть головой. Нам оставалось по возможности ослабить опасность и устроить так, чтобы побег, если он удастся, был открыт конвоем как можно позднее, для того, чтобы Федорова успела уйти подальше.

Мы решили прежде всего занять всех часовых разговорами, песнями в тот момент, когда Федорова должна будет рискнуть... На палубе, обращенной к берегу, часового взялся занять покойный А. Гаусман, на другой палубе и носу — двое других товарищей, а на корме вести торговлю с крестьянками, мыть посуду, занять часового должны были я, Вера Гасох (Гоц), А. Шехтер (Минор) и еще несколько человек. Оставалось назначить время побега. Выбрали следующее же утро, чтобы не откладывать и не обращать на себя внимание.

Таким образом, план побега готов. Но этого мало, надо было считаться с ежедневными поверками утром и вечером. Нас не заставляли вставать на поверку в

***Арестантская партия,
отправляющаяся из Тюмени
в Восточную Сибирь***

*Ил. из книги Дж. Буэла
"Russian Nihilism and Exile Life
in Siberia" (Philadelphia, 1891)*

строй. Старший унтер-офицер считал утром на палубе, во время прогулки, а вечером в трюме, когда мы располагались на нарах. Чтобы не дать часовым и старшему освоиться с лицами каторжанок во время прогулок, их старые халаты накидывали на себя другие женщины и часто не три, а четыре, а вечером, на поверке, У. Федорова улеглась на нары и закрылась так, чтобы ее лица не было видно. Ее окружала на нарах группа товарищей, ведущих оживленную беседу. Поверка прошла благополучно. Унтер насчитал ровно столько, сколько надо было — 72 арестанта. Наша мысль была — и на следующий день во время вечерней поверки улечься вокруг У. Федоровой, а ее закрыть опять халатом, как хворающую.

Наступило утро. В 6 часов Федорова переделалась в костюм Ярцевой, взяла тарелку с творогом, а мы все, участники, заняли свои посты.

Наступил решительный момент. Мы старались сохранить внешнее спокойствие и ничем не выдать серьезности положения. Я занял свое место на корме и мыл посуду, зорко следя за поведением часового, стоявшего у самого прохода с нашей баржи на другую. Другие товарищи, Анастасия Шехтер, Вера Гассох, М. Гоц и Н.Л. Зотов всячески отвлекали внимание часового, занимая его разговорами, особенно в то время, когда стали появляться на корме торговки. Мы старались всячески производить как можно больше движения на корме, усиленно торгуясь с крестьянками и подыскивая момент, когда бы Федоровой можно было незаметно выйти на корму и начать нам предлагать тарелку с творогом. Торговок появилось уже довольно много.

— Тетенька, почему яйца?

— Тетенька, чего стоят шаньги? Сколько за творог? Ну ладно, давайте сдачу с рубля. — Нету-ти! Сходи, принеси медных!

Разговор торговый шел вовсю. Одни торговки приходили, другие уходили. Одни тарелки переходили к нам в руки, другие возвращались к торговкам. А в это время часовых занимали в разных пунктах; особенно около нас старались отвлечь его внимание так, чтобы взоры его были обращены в сторону от досок, по которым проходили торговки.

Но вот момент выбран. Незаметно появилась Федорова; у нее в руках тарелка. Разговор короткий. Надо спешить.

— Сколько за творог?

— Двадцать копеек. — Уплачено. Тарелка взята... Часовой отвернулся, чтобы закурить папиросу... Мне показался этот момент вечностью. Мы замолкли... Устинья Федорова смело идет рядом, около часового. Вот она уже на другой барже...

Мы, затаив дыхание, продолжаем, как ни в чем не бывало, торговаться, работать, говорить, шутить... А в душе вопрос: что с ней? Удается ли ей выбраться с баржи на берег? Она по нему должна пройти.

Мы ее увидим! Прошло не больше 1,5 минут. Я побежал на палубу, с которой виден высокий берег.

— Ушла, шепнул я Гаусману и Руссу. Они взглянули на берег, и в этот момент мы увидели, как она по краю берега спокойно, неторопливо шла... Не удержались бывшие здесь товарищи и бойко, вдохновенно запели «Дубинушку»... Ушла! Но дойдет ли туда, в Россию, за границу? Что будет с ней, молодой, энергичной, смелой? Что ждет ее в жизни?

Минут через десять я пошел по поручению товарищей предупредить некоторых, не знавших о побеге Федоровой, чтобы они ее не звали громко по имени. Я подошел к А.В. Быстрицкому. Осторожно разбудил его и говорю тихонько, на ухо:

— Александр Васильевич! Знаешь, Усти здесь больше нет. Она ушла. Когда выйдешь на палубу — не зови ее!

— Что ты дуришь! Чего выдумываешь? Это невозможно! Она бы сказала мне! Да и неправда это! Не верю! На кой черт ты меня обманываешь!

— Да нет, ты успокойся, не шуми! Это правда, будь осторожнее, чтобы другие не обратили внимание. Иначе можем ей повредить.

А. Быстрицкий, обиженный, умолк. Быстро оделся и пошел бродить по барже, чтобы убедиться, что я не подшутил над ним.

Другие товарищи, узнав о событии, были бесконечно рады, но некоторые — нечего греха таить — были недовольны.

— Это безнравственно, — горячились они, — подвергать риску целую группу людей, чуть ли не 75 человек, из-за спасения одного, да и, может быть, не лучшего. Вы обязаны были всех нас спросить, согласны ли мы, чтобы при таких условиях устраивать побег.

— Да и как вы посмели устраивать его, — горячились третьи, — когда дали капитану слово, что никто не убежит? Это безнравственно.

Мы молча выслушивали упреки, ибо наперед предвидели их. Отвечать — значит спорить, горячиться. Крик, шум поднять... А нам надо все сделать, чтобы побег скрыт был подольше. Ну, и отмалчивались...

День прошел в возбужденном состоянии. Наступил вечер. Поверка идет. Наскоро мы сладили чучело, уложили его на месте, которое занимала Устинья Федорова, прикрыли чучело серым халатом и, севши на корточки кругом него, читали вслух какой-то рассказ. С трепетом ждали проверки. Решетка наконец открылась. Вошел старший с ефрейтором, остановился у двери и глазом сосчитал арестантов. То же проделал ефрейтор и, подняв руку к козырьку, доложил старшему:

— Семьдесят пять!

— Ну, вот насчитал! Их 74, а ты уж и 75 сосчитал. Ну, ладно! Верно. Все на месте. Спокойной ночи,

— Ух! — Мы спокойно вздохнули. До утра. А там опять волнение перед поверкой...

Так мы прожили 11 дней. Вплоть до Томска, где кончалось наше плавание по рекам, два раза в день мы волновались. Одно время, день на 7-й или 8-й, даже сами хотели заявить об исчезновении Усти... Но воздержались.

Побег был открыт в Томске.

В середине июня 1888 года мы подплывали к Томску.

29.

[1888, июнь] *Успенский Г.И. Поездки к переселенцам*. I. От Казани до Томска и обратно // ПСС. Изд. 6. Т. VI. СПб., 1908. С. 21–22.

Успенский, Глеб Иванович (1843–1902), русский писатель. Весной 1888 г. задумал поездку в Западную Сибирь «с исключительной целью видеть положение переселенцев». 10 (?) июня 1888 года У. выехал на пароходе из Казани в Пермь. Из Перми по горнозаводской железной дороге У. проехал в Тюмень, куда, вероятно, прибыл 16–17 июня. В Тюмени У. провел около двух недель, знакомясь с переселенческим движением, затем на пароходе отправился в Томск, куда прибыл 13 июля. Очерки У., впервые опубликованные в 1888 г. в «Русских ведомостях», хорошо известны и неоднократно переиздавались. Тюменским переселенцам посвящены V и VI из очерков. Ниже приводится лишь небольшой отрывок V очерка.

...Переселенческая станция, конечно, была первым местом, которое я посетил по приезде в Тюмень. Да и во все короткое время пребывания в Тюмени мне невозможно было уделить даже и малую часть времени, чтобы познакомиться собственно с Тюменью. Не мог я, конечно, не заметить, как хорошо место, где расположен этот город, как удивительно хороши берега и самая река Тура; но не мог не пожалеть, что тюменский обыватель не сумел сбереечь для себя этого великолепного изгиба высокого берега, хотя бы для своего отдохновения, для прогулки; ведь вид-то какой! Тюменский обыватель устроил с этим берегом совершенно неблагообразные вещи; пройти по нему с одного конца до другого невозможно; можно видеть его только тогда, когда улица упрется в самый берег; а там, где она уперлась и где вы подумали, что, наконец, можете идти направо или налево по берегу, там, под углом к этому берегу, начинается новая улица, вправо или влево, застроенная домами, за которыми опять не видно берега. Кроме сожаления о пропаже этого чудного вида на простор долины за р. Турой, пожалел я и о самой реке.

– Что это, как будто чем-то пахнет? — спросил я сторожа в купальне.

– Это еще слава богу! Сегодня воскресенье, заводы не работают; а как в будни, да пустят они свою грязь, так чистодохнуть невозможно!

Как раз против купален расположились кожевенные заводы, специальное дело Тюмени. При более подробном разговоре об этом деле оказывается, что «ничего невозможно поделать», ни купально не нести, ни заводов.

Молва гласит, что об этом идет уже давно речь и толки, но все «ничего невозможно». Купальню даже и вовсе невозможно перенести ни выше, ни ниже: выше будет далеко, а ниже — начинается уже настоящий кожевненный смрад. Таким образом, и место хорошо, и вид великолепный, и река «лучше не надо», а купаться нельзя, потому что можно, во-первых, заболеть какой-нибудь кожной болезнью, а во-вторых, даже и задохнуться.

Но что действительно хорошо в Тюмени, это, во-первых, все, что делается по переселенческому делу, и, во-вторых, все, что касается удобств, связанных с передвижением и перевозкой по Тоболу и Оби. Пароходная набережная превосходна: снабжена всеми удобствами для загрузки и выгрузки товаров, для рабочего и проезжающего, подъездные пути удобны, вымощены, словом, все сделано вполне хорошо. Для проезжающих, кроме всех этих удобств, на пристани гг. Игнатова и Курбатова устроены даровые помещения, номера и общие комнаты, где проезжий может жить, в ожидании парохода, бесплатно. Этого нигде я не встречал и не видал.

Но опять-таки повторяю, что самое лучшее и самое важное, что только есть в Тюмени, это именно «переселенческий пункт»...

30.

[1888, сентябрь] *Обручев В.А. Мои путешествия по Сибири.* Москва; Ленинград, 1948. С. 6.

Обручев, Владимир Афанасьевич (1863–1956), русский геолог и географ. Осенью 1888 г. проследовал с семьей в Иркутск для занятия должности геолога при Иркутском горном управлении.

1 сентября по старому стилю мы с женой Елизаветой Исаакиевной и сыном Володей выехали из Петербурга до Нижнего Новгорода (ныне г. Горький) по железной дороге, затем до Перми (ныне г. Молотов) на пароходе по Волге и Каме, от Перми до Тюмени через Урал опять по железной дороге. Отсюда начинались сибирские условия. Тюмень поразила нас глубокой черной грязью на немощных улицах, сибирским хлебом в виде кольцеобразных калачей из серой пшеничной муки и дешевыми пушистыми коврами грубой работы; один ковер для путешествия на лошадях мы приобрели. В Тюмени пришлось сесть на небольшой пароход, который вез нас два дня по извилистой реке Туре и потом по р. Тоболу до г. Тобольска на Иртыше, где мы пересели на большой пароход.

31.

[1888, ноябрь] *Алексеев П.С. Как, бывало, езжали. Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу // Русский вестн. 1899. Т. 263, окт. С. 600–607.*

Алексеев, Петр Семенович (1849–1913), врач, помощник областного врачебного инспектора в Чите. 25 ноября 1888 г. выбыл с семьей из Москвы в Забайкалье на службу. «По рельсам между Москвою и Нижним, Пермью и Тюменью мы ехали один день и три ночи, а на лошадах остальную часть пути – тридцать пять суток» (с. 594).

Из Перми мы выехали в сумерки. Железнодорожный вокзал красив, удобен, даже роскошен. Много народа толпилось на платформе — все больше гуляющие по случаю воскресенья горожане; провожающих было мало, едущих еще меньше — почти никого. Без шума и суеты пассажиры заняли места в вагонах, всякий из них занял, сколько хотел мест. Движение здесь ночное; выехав в 5,5 час. вечера из Перми, прибываешь в 4 часа утра в Тюмень. Из 35 часов езды только в течение 8 часов светило нам солнце; луна озаряла путь наш в пятом часу дня. Через Урал проезд удобен и комфортабелен; вагоны чисты, на станциях хорошие буфеты. За Тюменью мы на пять лет простились с рельсами и паром; в широтах, в которых мы находились, вокруг света плыли пароходы и бегали поезда, но здесь вплоть до Владивостока тогда зимою был гужевой перерыв, обнимавший всю Сибирь.

Урал, Барабинская степь, Байкал и Яблоновый хребт самые замечательные местности между Москвою и Читою, встретившиеся на нашем пути. Будь они на стоверстном расстоянии друг от друга — их стоило бы посещать и любоваться ими; но разбросанные на шеститысячном расстоянии верст они пропадают и представляют слишком мало интереса даже для самого увлекающегося туриста-энтузиаста. Один только Байкал может считаться оригинальною, красивою и грандиозною по своему характеру местностию — он один и достоин только посещения. Все остальное в Сибири от Урала до Тихого океана заурядно. Однообразие природы навеивает тоску на путника, проезжающего по тракту...

<развернутое сравнение Сибири с Америкой, которая гораздо разнообразнее.>

Но все-таки Байкал разнообразит Сибирь; когда из Москвы будут ездить во Владивосток в вагонах, то, следуя Сибирью, можно просидеть за винтом и между роверами встать поглядеть на прелести Байкала; а Урал переваливают и теперь, уже не замечая, что находятся в горах. Урал из вагона представляется холмистою лишь местностию⁵.

<...> Переезд наш из Европы в Азию совершился чудною ночью, при полной луне и ясной погоде. Сейчас за Пермью пошли еловые леса на холмистой местности вплоть до Тюмени. Только по долине реки Чусовой были ущелья и на короткое время не стало видно хол-

⁵ Конец I главы. Далее следует текст следующей главы, посвященной путешествию из Европы в Иркутск.

мистых площадей и широких горизонтов; рельсы лежали среди зеленых стен елей, на подъемах виднелись верхушки елей, на вершинах сплошные массы елей и вплоть до горизонта все темнели ели и ели. Станции Европа, Урал и Азия относительно особенностей местности не представляли исключения, — даже станция Урал на самом перевале зауядна и не живописна. На станции Азия вид хотя и панорамный и горизонт далекий, но, кроме снега и елей тоже ничего не видно. Около Екатеринбурга мы были уже днем; город виден издали. Станция Нижне-Тагильск роскошна по архитектуре и внутреннему убранству. Город окружен хвойными лесами; он лежит в обширной долине, окруженной невысокими горами, — трудно верится, что в такой плоской, холмистой, но не горной местности — центр горнозаводской деятельности. Общий вид на Нижне-Тагильск издали таков же, как вообще виды на сибирские города: серая полоса деревянных строений в зеленой рамке лесов.

Солнце, еле поднявшись над горизонтом, в четвертом часу закатилось; сумерек не было, — луна сейчас же после вечерней зари ярко заблестала; разницы в силе света, казалось, было мало; на белом фоне снега все выделялось резко и отчетливо, как днем. Природа крайне бедна между Тагилом и Тюменью; плоская равнина, местами поросшая убогим кустарником, тянется по обеим сторонам пути; когда прислушаешься к шуму колес, слух настолько притупится, что не слышишь более движения поезда, и как в открытом море при быстром ходе океанского парохода, кажется, что стоишь на якорю, потому что не с чем сравнить проплываемое пространство моря, так и в пустынной местности чудится, что стоишь на месте, потому что из окна вагона виднеются все тот же снег, все те же березки и елки, все в том же числе и той же формы.

Тюмень, «ворота Сибири», жалкий город. Здесь конец железнодорожного пути и начало водного. Местность вокруг города ровная, плоская; в городе овраги и обрывы. В Тюмени мы купили укладистую казанскую повозку, в которой прожили месяц. Доехали мы в ней до города Верхнеудинска за Байкалом, сделав в ней четыре тысячи верст; ее пришлось продать за бесценок, потому что дальше по Забайкалью и зимой трясутся на оси. За Верхнеудинском пришлось ехать на перекладном экипаже, то на санях, то на колесах, перекладывая каждые два-три часа все свои вещи из саней в сани, из повозки в повозку, из саней в повозку и наоборот; чем дальше, тем покойнее было ехать, — вещи знали свое место, и нам как бы делалось просторнее при умелой раскладке багажа.

Из Тюмени нас вез старик-ямщик, имевший облик зверя; кроме шапки, на нем были меховые рукавицы, и весь он был мохнатый, в козьей дохе с двойным воротником. Он занимал весь передок повоз-

ки свою длинношерстою фигурою. Громадного роста, в тулупе под дохою, ямщик этот загораживал нам вид из-под намета, но глядеть было не на что, и дни и ночи проходили в дремоте и сне. От Тюмени до Багандинской станции официальных 29 верст, «ездовых» 32. Дорога самая безотрадная и унылая, все пространство необитаемо; вся равнина — не то лес, не то степь; деревья низки, корявые, стоят врозь, чащей нет; все кажется что выезжаешь из леса. Следующая, Романовская, почтовая станция немногим лучше, — она лесиста, но тоже пустынна: на протяжении тридцати верст мы миновали только две заимки крестьян. Подъезжая к Романовской станции, когда мы следовали селением, шапка за шапкой влетали к нам в повозку. С этой станции вплоть до Томска мы ехали на вольных, и без подорожной. По шапкам кидали жребий и разбирали, с каким вольным ямщиком нам приходилось ехать. Как мы позднее узнали от людей бывалых и знакомых с Сибирью, ехать в одну повозку на вольных большой риск. По здешним местам следуют всегда в два-три экипажа, и если пускаются в одну кошеву, то лежат в ней втроем, вчетвером. Под конец езды на дружках под самым Томском нам объяснили, что мы попали к хорошим дружкам, что нам «фартило» (фарт — счастье), что мы «следовали доброй путинки», что наша «веревочка» была надежная; из этого мы поняли, что могло быть и иначе. Когда мы миновали глушь, ямщики под Томском рассказывали нам, как, бывало, проезжих заваживали туда, откуда они не возвращались. Сами же «дружки», когда большая часть пути была уже сделана и приходилось скоро брать почтовых лошадей, предостерегали нас от дружков, советовали, так как мы были лишь вдвоем и об одном экипаже, не ехать на вольных, а брать почтовых. Прописью подорожной на станциях можно запечатлевать свой след, вольная же езда — езда темная. Под городами, где «боязно», ямщики запрягали вторую повозку и ничего за нее не брали, чтобы обратному ямщику не жутко было возвращаться.

<Население вдоль тракта.>

Когда мы ехали на вольных, монотонность казенных станций заменилась разнообразием ямщицких домов; то завертывали мы в уютную хижину, то останавливались перед двухэтажным домом. Везде нам был радушный прием; семейства ямщиков и их случайные гости подсаживались к нашему чайному столу и расспрашивали про Европейскую Россию. «Веревочка» наша отличалась тем, что лошади везде были одинаково хороши, а хозяева всегда разного достатка. За одну и ту же цену запрягали разное количество лошадей — от трех до шести. Переезды были все большие — верст по тридцати. Часа два-три езжали мы, не видав ни жилья, ни заимки, ни юрты, ни шалаша зверолова. И телеграфные столбы, вечные спутники наши, покидали нас дня на

два, на три; иногда мы сворачивали с тракта и ехали, как выражались ямщики, «целиной». Раз, чтоб миновать город Омск, мы «пробежали по тетиве» или «струне», то есть сократили путь, минуя загиб тракта. По окраинам Барабы — Барабинской степи — селения не растянuty в длину как обыкновенно по тракту; строения в них стоят кучками, иногда даже не улицей, а как попало, вразброс. Утлые лачуги обвалены навозом. Огромные стога сена стоят около жилищ и высются над ними. Часто видны дерновые крыши на жильях и деревянные трубы. Снега было много в этой степной местности. С Тюмени до Читы мы не встречали ни одного селения, около которого на околице не было бы гор навоза. Земля здесь сама родит, «назем» выветривается и пропадает, вывезенный и сваленный недалеко от жилья.

Лошади всегда были готовы для нас, мы в степях нигде не ночевали; ямщики запрагали не спросясь и часто приходилось спешить с чаем. Прибыв в селение, мы не останавливались на улице, как то бывало перед почтовыми станциями, а въезжали в «оплот» (забор во внутрь двора). Ворота распахивались перед нами, потому что домашние ямщиков по гулу колокольчиков узнавали своих «дружков». В богатых домах мы по крутой лестнице подымались в «горницы»; внизу пол был устлан сеном или соломой; там сушилась сбруя, «отходили», а затем и грелись ямщики. Наверху пол, косяки дверей, колоды окон, столы и лавки были мыты и выскоблены песком; все блистало такою чистотой, о которой у нас в крестьянском быту и понятия не имеют. Стены и печи были белены. Для быстрого разогревания проезжих и их клади при приезде во всякое время дня и ночи около громадных кирпичных или каменных печей стояли крошечные железные печи. В иных домах двери и окна раскрашены были яркими масляными красками. В этих размазках преобладали темнозеленые колера с красными по такому же фону разводами. Узорчатые, пестрые самотканые скатерти покрывали столы и угольники — трехугольные столики о трех ножках в углах комнаты; этот угольник за Уралом встречается повсеместно. «Красного угла», как то полагается в русской избе, мы не встречали. Икон в ризах и богато украшенных, икон древнего письма мы тоже не видали; лампад нигде не было; перед иконами поперек угла приделана планочка, на которую втыкают или к которой прилепляют восковые свечи. Посуда и самовары подавались всегда чистыми, неизменно при этом являлись и «калачики». Это круглые, витые булки из непросеянной пшеницы. Хлеб этот темнее московского пеклеванного и светлее ржаного хлеба. Часто вкусные, эти калачики были мерзлы насквозь; иной раз они подавались теплыми, мягкими снаружи и мерзлыми внутри. Яиц и молока в этой степной местности достать можно было в изобилии, не глядя на пост. «Ездоки» по Сибири живут дорогой на чаю, калачиках, яйцах, молоке и пельменях; только везут последние в мо-

роженном виде, в мешках. В езде много испаряется влаги и потому является потребность пить что-нибудь, — «чаевать», по сибирскому выражению, приходится много и часто. Ямщики на дорогу спиртных напитков не пьют, они по опыту знают, что крепкие напитки ни в малом, ни в большом количестве в дороге не годятся; они говорили, что если и мало выпить, садясь на козлы, пуще забнешь, нежели не выпивши ничего.

Проехав Ялуторовск среди белого дня, мы только по выезде из него, уже в степи, от ямщика узнали, что были в городе; таков уж город Ялуторовск, что в нем самом его не заметишь; жалкий Тюмень и тот краше.

Названия следующих до Ишима мест наших остановок указывали, что тут край еще новый, недавно заселенный; мы проехали Новоизаимку, Вагайское Зимовье, Гольшманово. Лошади здесь в изобилии, — чуть очередная тройка оказывалась послабее, без хлопот и толков задаром припрягали пару. За троечную цену везли нас на пятерке и на шестерке при двух ямщиках; передний из них всю дорогу стоял в салазках, соединенных с повозкой длиною «привязью». Он погонял свою пару или тройку, которая прокладывала след по «убродистой» дороге. Здесь снега давали себя знать; мы иной раз медленно двигались, ныряя в ухабы (по-сибирскому — «нырки») и тащась по замеченному следу. Хорошо еще, что нам между Томском и Тюменью не встречалось обозов, этой главной препоны езды. С Тюкалинска мы свернули с тракта...

<Еланская станция. Бараба. Каинск. Искульская станция. Колывань. Томск.>.

32.

[1889, лето] *Макаревский А.Н. Политическая ссылка 1889 года: из воспоминаний* // Пути революции: ист.-революционный журнал. Харьков, 1926. № 4 (7). С. 91.

Макаревский, Алексей Николаевич (1863–1942). Врач-ветеринар, народо-волец. В мае 1888 г. был сослан за государственное преступление в Якутскую область. Партия М. двигалась в Сибирь обычным путем ссыльных партий.

В Сибирь мы все вступали по железной дороге из Перми до Тюмени, и я помню, с каким волнением мы ждали знаменитого столба на Урале с надписью Европа—Азия. Мне кажется, что здесь поезд (дело было днем) шел сравнительно тихо. К слову, из Перми вся арестантская партия (много уголовных, а политических 27 человек) прямо была погружена на баржи в вагоны специального поезда, который доставил нас до Тюмени.

Здесь нас почему-то долго не выгружали, и мы с большим любопытством и тревогой смотрели на «Сибирь», не находя никакой раз-

ницы с Россией. Нас повели в знаменитую когда-то пересыльную огромную тюрьму, где по временам скоплялась масса арестантов, ждущих отправки.

Насколько помню, нам дали очень большую, но темную и грязную отдельную камеру, которая днем не запиралась, и мы могли ходить по всему большому двору до довольно ранней поверки.

Здесь-то мы впервые начали учиться настоящим сибирским порядкам и прежде всего под руководством опытных уголовных арестантов стали перепаковать свои вещи, выбрасывая многие ящики, ящички и даже чемоданы, какими запаслись в Москве. Хотя до Томска еще предстоял дальний водный путь, но нас учили, какие укладки мы должны иметь для дальней перекладной дороги с перегрузкой на каждом этапе. Нам говорили, что в Томске мы можем и не успеть этого сделать. Одним словом, началась первая полезная «сибирская наука». Удивлялись мы свободе действий уголовных арестантов. Здесь впервые арестанты начинали чувствовать себя особою сплоченною арестантскою артелью со своими упрощенными законами. Тюремные надзиратели также как-то проще относились к арестантам и не третируют их на каждом шагу.

За политическими был строгий надзор. Еще бы, ведь совсем недавно каторжанка Федорова убежала каким-то чудесным образом, секрета которого еще не знали в тюменской тюрьме.

Здесь мы просидели, если не ошибаюсь, с неделю, когда были перегружены на большую арестантскую баржу. Для нас, политических, была отведена отдельная камера в трюме, на палубе же отделена особая боковушка, где мы проводили весь день.

На этой барже мы плыли довольно долго — во всяком случае, более недели. Нигде мы подолгу не останавливались, даже в Тобольске, где приняли дополнительно уголовную арестантскую партию. Мы весь день проводили в своей боковушке, с которой был виден один только правый берег рек Туры, Иртыша и Оби. Мы очень жалели, что не могли видеть обоих берегов, но на палубу к уголовным нас не пускали. Вообще после таинственного побега Федоровой конвойные боялись нас.

<Особенности надзора за автором.>

Благодаря правой боковушке, мы видели единственный город на пути — Тобольск, часть которого так красиво расположена на высоком берегу Иртыша. Под Сургутом мы видели беспредельную Обь и унылые берега этой северной реки. Здесь подъезжали к барже остяки, но все это я помню сейчас, как в тумане.

Ю. Мандрика

Рваная резина в технологии выхлопной трубы *Теоретики тюменского книгоиздания в поисках идентичности*

19 октября [1911]. Злиться я не имею права ...потому что обеспечен деньгами и могу не лстить и потому, что сам нисколько не лучше тех, о ком пишу.

А. Блок. Дневники.

Выход в свет учебного пособия «Очерки истории тюменской книжной культуры»¹ в Год книги несомненно должен был стать ярким моментом в жизни кафедры издательского дела и редактирования Тюменского госуниверситета, которой нынче исполняется 10 лет. Хорошая бумага, цветные иллюстрации (правда, иногда покрашенные с помощью компьютерных технологий), солидный авторский коллектив: имя каждого из его участников — на слуху. Более того, уже в предисловии Н.П. Дворцова на полном серьезе угрожает читателю актуальными в «настоящее время» точками зрения на развитие тюменской книжной культуры. При этом анонсируется, что «многие сведения опубликованы

впервые» (с. 6)². Порадоваться бы столь знаменательному событию в жизни города, наконец-то дождавшемуся изучения еще части культуры прошлого. До революции 1917 г. все значительные события происходили все-таки в столице губернии — Тобольске. А об этом уж писано-переписано столько, что иногда застрелиться от изобилия хочется. А в очень свежем издании «воссоздается прежде всего книжная культура города Тюмени» (с. 11). Но последней явно снова не повезло.

Оказывается, что без В.Я. Корнильева и «Иртыша, превращающегося в Ипокрену», мы — ничто! И первые шестьдесят страниц текста, четвертая часть книги, посвящены предшественникам, ко-

¹ Очерки истории тюменской книжной культуры: уч. пособ. / под рук. Н.П. Дворцовой. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. 240 с.

² Здесь и далее в круглых скобках указывается страница рецензируемого учебного пособия.

торые были где-то не здесь. Так что перетягивание одеяла с провинции в центр — дело непростое. И иногда, как в анекдоте: «выше-выше-выше! О, хорошо!», то ноги, то голова все-таки мерзнут. Плохо, когда такое случается с последней — читатель страдает от перемороженной информации.

Сильно смущает отсутствие разъяснения семантики основополагающего для такой книги слова, как «издатель». Попыткой разобраться с ним, может, и следовало начать учебное пособие. Ибо, если посмотреть любое дореволюционное издание Устава о цензуре и печати, можно легко обнаружить, что разделение на редактора, типографщика и издателя было кодифицировано. Первый контролировал содержание материалов, предназначенных для публикации, второй приводил рукопись в удобный для тиражирования вид и, как теперь говорят, придавал будущему продукту определенную издателем форму, ну, а последний отвечал за финансовую подпитку проектов и соблюдение законности при их осуществлении. На каждый вид

деятельности, связанный с печатным словом, выдавалось свидетельство в двух экземплярах. Один необходимо было предъявлять в типографию, где тиражировалось издание. Физическое лицо могло совмещать все три вида деятельности, но и в таком случае разрешительных документов выдавалось три.

«Панкратий Сумароков... крупнейший сибирский литератор и издатель» (с. 47). Ярлык приклеен. Но уже через пару страниц читаем «“Иртыш, превращающийся в Ипокрену” издавался на средства приказа общественного призрения» (с. 50). И сразу становится понятным, у кого кошелек толще.

Мы встретимся на страницах этой книги, требующей использования профессиональных терминов, не один раз с попыткой использовать слово «издавать» в качестве синонима к «тиражировать»³.

«Книги, *изданные* Корнильевыми...» (с. 54); «*издания* Корнильевых» (с. 57); «в роли *издателя* и *печатника* К.Н. Высоцкий сохранил...», «К.Н. Высоцкий стоит в ряду тех *издателей* XIX

³ (Здесь и далее выделено мной. — Ю.М.). Причина такой путаницы достаточно проста и понятна: незнание истории печати. Исследование эволюции книжного дела в дореволюционный период проводилось с точки зрения «Временного положения об издательской деятельности в РСФСР» от 1991 г. В нем как раз и свалено все в одну большую кучу, включая тиражирование. Документ издавался с целью упорядочения деятельнос-

века...» (с. 63); «книги, *изданные* К.Н. Высоцким, а после его смерти — его дочерью Л.К. Высоцкой» (с. 64). Этот ряд можно продолжать до бесконечности. Хотя мы все твердо знаем, что финансовых документов того времени практически не сохранилось. Советская власть, отдававшая любое печатное слово в область идеологии, безжалостно уничтожала документы, которые могли бы свидетельствовать, что большинство изданий были скорее предметом бизнеса, нежели приподнятых настроений революционных масс. Распоряжениями сверху заставляли провинциальные архивные учреждения выполнять план по сдаче макулатуры (!!!). Архивный фонд торгового дома «Л. и Э. Метцель и К^о», поставлявший рекламу периодике всей России, был уничтожен в 60-е годы XX в. А ведь он многое мог рассказать о финансовом положении провинциальных изданий конца XIX — начала XX в. Сейчас вообще архивным хранилищам запрещено принимать финансовые документы, за исключением зарплатных ведомостей.

От деятельности Константина Николаевича сохранились разве что две коротенькие записки, обнаруженные в РГАЛИ, и рассуждать о его деятельности как издателя наивно и глупо. Но текст упрям: «Самыми распространенными “жанрами” изданных Высоцкими книг являются уставы и отчеты» (с. 64). Неужели кто-нибудь из авторов учебного пособия всерьез думает, что «Устав вольного пожарного общества» отпечатан на деньги владельца типографии? Вряд ли. Но вспомнить при этом Козьму Прутков можно. Он все расскажет о глазах, которым сложно бывает верить.

И даже книгу А.А. Павлова «3000 верст по рекам Западной Сибири: очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби», изданную на деньги тюменского пароходовладельца И.И. Игнатова, считает Н.П. Дворцова не *отпечатанной* в типографии Константина Николаевича, а *вытущенной* К.Н. Высоцким (с. 66). Новыми данными о первом владельце типографии, неизвестными доселе тюменскому читателю, книга не порадова-

ти, связанной с печатным словом: вводилось лицензирование. Давно нет РСФСР, наверное, больше десяти лет прошло после отмены разрешительных документов на право издательской деятельности, но, как видим, ихтиозавры не вымерли, не хотят забывать наше «светлое» прошлое, вспоминая о нем, где надо. Но чаще там, где начинает назойливо папахивать антиисторизмом... Пал очередной Рим, а документ для них жив!

ла меня, хотя и обещала. Новым поворотом, неожиданным взглядом на деятельность нашего земляка могло бы стать осмысление публикаций К.Н. Высоцкого в газете славянофильского направления «Москва» (издатель-редактор И.С. Аксаков), закрытой по решению Правительствующего сената. Но и этого не случилось.

Смущает второе примечание на с. 71. Привожу выдержку из него: «Спорными являются даже вопросы о том, когда К.Н. Высоцкий родился и когда умер. Подчеркнем попутно, что в этой работе о годах жизни первого тюменского издателя принята точка зрения Ю. Мандрики».

Меня как читателя смущают в тексте примечания две вещи.

Во-первых, интересно, почему принята моя точка зрения? Почему никто не решился ее канонизировать, предварительно проверив приведенные мной архивные данные? Указываемые в моих работах годы жизни К.М. Голодникова совсем недавно поставила под сомнение успешный краевед Н.М. Моторина. Она утверждает, что на титуле метрической книги за 1823 г. поставлена дата 1824. Я принял ее точку зрения гипотетически, но съездить в архив (ГАТоб) и проверить результаты своей работы пока не смог. А надо бы... Не получилось бы так и с го-

дом рождения К.Н. Высоцкого. Наконец-то понимаю, что старею... Начал ошибаться...

Во-вторых, почему «первого тюменского издателя»? Таковым себя считал Андрей Арсеньевич Павлов (1850–1892), издавший свою книжечку, отпечатанную в типографии К.Н. Высоцкого в 1873 г. «Русская азбука: о том, как учить читать и писать». Но в учебном пособии об этом ни строки... Искусственная лакуна, которую авторы превратили в культурную яму.

В письме от 14 января 1876 г. А.А. Павлов писал Г.Н. Потанину: «Под бандеролью я посылаю мою азбуку, изданную в 1873 году. По своему внутреннему содержанию она не достигла даже посредственной степени изданий подобного рода и не оправдала цели. Без претензии выделиться из среды заурядных учителей, каким я был в то время, я хотел просто издать лубочную азбуку, которая бы, не отличаясь ценой и наружным видом от московских изданий, нашла место на ярмарочных лотках и таким путем вносила бы в народную педагогию новые приемы обучения чтению и письму. Это, как видите, не удалось по неумению составителя и по дороговизне издания. До сих пор все издание (3000 экз.) лежит. С такой азбукой только и можно было рас-

считывать на продажу с лотка, извиняясь тем, что Леухина и К^о продают и еще худшую стряпню. Представлять в уч[ебный] ком[итет] М[инистерства] нар[одного] просв[ещения] несообразно по самому качеству азбуки, и, следовательно, она не может проникнуть в приходские школы, и так, к сожалению, обремененные подобной дрянью.

...Издательские дела в Тюмени идут плохо. В минувшем году напечатали у Высоцкого два карикатурных альбома “Обрыв” и “Поездка на кумыс”, но, кажется, издателям в убыток. Не можете ли Вы посоветовать, у кого в Петербурге или Москве благонадежнее поместить эти книги на комиссию. Из двух изданий только “Обрыв” проник в Петербург и то в количестве пяти экземпляров».

Как видно из письма, «Обрыв» и «Поездку на кумыс» печатали у Константина Николаевича, а вот об имени издателя — ни слова. Но

последний, судя по употребленному множественному числу, был не один...

Понимаю, что доехать до отдела рукописей Пушкинского дома сложно. Но документ опубликован⁴, увы, как минимум семь лет назад! Более того, в местном издании. Может быть, при знакомстве с письмом А.А. Павлова хотя бы пафос учебного пособия, который может сравниться разве что с возгласами Элочки-людоедки, стал на порядок уравнивоценнее... Я уже не говорю о том, что еще одно серое пятно книжной культуры Тюмени посветлело бы.

Для понимания эпохи весьма показательным письмом «Книжное дело в провинции», в котором его автор писал: «Изведав в провинции типографское, издательское, редакторское, авторское и библиотечкарское дело, я хочу сообщить кое-какие наблюдения»⁵.

Словоблудие о «стратегии Высоцкого-издателя...» (с. 64)⁶ на-

⁴ Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук & Чок. 2008. Авг., вып. 2. С. 159–167. — (Паноптикум).

⁵ Павлов А.А. Книжное дело в провинции: письмо I // Казанский биржевой листок. 1878. 12 окт.

⁶ Творческий зуд, вызываемый изысканиями вокруг непонятого автору параграфа словосочетания, породил блуждающий из статьи в статью штамп: «После Корнильевых сибирское **книгопечатание** развивалось на иных основаниях. Различие особенно очевидно при сравнении репертуара и *издательских стратегий* Корнильевых и тюменского издателя К.Н. Высоцкого...» См.: Дворцова Н.П. Сибирская Ипокрена в век Просвещения // Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкуна-

сколько загостилось в тексте учебного пособия, что приходишь к пониманию: слово «тренд» произошло от русского «трындеть».

Во введении к учебному пособию приведена графика структуры системы «Книжная культура». Последняя начинается с «культурного потенциала общества». Давайте вспомним сообща хотя бы одно тюменское имя, которое бы позволяло вынашивать стратегические планы местному издателю? Да и откуда было взяться последнему в этом, по словам П.М. Головачева, «гнезде народного невежества»⁷?

К непониманию разницы между издателем и владельцем типографии, которая приводит к чудовищным акцентам местной истории, добавляются оформительские ляпы. Их много. Почти как в практикуме для студента, который должен определить, что допускает издательская практика, а что нет.

булы». Екатеринбург, 2014. С. 185–186. — Еще одно издание, цитата из которого приведена выше, заслуживает тщательной порки за редакторскую подготовку. За дуближ информации в разных статьях, отсутствие комментариев при републикации текстов С.Н. Мамеева и А.И. Дмитриева-Мамонова и т.д. В конечном итоге, даже за незнание, чем авторство отличается от составительства. Публикацию «Книги и журналы, изданные в типографии Корнильевых» я бы подписал в лучшем варианте: «Расставлено в алфавитном порядке С.П. Симаковым». Пока последнему явно не до науки. Практическими навыками дела овладеть бы, которое пытаешься исследовать.

⁷ Головачев П.М. Тюмень как гнездо народного невежества // Сибирский листок: 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень, 2003. С. 556–562.

Н.П. Дворцова предлагает студенту рассмотреть один из выпусков журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», хранящийся в отделе редких книг музейного комплекса им. И.Я. Словцова (с. 49). Однако на с. 51 помещена фотоиллюстрация первого сибирского журнала, на титуле которого отчетливо читается фиолетовый шрифт штампа: «Библиотека Тобольского Гос. Музея, инв. №...». На обороте такая же химера с фотографией «Библиотеки ученой, экономической, нравоучительной, исторической и увеселительной в пользу и удовольствие всякого звания читателя». Мало того, что не совпадают названия места хранения экземпляра, указанные в подписи и на штампе, но нам предлагают все-таки рисунок (Рис.), а не иллюстрацию (Ил.), каковой является изображение. Однако гриф учебного пособия оправдывает издательское безобразие, делая его

образцом для подражания⁸ студенту.

Учитывая, что учебное пособие писалось для будущих издателей, необходимо бы делать подстрочные примечания, чтобы студент при обилии последних не искал лихорадочно затекстовые. Читать книги стали меньше, поэтому облегчить сам процесс — задача всех, кто причастен к их выпуску. И учить этому профессионала надо с пеленок. Но если уж решили, что в качестве знака выноски используем квадратные скобки, то уж соизвольте, если специально не оговорено иное, придерживаться издательской практики. Внутри их указываем номер источника, а затем — страницу.

Так, после первой главы помещены источники, на которые ссылается автор. Номера 3, 7, 12 содержат ссылки на одну и ту же статью Н.Н. Покровского; 1, 22, 35 — Р.Х. Рахимова; 25, 26, 27, 28, 29,

31 — на совместную работу Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексеева; номера 14, 24 содержат ссылки на одну и ту же статью А.Ю. Бородихина и т.д. При подстрочных примечаниях без таких повторов просто не обойтись. Затекстовые выноски должны были сократить перечень источников более чем на 10 позиций без потери информации (одна освободившаяся страница)...

Удивляет подзаголовок «Список использованной литературы и примечания». Все, что пронумеровано, — это уже перечень; использовать можно, например, предметы личной гигиены. Так что минус два слова из подзаголовка сразу. Новейшие справочники рекомендуют обозначать злополучные списки «Примечаниями»⁹. А вот параграф «Начало книгопечатания в Тюмени» необходимо завершить по-иному: «Примечания и комментарии».

⁸ Пару лет назад, выйдя уже на пенсию, я решил поинтересоваться, кто придет мне на смену. На защите дипломов будущих редакторов и издателей не увидел ни одного грамотно оформленного титула. Ни на один мой вопрос, касающийся издательской практики, не получил внятного ответа от выпускника университета. Ничего, кроме злости на рекламу будущих специалистов, это не вызывало. Правда, получил замечание от председателя ГАК по другому поводу: много вопросов задаю. Чем же отличаются рецензенты от оппонентов, я так и не смог понять. Но они хвалили результаты исследования так, словно изошрялись друг перед другом: кто лучше скажет. Один из дипломников даже тираж выпущенной книги определить не смог: указание в выходных сведениях на первый завод завело студента в тупик...

⁹ Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора: редакционно-изд. оформление издания / Аркадий Мильчин, Людмила Чельцова. М., 2009. С. 607.

Редакторская подготовка книги была возложена на Н.П. Дементьеву. Ее, наконец-то, удалось отправить на пенсию. И мне, слава Богу, не придется больше столь тщательно читать краеведческие штудии, подготовленные к печати названным редактором. Но лебединая песня Н.П. Дементьевой так часто напоминает крик гадкого утенка¹⁰. Хотя надежда, что мы все-таки вырастим лебедь, была: на одном из региональных конкурсов «Книга года» в номинации «Редактор года» она вошла в число победителей (с. 176).

Следующий параграф учебного пособия написан Н.В. Кармац-

ких. Тема: издатели рубежа XIX–XX веков. Здесь можно прочесть о типографиях, об изданных книгах. А вот с теми, о ком заявлено в заголовке, как-то сложно.

Начинается параграф с ошибки. Это, наверное, брендовое для историков печати Тюмени. Вспомним Е.Н. Коновалову¹¹, А.А. Андрееву¹², названную ныне Н.П. Дворцову... Этим список исследователей не ограничивается, но об остальных — в другой раз...

Учитывая, что тема учебного пособия книжная культура нынешнего областного центра, называть М.С. Знаменского тюменским автором вряд ли корректно¹³.

¹⁰ К этому эпизоду в жизни книги мы еще не раз вернемся.

¹¹ Мандрика Ю. Что раньше? Курица или яйцо? // Лукич. 2003. Окт., № 2. С. 180–181. — В указанной публикации шла речь об учебном пособии Е. Коноваловой «Книгоиздание Тобольской губернии». В новой книге «Книга Тобольской губернии: 1790–1917 гг. Сводный каталог местных изданий» (Новосибирск, 2006) автор в умении пугать читателя превзошла самоё себя. Так, на с. 44 напечатано: «По его [П.А. Рогозинского] инициативе в 1906 г. в городе стала выходить газета «Сибирский голос»». Перед точкой поставлен номер сноски. Внизу страницы помещено примечание. В нем есть ссылка на мою публикацию «Начнем с «Сибирского голоса»», в которой нет ни одного слова о П.А. Рогозинском как авторе проекта. Так что к цитированию из Е.Н. Коноваловой я стану относиться еще осторожней.

Зав. сектором РНБ Е.К. Соколинский отпустил реплику в адрес книги, которую цитируют в учебном пособии под ред. Н.П. Дворцовой: «...становится ясно: составитель Е.Н. Коновалова не знала о существовании электронного Сводного каталога XIX в. шести библиотек, хотя его презентация прошла в 2004 г.». См.: Соколинский Е.К. Региональные сводные каталоги и указатели-репертуары: вопросы полноты и структуры // Библиография и книговедение. 2015. № 1. С. 28.

¹² См.: Мандрика Ю.Л. Мандриков комплекс? Или всего лишь синдром...: опыт самопародирования // Большое городище. 2014. № 1 (34). С. 73–91.

¹³ Атрибуция неустановившихся имен, увы, не получила в учебном пособии должного развития. Так, С.Н. Мамеев представлен в книге краеведом

П.А. Рогозинский (с. 75) никогда не был издателем газет «Сибирский голос», «Вестник Западной Сибири» и «Сибирская новь», как об этом смеет утверждать авторесса¹⁴. Правда, в последнем издании редактором-издателем по документам значилась его жена Е.А. Рогозинская.

Конечно, можно было бы и не заметить эту ошибку, но уже на следующей странице издателем «Сибирского голоса» назван В.П. Бурков. Это правда. Заглянув в любой справочник периодической печати, вы убедитесь в этом. А вот «Тобол», «Тобольский край» и «Тобольский голос» только печатались в типографии В.П. Буркова, а издателями соответственно значились В.И. Про-

сандеев, К.А. Плишкин и Д.М. Титов. Подставными ли они были издателями? Изученные документы того времени об этом пока умалчивают.

В апреле 1917 г. А.М. Афромеев продал свой «Ермак» вместе с типографией, которые были приобретены группой лиц при посредничестве частного поверенного Н.И. Беседных. Издание начало выходить под новым именем. Так что автору параграфа не грешно усвоить, что с мая 1917 г. и до самого прекращения «Свободного слова» издателем был отнюдь не А.М. Афромеев, а группа лиц.

Все это проплешины в знаниях о местной периодике. А как же с книжной культурой Тюмени? Как удалось прозевать ее автору?

(с. 42). В свете последних изысканий с этим сложно согласиться. Обнаруженная переписка (РГБ. ОР; РГАЛИ) представляет нам его скорее как грамотного маркетолога книжной торговли. И лишь потом — автора нескольких краеведческих публикаций.

Увлечшись теорией малых дел, С.Н. Мамеев вначале составлял библиографию Сибири. Затем по отпечатанным рекламным листкам и в обмен на них собирал местные издания, которые начал поставлять в столичные книжные магазины. Не исключено, что благодаря усилиям С.Н. Мамеева в репертуаре библиотек Тобольской губернии многие лакуны сотворены именно им. Ему надо в первую очередь создавать репутацию злодея, способствовавшему, как и И.С. Абрамов, растаскиванию артефактов местной культуры в фонды частных коллекционеров.

¹⁴ Ссылка на статью В.Е. Копылова в Большой Тюменской Энциклопедии [Т. 3; С. 35], скорее всего, ставит под сомнение достоверность самого источника. Уголовный ссыльный П.А. Рогозинский (хищение денежных средств редакции, но никак не «критические статьи в адрес царствующей семьи») согласно существующему законодательству не мог редактировать ни одно периодическое издание. Более того, «Сибирский голос» издавался в 1906–1907 гг., но не в 1908 г., как указывает БТЭ.

Не попало в учебное пособие книжное приложение к «Ермаку», которое получал подписчик на протяжении 1913 г. И репертуар публикаций, помещенных в двенадцати книжках, пока никем не изучен. Может, он как-то подчеркнул бы ошибочность мнения бывшего преподавателя Александровского реального училища П.М. Головачева, после отъезда из Тюмени — приват-доцента Московского университета?

В сводном каталоге, составленном Е.Н. Коноваловой, значатся отдельные оттиски публикаций Н.М. Чукмалдина «Эволюция в валяльном деле» и «Письма из Москвы и Нижегородской ярмарки», опубликованные в «Сибирской торговой газете» в 1897 г. Тюменское книгопечатание не прошло мимо работ литератора Л.М. Корикина-Михайлова (1898, 1901, 1906), воспоминаний старейшего сибирского журналиста К.М. Голодникова (1899), пьес Г.Н. Кгаевского (1902, 1903, 1907), сибирских сказок В.Н. Анучина, воспоминаний П.М. Головачева (1903), очерка «Обдорск» В.Н. Герасимова (1909), фольклора, записанного П.А. Городцовым

(1915)... Не густо, конечно, но и не так убого, как представлено в параграфе, написанном Н.В. Кармацких: что знала, то и написала.

При просмотривании периодики того времени можно обнаружить ряд изданий, которые можно отнести к разряду *desiderata*¹⁵. Уверен, что такую проблему книжной культуры студент должен знать. Вдруг появится тяга к поиску...

Иркутяне упоминают в предисловии к книге Антона Сорокина издание Всеволода Иванова «Тююн-Бот», якобы отпечатанное в г. Тюмени в 1914 г. В предыдущем номере «БГ» рассказывалось о книге художника Вл. Эттеле, проходившем службу в Тюмени, куда он был командирован из Омска для составления книги «В русском плену» (1917), которую также не удалось пока разыскать. Я думаю, невыявленный репертуар гораздо значительнее...

На с. 76 изображены обложки двух изданий, тиражированных в типографии «Сибирской торговой газеты». Был ли А.А. Крылов их издателем? Не обязательно. О книге «Сибирское дело о клевете в печати» (почему-то помещено

¹⁵ К числу разыскиваемых Е.Н. Коноваловой отнесен «Западно-Сибирский календарь на 1876 г.», якобы отпечатанный в типографии К.Н. Высоцкого. Автору примечания удалось найти (даже в двух источниках) сведения, что события не произошло. Так, А.А. Павлов в одном из писем сообщает, что на издание не удалось получить цензурное разрешение.

два изображения ее обложки на одной странице учебного пособия) не писал только ленивый. Почему история с «перевертышем» (отдельный оттиск в брошюре или наоборот) не попала в «Очерки истории тюменской книжной культуры», непонятно. Без представления о цензурном механизме, позволявшем рукописи стать книгой, невозможно представить книгоиздание того времени. И были ли «Исторические окрестности города Тобольска» отдельным оттиском (можно было даже познакомить с таким явлением дореволюционного книгопечатания студента)? Если да, то кто давал разрешение «в печать!»? Если не представитель общей цензуры, то нужно ли такое издание считать нелегальным? Вопрос, увы, скорее для думающего исследователя...

В отделе письменных источников ГИМа удалось разыскать письма исполняющего обязанности тобольского вице-губернатора Н.С. Знаменского, брата художника и писателя. Практически сразу после смерти автора «Исторических окрестностей города Тобольска» Николай Степанович несколько лет подряд пытался найти покупателя прав на разовое издание альбома сохранившихся ри-

сунков художника. Т.е. уже в то время система авторских прав работала. И совсем не исключено, что «Исторические окрестности города Тобольска» были издательским проектом. Но подтверждения тому пока не найдено...

Тема дореволюционного книгопечатания в Тюмени на этом исчерпана. Почему в главу «Сибирская книга: от века XVIII к веку XX» попал параграф, написанный Е.Н. Бережковой о национальной и конфессиональной книге и охватывающий в основном уже советский период, я как читатель не уразумел...

Из дореволюционных событий, не попавших в историю национальной печати Сибири: в 1917 г. в Тюмени муллой Габатовым издавалась газета на татарском языке «Тюменьчухбири».

Очевидно, нуждается в уточнении время создания редакции национальной литературы. В одной из публикаций 1960 г. старший редактор Тюменского книжного издательства писал, что «в прошлом году... создана редакция литературы на языках народов Севера. Уже вышел в свет сборник стихов Ивана Шесталова на мансийском языке “Макем ат”...»¹⁶.

Информация, предназначенная студенту, выстроена с нарушении-

¹⁶ Шейнберг Д.И. Тюменское издательство в 1960 году // Урал. 1960. № 2. С. 211.

ем хронологии. Вначале сообщается о событии 1958 г. — создании редакции национальной литературы, затем, что в 1953 г. якобы появилась газета «Нарьяна нгэрм». В следующем абзаце, утверждающем о формировании нового направления в издании национальной литературы, сообщается: «Рассказ “Два охотника” Пантелеймона Еврина (Чейменов¹⁷) стал первым художественным произведением на языке манси» (с. 83). Автор параграфа почему-то не указывает дату этого события в творческой жизни северных народов. А случилось это еще в 1940 г.

Вторично в печати приходится дебатировать с Е.Н. Бережковой вопрос о начале издания в Салехарде вышеупомянутой газеты «Нарьяна нгэрм», которая увидела свет более чем на 20 лет раньше, чем указывается в учебном пособии. Еще в 1931 г.

Словарь как нормативный документ утверждает, что конфессиональный — значит церковный. Думаю, что автор не погрешил бы против истины, если бы рассказал об изданиях работ историков сибирской церкви Н.А. Абрамо-

ва и А.И. Сулоцкого, оставивших после себя не только громадное наследие, но и массу архивных дел. Интересна попытка Николая Алексеевича найти дорогу к печатному станку. Одно из первых своих произведений он пытался посвятить царю, дабы отыскать издателя биографии тобольского архиепископа. Но такое посвящение Н.А. Абрамову не позволили сделать...

Именно такой детали, характеризующей экономическую основу издательского дела, не хватает учебному пособию...

После прочтения двух глав пазлы книжной культуры города все еще не складывались в целостную картину, как я ни вертел книгу в руках. Может, поэтому мне и не нравилось это учебное пособие, в котором смущало все, начиная от состава авторского коллектива до контента, неряшливого вида примечаний и библиографических записей, удивительно безграмотных подписей к некоторым фотоиллюстрациям. И самым большим ужасом было для меня то, что издание, заголовком на титуле¹⁸ кричащее об историческом содержании учебного пособия, не имеет ни одной

¹⁷ А.Г. Еманов приводит фамилию хантыйского писателя несколько в иной графике: Чейметов. См.: Еманов А.Г. Мемория Пантелеймону Еврину // Лукич. 1999. Дек., ч. 6. С. 148. Энциклопедия «Югра» подтверждает правоту профессора истории.

¹⁸ Об этом — см. ниже.

ссылки на архивные источники¹⁹. Я долго не мог сообразить, почему меня так злила книжная новинка?

Может, не совсем корректное ассоциативное мышление извлекало из памяти лишь А.С. Пушкина, стрелявшего на дуэли. Лотмановский нарратив был весьма убедителен: в школе нас обманывали, когда утверждали, что великий поэт защищал честь своей Natali, за которой якобы пытался волочитья царь. Все было гораздо проще.

Путешествуя по Европе, Геккерн наткнулся на Дантеса, в кармане которого не было ни гроша. Усыновив последнего с согласия родителей, дипломат привез нищего в Петербург, сделав его своим сожителем. Свет многое видел на своем веку, но столь откровенные отношения между мужчинами не поощрял. Разговоры о новом увлечении Геккерна как-то

нужно было свести на нет. Для этого Дантес в качестве «крыши» избрал Natali. Это и оскорбило А.С. Пушкина. Прелестная жена заслуживала лучшей участи, чем служить прикрытием чьих-то педерастических страстей...

Все последние годы в тюменской научной среде много раз возникал этакий Дантес, вовлекавший Александра Еманова в соавторы сборников, учебных пособий и т.д., весьма далеких от тематики кафедры, которую креативный профессор возглавляет. Умеющий ладить со всеми, весьма эластичный в отношениях, но не научившийся говорить «нет!» всякого рода сомнительным научным коллективам, пытающимся прикрыть свою некомпетентность статусным именем...

Я понимаю Александра Георгиевича, деликатно принимающего все предложения со стороны на-

¹⁹ Буквально несколько дней назад выступал рецензентом магистерской работы по истории Тюмени XVII века. У автора — ни одной ссылки на архивные материалы того времени, хотя документов сохранилось много. Даже учеба в магистратуре не воспитала любовь к рукописи, имеющей солидный возраст. Сомнение, можно ли считать историком человека, умеющего в исследовании распускать лишь литературные сопли, возникало явно только у меня. Большинство членов ГАК открыто интересовал лишь внешний вид рецензента, явившегося в дикую жару на процесс защиты в шортах, которые ученые женщины почему-то называли трусами, предлагая ввести для обладателей таковых университетский дресс-код. Наверное, им сильно в жизни не повезло: мужчины в интимной одежде, скорее всего, им никогда в жизни не встречались. Иначе эти ученые ни за что не перепутали бы трусы х/б с шортами из дорогого английского магазина...

учного сообщества. Но в этом есть один громадный недостаток: наличие его имени в том или ином сборнике не позволяет при необходимости подвергнуть в печати критику работу авторского коллектива. Особенно в современном дискурсе сплошной политкорректности, граничащей с жесточайшей цензурой. И профессор А.Г. Еманов знает об антикоррозийном свойстве своего имени.

...Мы давно с ним играем в заголовки. Я придумываю, а он решает, готов он или нет опубликовать под таким заглавием статью. Если я, конечно, напишу.

Придя с очередным названием пока еще непридуманного опуса, рассказываю идею будущей публикации. Не допустить массового отравления читателя выбросом духовной пищи, которая изначально ядовита, должен противогаз. Сервильная функция при этом отведена рецензентам. Один из них — свой человек, в этом же институте работает. Второй, когда уже есть рецензия профессора, говорит себе: «Что я, рыжий?». И ставит свою подпись. Хотя если рассмотреть повнимательнее владельца последней, то окажется, что никакой он не ёбуржец, а работает по совместительству на кафедре, подготовившей учебное пособие. Т.е. свой в доску. И рыжий ли, талантливый ли, самостоятелен ли

в суждениях... при таком раскладе не имеет никакого значения. Просто бензин любой марки дает выхлоп, резина же оказалась банально рваной. Корпоративность перемолола все и всех, сделав пространство монотонно серым...

Антикоррозийный Еманов уверенно смеется над названием моей будущей статьи: «Этого никто не напечатает!».

И тут я вспоминаю о роли, отведенной жене поэта чужими страстями, так *унизившими А.С. Пушкина*. Но стреляться на дуэли за поруганную честь А.Г. Еманова не готов. Единственно, на что оказался способным, не упоминать ни одним словом написанную им в учебное пособие главу. Да оскорбительным ассоциативным полем полжеисторикам шарахнуть. Чтобы неповадно было другим.

...А теперь перейдем к рассмотрению попытки самоидентификации теоретиков тюменского книгоиздания постсоветского периода.

Н.К. Федорова, — какова в личном общении, такова и в научном творчестве. Ясная картина меняющихся конфигураций Тюмени и встроенность города в разные времена, в разные ареалы. Четкость формулировок. Вывод, бегущий впереди паровоза наработанных фактов: «Книга в новых условиях превратилась в инстру-

мент политической пропаганды» (с. 94). Это о послереволюционном периоде. Хотя все не так однозначно, как предполагает автор. Но об этом в другой раз.

Для облегчения изучения процесса становления книжной культуры Тюмени логичней было бы время после революции 1917 г. разделить на следующие этапы: 1) до момента образования области; 2) с 1944 г. до появления «Временного положения об издательской деятельности в РСФСР (1991 г.)»; 3) лицензионный период (до февраля 2002 г.); 4) эра новых технологий.

Рассказывая о реформе регионального книгоиздания, автор привела чудесную историю, происшедшую с книгой Н.Б. Патрикеева «Юность Ямала» (с. 105). Последняя увидела свет, минуя издательство. В учебном пособии приведен вердикт бюро обкома партии о новом порядке выпуска книг: только после решения вышестоящего местного партийного органа и через издательство.

Решение действительно такое было, но в целом механизм запуска книги в производство был несколько иным. Типография могла взять для тиражирования лишь рукопись, на которой имелся штамп «В набор!», поставленный в обллите или в управлении по охране государственных тайн в печат-

ти (так в разные времена советской власти именовалось цензурное учреждение). Последнее брало рукопись на рассмотрение лишь при наличии разрешения профильного министерства (для издательств таковым был план, утвержденный Госкомиздатом) или решения бюро обкома (окружкома) партии. Почему возник конфликт на почве издания книги Н.Б. Патрикеева, не совсем понятно. Скорее всего, были потрачены деньги Ямало-Ненецкого окружкома комсомола, хотя в тексте учебного пособия и сказано «бесплатно выпустил брошюру». Под книгу издательство могло получить финансирование из Госкомиздата, а значит, не пришлось бы комсомольцам спасать ситуацию за счет других статей бюджета.

Кстати, автор книги «Юность Ямала» в настоящее время живет в Тюмени, и у исследователя есть возможность выяснить вопрос: как было на самом деле?

Вызывает протест логика некоторых утверждений. Например: «Одним из таких созданных издательств стало Тюменское книжное издательство, образованное в 1951 году» (с. 101). В примечании читателю предлагают посмотреть документ, созданный на кафедре издательского дела и редактирования ее коллективом в 2012 г. Убедителен ли такой пассаж?

Документы Тюменского книжного издательства в местных архивах найти пока не удалось. Заметки редактора Д.И. Шейнберга, работавшего в тюмиздате на этапе его становления и написавшего об этом воспоминания (см. с. 102–138 наст. изд.), не позволяют прояснить многие детали истории всего лишь полвека назад прекратившего существование учреждения. Но по документам бывшего партархива удалось проследить, во всяком случае, организационный момент становления областного издательства.

На заседании бюро Тюменского областного комитета партии 9 декабря 1947 г. был утвержден план издательства книжной продукции на 1948 г. Второй пункт решения по рассматриваемому вопросу гласил: «В связи с отсутствием в области собственного книгоиздательства просить ЦК ВКП (б) разрешить создать при издательстве «Тюменская правда» книгоиздательскую группу в составе: зам. редактора по выпуску книжной продукции, технического редактора, корректора, подчитчика, машинистки, счетовода»²⁰.

Решение кажется, на первый взгляд, странным. Прошло совсем

мало времени после злополучного доклада тов. А.А. Жданова, результатом которого стало Постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», появившееся в сентябре 1946 г., а партийное руководство вновь образованной области «проявляло смелость», решалось тиражировать печатное слово на своей территории.

На собрании журналистов и начинающих поэтов и прозаиков²¹ были подвергнуты критике литературные силы, группировавшиеся вокруг областной партийной газеты. Все признавали, что недостатки, отмеченные в ленинградских журналах, присутствуют и в творчестве местных литераторов. При этом критиковались отдельные стихи Л.М. Карабановой, хотя еще совсем недавно их хваливали в одном из обзоров²². Особенно досталось Г. Колпикову. По его творчеству прошли многие выступающие. Военный журналист Лучинский находил, что фельетоны и театральные рецензии Г. Колпикова содержат в себе «штампованные оценки», автор «сгущает краски», «берет явления и факты, нетипичные для нашей действительности». Выход из такой ситуации все видели в усилении работы с молодыми

²⁰ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 718. Л. 13.

²¹ Собрание работников печати и радиовещания города Тюмени // Тюм. правда. 1946. 8 окт., № 196.

²² За объединение литературных сил // Тюм. правда. 1946. 23 июня, № 121.

литераторами через творческие объединения.

Практически сразу после злополучного собрания, в феврале 1947 г., на бюро обкома партии К.П. Полупанову, редактору, было «предложено улучшить руководство газетой, очистить аппарат редакции от лиц, не внушающих политического доверия, укрепить редакцию *проверенными* и квалифицированными газетными работниками»²³. Однако на страницах газеты продолжали появляться имена П. Белова из Ишима, Г. Колпикова (май) и Л. Карабановой (июнь).

Но первая литературная страница появилась в 1947 г. в «Тюменской правде» лишь 8 июня, и посвящена она была визиту в областной центр поэта Сергея Острового. Трудно сказать, пели ли его «Песнь сибиряка» сибиряки:

Неспроста сибиряка
Узнают издалека!
Он настойчив. Он упрям.
У него характер прям.
Глубока его душа
Будто воды Иртыша.

В это же время дебютирует с очерками Ольга Крицкая²⁴.

В очередном выпуске «Литературной страницы» (1947. 13 июля) помещены лишь выдержки из произведений лауреатов Сталинской премии. Нормой для местного издания были чаще всего стихи национальных канонизированных властью поэтов Джамбула, Якуба Коласа...

И вот в такой непростой ситуации заходит речь об специальной группе, которая будет заниматься книжной продукцией. В утвержденном плане — двенадцать наименований²⁵. Репертуар их весьма специфический, ибо в нем просматривается желание партийного руководства области рапортовать о своих усилиях, направляемых на подготовку местных кадров. Не темплан, а парад лозунгов.

Посмотрите сами. «Дадим стране больше леса», «Развитие рыбной промышленности...», «Как мы добились высоких урожаев», «Опыт работы лучших механизаторов», «Передовые колхозы об-

²³ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 981. Л. 16.

²⁴ Мы часто равнодушны к людям, которые занимают незаметную должность. Вот так произошло и со мной. Ольга Крицкая, уже будучи на пенсии, продолжала работать в «Тюменской правде» учетчиком писем. Это был 1994–1995 гг. Вот бы и поинтересоваться тогда у живого свидетеля, что происходило с творческими силами в послевоенные годы. А ведь она одно время была даже ответственным секретарем областной газеты. И многое знала... Увы, поздно обратился к теме... Да и ленив, и не любопытен.

²⁵ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 719. Л. 47–48.

ласти», «В помощь комсомольским политкружкам», «В помощь сельскому агитатору» и т.д.

Увидели ли эти книги свет? Ответить на этот вопрос пока сложно. Брошюры-однодневки не сохранились в фондах областной библиотеки. Есть ли они во Всероссийской книжной палате? А как их искать, если все названия будущих издательских проектов в плане условны? Но в сохранившихся номерах «Тюменской правды» удалось найти сообщение об издании в одноименном издательстве книги «Опыт передовиков сельского хозяйства Тюменской области»²⁶. Тема такая в плане была, но обозначалась несколькими позициями (лучшие механизаторы, колхозы, высокие урожаи, животноводство)...

Удалось обнаружить еще одно издание «Блокнота агитатора»²⁷. Регулярность его выхода в свет подтверждают сообщения об этом на протяжении 1948 г. Учитывая, что с момента появления Тюменского книжного издательства журнал был обязательной позицией в ежегодном темплане, издание «Блокнота агитатора» работает на версию, что в 1948 г. изда-

тельство уже существовало. Вот только масштабы его производства выяснить пока не удалось.

13 августа 1948 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «Об увеличении доходности от центральных, республиканских и областных газет», а через десять дней обком партии рапортовал о принятых мерах: редактору К.П. Полупанову предлагалось уже с 1 сентября повысить рентабельность издания за счет увеличения количества публикуемых объявлений, снизить гонорарный фонд на 40 процентов и сократить трех газетных работников²⁸. Но, наверное, что-то не срослось у редактора газеты в решении трех задач. А может, над обкомом ВКП (б) все еще довлел доклад А.А. Жданова...

5 октября 1948 г. выносятся на заседание бюро обкома партии вопрос о редакторе «Тюменской правды». Уже нейтральность заявленной темы ничего хорошего К.П. Полупанову не сулит.

Специально для поколения, не знакомого с чапаевской тактикой партийных органов (на коне и с шашкой наголо), привожу решение без купюр: «...тов. Полупанов безответственно и не по-партийному

²⁶ Васильев Н. Ценный почин // Тюм. правда. 1948. 14 мая, № 95. — Рец. на кн.: Опыт передовиков сельского хозяйства Тюменской области. Тюмень: Изд-во «Тюм. правды», 1948. 88 с.

²⁷ Второй номер «Блокнота агитатора» // Тюм. правда. 1948. 8 авг., № 157.

²⁸ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 975. Л. 5.

отнесся к критике своих недостатков, не выполнил решения бюро обкома партии и продолжал набирать кадры в редакцию газеты не по деловым и политическим качествам, а по принципу семейных, приятельских отношений. В результате чего аппарат редакции оказался засоренным неблагонадежными людьми (Колпииков, Карабанова, Низковских, Сашина и др.) Больше того, тов. Полупанов скомпрометировал себя в быту, сожительствовал с работником редакции политически неблагонадежной Карабановой²⁹, третий раз бросает семью, в результате потерял авторитет в редакции газеты...». Результат: «С работы снять и объявить выговор!»³⁰.

Как видим, приняв решение о своем ходатайстве в ЦК ВКП (б), бюро тут же взяло курс на разгон творческих сил. Советская власть приучила местные партийные органы жить кампаниями, не давая каждым последующим решением отдохнуть от предыдущего: труба звала к победе над идеологическим врагом, который мог затаиться в ком угодно. Названные выше име-

на творческих сотрудников сразу после увольнения К.П. Полупанова исчезли со страниц газеты.

26 декабря на очередном заседании бюро обкома партии Петра Михайловича Горбунова утвердили «директором областного издательства, освободив его от работы инструктора обкома ВКП (б)»³¹. Шел 1948 г. До даты, с которой мы начинаем летоисчисление Тюменского книжного издательства, надо было прожить еще почти три года.

А с января 1949 г. новый сотрудник областной партийной газеты уже радовал читателей своими очерками: «Вечерело. Мороз крепчал. Из конца в конец деревенской улицы разносился неистовый скрип полозьев. Тяжело груженные сани направлялись к конным дворам полеводческих бригад»³². «Когда над бором сгустились сумерки и в окнах зданий старого кордона начали вспыхивать огоньки, воспитанники Чащинского детдома садились за выполнение домашних заданий»³³. «День подходил к концу. Уже скрылось за перелеском солн-

²⁹ Рассказывают, что поэтесса перебралась в столицу, имеет сборник стихов...

Интересно формулируется обвинение: «с... политически неблагонадежной».

Идеологически выдержанным, оказывается, можно и не такое... И прошу прощения, что названа фамилия, к владелице которой в постель залез весь обком сразу. Из популярной партийной песни слов ведь не выкинешь.

³⁰ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 981. Л. 16–17.

³¹ Там же. Д. 987. Л. 19.

³² Горбунов П.М. Будни села Колесниково // Тюм. правда. 1949. 9 янв., № 6.

³³ Горбунов П.М. Счастливое детство // Тюм. правда. 1949. 18 янв., № 12.

це, и черный, как вороново крыло, массив терялся из глаз, запутанный вечерними сумерками, а эмка секретаря райкома все еще продолжала стоять у вагончика тракторной бригады, работающей на полях колхоза имени Макса Гельда»³⁴.

Партия давала шанс своему сыну стать шолоховым местного разлива³⁵, но сотрудник областной газеты, готовивший к печати очерк, низводил молодого автора не более чем до Антона Павловича, начиная публикацию дебютанта знаменитым: «Маразм крепчал». Как говорили в те времена, сознательно искажая классика: «Поэтом можешь ты не быть, но членом союза быть обязан». Директор издательства явно обладал недожинным талантом, если ему не удалось лозунг дня превратить в реальность³⁶.

С приходом в «Тюменскую правду» М.В. Коврижина, нового ответственного редактора, начали появляться первые рассказы Михаила Зверева (11 марта, 17 апр.), который потом станет подписываться как М. Лесной, очерки Е. Ананьева-Шермана, стихи В. Снегирева и

Алексея Зиновьева... На страницах издания изредка публиковались статьи второго секретаря обкома комсомола, будущего несгибаемого редактора «Тюменской правды» Н.Я. Лагунова...

И все-таки вернемся к причинам, заставившим бюро обкома ВКП (б) форсировать ситуацию с собственным издательством.

В архиве бывшего директора тюмиздата Василия Еловских, работавшего одно время начальником областного отдела радиотелевизионной информации, сохранились воспоминания о ситуации в области. Писатель, ныне покойный, писал: «...дела... шли отвратительно. Урожай был самый низкий. Бескормица. Зимой крестьяне срезали кочки на болотах и кормили ими животных, чтобы они не подошли. А кочки есть кочки. Радиожурналистов заставляли почти каждый день давать передачи об этих самых кочках. Как их срезать, как запаривать, как скармливать и прочее».

И пару штрихов о секретаре обкома ВКП (б) Ф.С. Горячеве, от которого «шли бесконечные

³⁴ Горбунов П.М. Первый шаг // Тюм. правда. 1949. 27 февр., № 40.

³⁵ В моей первой районной газете, находившейся в жуткой глубинке, с кадрами было так плохо, что редактор В.М. Янушкевич практически ежегодно брал выпускника средней школы в штат, для начала сажал их, как картошку, на информашки. Через пару лет каждый из них мог заменить ответственного секретаря газеты. Но они вырастали и улетали кто куда. Да и сам Вячеслав Михайлович был не профессиональным журналистом. В газету пришел из отдела пропаганды и агитации райкома КПСС.

³⁶ См. оценку такому факту в записках редактора (с. 113–114 наст. изд.).

команды: тогда-то начать сев, тогда-то уборку хлебов и т.д. Голос сильный с металлическим оттенком. Ходит по сцене с важностью Наполеона и без конца поучает»³⁷.

А на следующей странице мемуаров давалась оценка партийному руководству сельским хозяйством: «Поголовье пропагандистов и агитаторов неуклонно увеличивается, а поголовье скота с той же неуклонностью снижается». В фразе чувствовалась ирония, адресованная и в свой адрес.

Сохранился план выпуска литературы на 1949 г., утвержденный на бюро обкома партии лишь в конце первого квартала. Чувствуется, что над планом работали. Сохранилось два его варианта. В окончательный попали семь разделов из первоначальных девяти, включавших в себя художественную и детскую литературу. Собирались издавать «Повести, рассказы классиков русской литературы» объемом 50 листов, тираж 10 тыс. В план включили повесть А.Г. Голубевой «Мальчик из Уржума» и роман С.П. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды». Тематический план содержал уже 35 наименований, но рукописей в из-

дательстве было лишь семь³⁸. Предполагалось, что с пропагандистскими целями отпечатают тиражи двух плакатов.

На протяжении 1949 г. регулярно появлялся в свет «Блокнот агитатора», о чем сообщала «Тюменская правда»³⁹, акцентируя при этом, что журнал издается отделом пропаганды и агитации Тюменского обкома ВКП (б).

Что еще из запланированного увидело свет? Вопрос пока не изучался, но 29 июня 1954 г. на бюро обкома КПСС директор издательства П.М. Горбунов докладывал: «Тематический план 1953 г. был выполнен по названиям на 65,5 %, по объему – на 55, а по тиражу на 91%... По разделу массово-политической литературы в прошлом было издано только 2 брошюры из 14 утвержденных планом»⁴⁰. Не думаю, что несколькими годами раньше дела в издательстве обстояли лучше. Да и в постановлении бюро обкома КПСС работу книжного издательства оценивали скорее негативно: «Большинство выпущенных изданий имеют существенные недостатки, отдельные положения в брошюрах истолковываются неправильно и ошибочно

³⁷ Выражаю огромную благодарность членам семьи покойного В.И. Еловских, сохранивших архив писателя и позволивших поработать с ним.

³⁸ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1260. Л. 93–98.

³⁹ См.: Тюм. правда. 1949. 16 апр. № 73 (о № 4); 17 июня, № 117 (о № 6).

⁴⁰ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3020. Л. 76, 78.

ориентируют читателя, оформление ряда брошюр неряшливое. Слабо показывается сам опыт, существо новых приемов и методов работы, ...много противоречий и несоответствий цифр по одним и тем же показателям...

Книжное издательство плохо организует работу с авторами, ...плохо привлекает к этому делу опытных партийных и советских работников, специалистов с/х, передовиков производства.

Работники издательства мало требовательны к авторам, проявляют либерализм в оценке рукописей. Плохо налажена связь издательства с читателями...»⁴¹.

Несмотря на десант редакторов-издателей из столицы в Тюмень в справке, подготовленной зав. сектором печати П. Дубровиной, указывалось: «Недостатком содержания ряда брошюр является слабая литературная обработка материала, бедность языка, отсутствие яркой убедительности фактов»⁴².

Но самих сотрудников издательства интересовали скорее литературные проекты. В темплане на 1956 г. были включены уже около десяти наименований произведений местных авторов, значившихся по разделам художественная и детская литература. «Привычка ставить слово после

слова» вползала в повседневную жизнь тиражами с претензией на членство в Союзе писателей вместе с его привилегиями.

В сохранившемся письме, адресованном В.И. Еловских, один из уехавших сотрудников тюмиздата защищался от обвинений в свой адрес: «Развал изд-ва — это чепуха. Самый беглый анализ покажет, что в 57–60 гг. было выпущено книг в несколько раз больше, чем в 51–56. По качеству книг претензий не было. В литературу мы с вами ввели впятеро больше людей, чем Горбунов. Вырос издательский план, вырос коллектив и издателей, и авторов. Только очень неумный и абсолютно не знающий нашего дела человек мог сказать о развале...». А в другом месте озвучена мечта автора письма о возвращении в Тюмень, которая так и не стала родиной: «...голод меня из Москвы в Тюмень не гонит. Если что и тянет меня туда, так это желание помочь писателям довести до конца то дело, которое я там начал — создать отделение СП. Я знаю, что могу это сделать. И я хочу это сделать. ...без меня писательской организации в Тюмени не будет долго. Вы это, надеюсь, прекрасно понимаете...»

Писательская организация в Тюмени появилась практически сразу после приезда в областной

⁴¹ ГАСПИТюмО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3020. Л. 68–69.

⁴² Там же. Л. 74.

центр Константина Лагунова, брат которого в это время был заведующим отделом пропаганды и агитации обкома КПСС... Тандем со временем монополизировал право на вход в литературу. А позже — и на мнение о местных обитателях последней...

О многих ли введенных в 50-е годы XX вв. в литературу работниками тюмиздата писателях помнит современный читатель? Это как в анекдоте: «Собрание в Тульской писательской организации: “Сегодня у нас на учете стоит в 100 раз больше литераторов, нежели в 1900 г., когда только один человек в губернии писал романы”...». Фамилию писателя даже анекдот стесняется упомянуть.

И последний параграф, который нельзя не заметить, — «Издательский бизнес», отличающийся удивительно плохим знанием современной истории тюменского книгопечатания.

Среди забытых ее штрихов — издательский отдел творческого объединения «Лад», работавший в 1989–1991 гг. А имя Константина Тихомирова, неожиданно появившегося на местном небосклоне с оширными литературными связями? Каких только имен тогда не звучало: от Окуджавы и Чичибабина до Крапивина...

Не упомянуто издательство «Миньон», которое несколько раньше, нежели «ВекторБук», вышло на книжный рынок. Им издано десять томов Эд. Макбейна. Фотоформы изготавливали в НИПИКБС, а тиражи печатали в Иркутске. Первый том был издан в 1991 г., а последний в 1993-м. Полноценное издательство, приносящее доходы от своей производственной деятельности. Среди его учредителей — бывший главный инженер областной типографии В.И. Гуревич, ныне работающий заместителем директора в НИПИКБС.

Удивительная история произошла с издательством «Рутра», под грифом которого появились первые сборники стихов Юрия Баскова и Людмилы Ефремовой, рассказы Николая Коняева, Валерия Мартынова и Анатолия Молоканова. Прошли через горнило издательства тексты Николая Денисова, Александра Рахвалова и Маргариты Анисимковой. Но «Рутра» каким-то совсем чудесным образом исчезла с поля зрения авторского коллектива⁴³. Фамилия создателя издательства — А.В. Чернышов — упоминается в тексте (с. 87), но лишь как составителя сборника «Религия и Церковь в Сибири», которых издано около двух десят-

⁴³ Посадсков А.Л. Сибирское книгоиздание в конце XX — начале XXI в. // Библиосфера. 2010. № 4. С. 36.

ков выпусков за время существования «Рутры» с 1993 по 2015 г. Не попала фамилия А. Чернышова и в именной указатель. А ведь это был человек-оркестр, именем которого можно было зачать мифологию современной Тюмени.

Автор параграфа «Издательский бизнес» пытается разделить издательства на занимающиеся собственными проектами и те, которые заключают договоры для выполнения подрядных работ (заказные издания). Но в чистом виде первых на территории Тюмени практически нет (с. 138). Хотя сегодня целесообразнее выделять два типа книгоиздательства: рыночное и идеократическое. При первом типе издательство отвечает за книгу своими оборотными средствами; при втором — тот, кто заинтересован в пропагандистском воздействии книги. Те и другие являются издательствами. А подрядчик? Он лишь исполняет заказанную музыку как любой наемный работник. Путаное законодательство позволяет любой фирме получать ISBN-знаки. И от этого такая каша в головах историков местного книгопечатания. Если раньше в какие-то времена «Вектор-Бук» еще можно было отнести к издательствам, более того — рыночным, то теперь оно работает исключительно в режиме типографии.

Пожалуй, в городе остался единственный издатель — М.Ю. Баку-

лин с его «Русской неделей», которая участвует во всех этапах появления книги на свет: от финансирования проекта, до реализации продукции. И несмотря на то, что М. Бакулин иногда обращается в Курганскую типографию для тиражирования очередной книги, он остается тюменским издателем, не имея никакого отношения к тюменскому книгопечатанию. Парадокс, который так и не сумели понять создатели учебного пособия.

«Очерки истории тюменской книжной культуры» — издание идеократическое. Его рекламное нутро видно уже по оглавлению, в которое вынесена «Книга года». В тексте есть очень скромное упоминание, что кафедра является единственным центром по изучению тюменского книгоиздания (с. 168). Называются лучшие редакторы года, естественно, преподаватели кафедры Н.П. Дементьева и Е.С. Зашихин (с. 176). Выказывается уверенность, что только вузовские издательства «выходят с качественной редактурой» (с. 129). Комментировать фразы из учебного пособия уже не хочется. Но скрытая реклама своей исключительности нарывается на санкции антимонопольного комитета. Надо попробовать, вдруг получится надрать задницу всем рекламщикам за хвостовство. Хотя оно vyplывает из рек-

ламного слогана, что ТюмГУ — университет будущего! Так что приходите в него учиться когда-нибудь очень завтра! А пока там обучают гуманитариев по такого качества учебным пособиям...

Судя по уже высказанным замечаниям кружку по изучению книгопечатания еще ползти и ползти до создания центра. Если авторы все-таки считают себя таковым, то могли бы для приличия пригласить на обсуждение рукописи Е.Н. Коновалова и меня.

Ну о качественной редактуру... Смотря что под этим понимать сегодня? На мой взгляд, приемлемо лишь одно понимание профессионала: это тот, который непременно «защищает и олицетворяет в издательском процессе интересы культуры»⁴⁴. Такого по учебному пособию я что-то не заметил.

И напоследок. На моих глазах происходило рождение учебного пособия. Заказывали книгу в мягком переплете, но руководство типографии явно видело издание в Год книги на конкурсе «Книга года» в числе призеров. Ново-рожденная появилась в переплете 7Бц. А ведь верхний наряд для книги — это лишь проблема ее утилизации.

Редактор учебного пособия допустил талантливую ошибку. На обложке и титуле издания оказались разночтения. С верхней одежды слетела бриллиантовая брошь в виде слова «ИСТОРИИ». У части тиража обложку поменяли на аналогичную, предварительно внося в имя изменения и перепечатав. Скорее, что это для конкурса. Для удобной утилизации — была отпечатана обложка на льне...

Автор заключения о проделанной работе делает вывод, что это всего лишь «первая научная и учебная версия». Скорее это такая форма поиска своего пристанища в жизни, в которой не осталось других ориентиров...

Вижу финал конкурса. И почему-то поющие в честь победителя трубы клакеров. А в голову приходят первые строчки из романа Юрия Олеши «Зависть»: «По утрам он пел в клозете. Его толстая кишка пела: туруру-туруру-туруру»...

Выхлоп произошел. Уровень моей политкорректности не позволил этого не заметить. Хотя все это и похоже на торговую лавку, в которой ее «хозяин пишет “2 пу. 7 фу.”»⁴⁵.

⁴⁴ Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сб. / авт.-сост. М.В. Рац. М., 2006. С. 305.

⁴⁵ Мандрика Ю.Л. Газета как игра // Российская провинциальная частная газета / под ред. Л.Е. Кройчика и Ю.Л. Мандрики. Тюмень, 2004. С. 328.

Шесть номеров — сто публикаций

Первая жизнь «Лукича» завершилась после двадцать седьмого номера. К десятилетию начала издания сотрудники централизованной библиотечной системы г. Тюмени подготовили указатель содержания краеведческого журнала. В предисловии к книге¹ объемом в восемь физических листов была сделана попытка разобраться: что привело к гибели «талантливого ребенка» (с. 5)? По мнению родителя, «издатель исчерпал свои отношения с небольшим кругом авторов» (там же). Это случилось после шести лет существования «Лукича», в конце 2003 г.

Хотя спустя почти десятилетие после прекращения «Лукича» бывший редактор-издатель писал: «...журнал был затеян не как знамя краеведов, а как корзина для отходов производственной деятельности»² издательства «СофтДизайн». Родителю тяжело давалось признание, но он спу-

стя годы выдавил его из себя: «Поиск собственного лица привел к тупиковому пути развития, в результате которого издатель и редактор остался практически единственным бессменным автором. Спасти имевшуюся к тому времени репутацию могла только коварная смерть, выдравшая издание из рук краеведов...»².

В Тюмени не осталось пристанища, которое могло бы регулярно помещать изыскания краеведов. Нужно было начинать все сначала. Но попытка изменить свою жизнь у родителя «Лукича» не удавалась. Защита кандидатской диссертации, затем — смена места жительства: столица оказалась очень временной точкой опоры; при осуществлении желания «в очередной раз войти в ту же воду»³ пришло прозрение, что студентов он в принципе ничему научить не может.

Наркотик архивного поиска вел себя в крови краеведа весьма не-

¹ Краеведческий журнал «Лукич»: указ. содерж. (1998–2003) / МУК ЦГБС г. Тюмень; сост. Е.А. Суцая. Тюмень, 2008. 120 [10] с.

² Мандрика Ю.Л. «Площадь предоставляется...»: заметки по поводу краеведческих журналов. И не только // Подорожник: краевед. альманах / ред.-сост. В.К. Белобородов. Тюмень, 2012. Вып. 13. С. 173.

³ [Мандрика Ю.Л.] Слово редактора // Лук & Чок. 2008. Окт., вып. 1. С. 3.

предсказуемо. Личный книжный бизнес начал проседать, и ездить по архивам страны стало накладно. Пятитомное издание «Сибирского листка» оказалось большим финансовым фанфаронством, посадившим окончательно корабль на мель. Уходя на преподавательскую работу в университет, он считал, что в вузовской аудитории он взамен утраченных отыщет новых авторов. Для мелкого журнала, который будет расти вместе со студентами. Так появилась идея варианта краеведческого журнала.

Увы, жизнь оказалась гораздо сложнее всех планов. Атмосфера в культурных учреждениях областного центра того времени вынудила издателя отреагировать на воздействия извне: журнал превратился в стенную газету. Но со временем оказалось, что «Лук & Чок» «был дитем из пробирки. Идея о том, что в журнал придут студенты, вообще тефлоновая. Те, для которых было уготовано ложе журнала, не знали об этом. Репутация предка не гарантировала жизнеспособность этих двоих из пробирки... Энтузиазм рублика тысячелетий итссяк»⁴.

Стенная газета влачила жалкое существование. Отсутствие авторов, заметных публикаций, которые были бы интересны широкой аудитории... Хотя в четырех номерах и произошли открытия тюменского издателя Андрея Арсеньевича Павлова, пионера тю-

менской журналистики Михаила Анфимовича Рылова. «Лук & Чок» заставил читателя пересмотреть свою точку зрения на Николая Маргиниановича Чукомалдина через призму его отношений с издателем. Письма Виктора Федоровича Костюрина позволили приблизиться нашему современнику к пониманию политической культуры провинции того времени. Даже по одному открытию на номер — уже немало. Но судьба стенгазеты была предопределена с первого ее номера.

Указатель статей, который помещен в данном томе «БГ», подтвердит мысль, что редактора-издателя в выборе пути подвела интуиция. Архивный эпистолярный — жанр интересный, но лишенный сюжетной концентрации нарративного текста. Он интересен читателю, но нуждается в грамотном комментировании сообщаемого материала. А вот с последним нашей провинции пока еще приходится мало сталкиваться. К тому же мало изучен дискурс эпистолярного наследия наших земляков.

Новый проект, на этот раз «Большого Г.», провалился. Самостоятельности редактора претила мелкая телефонная опека издателя. Но в загустевшей атмосфере культурной среды скандала не случилось. Ю.Л. Мандрика решил спасти материалы пионерного номера, под флаг которого собрались практически все краеведы «Лукича». И

⁴ Мандрика Ю.Л. «Площадь предоставляется...»: заметки по поводу краеведческих журналов. И не только // Подорожник: краевед. альманах / ред.-сост. В.К. Белобородов. Тюмень, 2012. Вып. 13. С. 174.

вот тогда и было принято решение о возвращении прежнего наименования журнала. «Лукич вернулся» к читателю под № 32 (27+4). Не все авторы из пионерного перекочевали под новую обложку. Логика в их поступке, несомненно, была. «Лукич» вернулся безгонорарным, а ареал деятельности издателя «Большого Г.», который попросту «кинул» своих авторов, стоил дороже всяких денег.

Со слов Ю.Л. Мандрики, окончательное решение по поводу судьбы воскресшего издания принималось практически сразу после выхода в свет № 32, хотя он и выглядел по контенту вполне удачным. Такое уже однажды случилось в «Лукиче».

Публикация Е.Н. Коноваловой биографий авторов «Ежегодника Тобольского губернского музея» показала недобросовестность составителя. В материал попали многочисленные ошибки, часть из которых появилась и в тираже. Редактор-издатель занервничал, импульсивно принял решение. Читателю было объявлено, что издание «Лукича» приостанавливается на неопределенный срок...

В № 32, уже мертвого журнала, такой публикацией оказались воспоминания С.И. Карнацевича. Сотрудник ТОКМ, готовивший к печати рукопись, уже в корректурных отрисках внес изменения, которые на поверку оказались не более чем комментариями самого

публикатора! Издателю вновь захотелось начать жизнь с чистого листа... Несмотря на то, что титульный лист № 33, в котором надо было завершить мемуары тюменского врача, подчеркнуто гласил, что «последний раз в роли редактора Ю. Мандрика».

«Большое городище» появилось все-таки на свет со второй попытки под давлением обстоятельств. Так считает редактор-издатель. Историки и краеведы были порадованы учебным пособием «История журналистики Тюменского региона (1789–1929)»⁵, на самом деле явившегося образцом примитивной халтуры. Откликнуться на такое событие студенческой жизни в университетском городе оказался негде. Свободную прессу интересовали совсем другие проблемы...

Предлагаемая читателю-краеведу библиография публикаций стенной газеты «Лук & Чок» и журнала «Лукич» (№ 32–33) включает в себя описание содержания шести номеров, которые редактор-издатель считает единым изданием по целому ряду причин. Главной из них является — единый собственник.

Описание статей расположено в хронологическом порядке, но внутри каждого номера издания публикации выстроены в алфавитном порядке. Имеется именной указатель.

⁵ Андреева А.А. История журналистики Тюменского региона (1789–1929): учеб. пособие / А.А. Андреева, О.А. Петрова. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. — 488 с.

**Указатель публикаций в стенной газете «Лук & Чок»
и в № 32–33 журнала «Лукич»**

Возвращение забытых имен

(краеведы, путешественники, писатели XVIII — начала XX в.)

1. Горбачева, Н.Н. Диалоги о Риме и России. Возвращение книги П.А. Словцова «Два дня римской истории, или Двое Сципионов Африканских» / Наталья Горбачева // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 23–30. — (Лакуны классики).

2. Темплинг, В.Я. «Не мошенник, не вор, не развратник...» (П.В. Веригин в обдорской ссылке) / Владимир Темплинг // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 106–119. — (От Тобольска до самых до окраин...).

О духоборе, находившемся в ссылке в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.).

3. Жаромских, Е. «В Европе я беспрестанно ...чувствую себя лишним на жизненном пиру...» (П.А. Городцов в переписке с В.А. Городцовым) / Е. Жаромских, В. Темплинг // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 101–111. — (За руку в краеведение).

Изучение писем П.А. Городцова, юриста, судебного следователя и фольклориста, помогает уточнить некоторые моменты его биографии в годы пребывания в Сибири.

4. [Мандрика Ю.Л.] Всякая мелочь // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 187. — (аХЕРтектура).

Редактором стенной газеты обнаружены два документа, касающиеся исследователей края Ф.К. Зобнина и К.Д. Носилова.

5. Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 159–167. — (Паноптикум).

Увидеть контуры биографии учителя из Ишима и первого тюменского издателя А.А. Павлова (1850–1890) помогают его письма к видным представителям сибирской печати Г.Н. Потанину и В.И. Вагину. Комментарии Ю. Мандрики.

6. Материалы к биографии Михаила Анфимовича Рылова / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 133–158. — (Паноптикум).

Первая публикация писем (1875–1876) М.А. Рылова, считавшего себя пионером тюменской журналистики, Г.Н. Потанину, хранящихся в рукописном отделе Пушкинского дома. «Незавидная судьба и трудная задача сибирского корреспондента», — писал о себе М. Рылов (1836–1909). Снабжены обширными комментариями, позволяющими увидеть масштаб личности.

7. Михаил Степанович Знаменский: биографическая справка // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 79–80. — (Лакуны классики).

М.С. Знаменский (1833–1982), автор мемуарно-биографической прозы, художник.

8. Швецова, Е.П. Вседневные заботы «монсеньора» Знаменского / Елена Швецова // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 81–91: ил. 6 с. — (Лакуны классики).

Об альбомах М.С. Знаменского «Остяки Тобольской губернии», хранящихся в фондах Иркутского художественного музея и Тюменского музея изобразительных искусств.

9. Балюнова, Е.А. Дела семейные А.А. Дунина-Горкавича / Елена Балюнова // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 105–108. — (Архивная пыль).

О сложностях личной жизни тобольского губернского лесничего.

10. Материалы к биографии Марии Николаевны Костюриной / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 112–125; ил. 1 с. — (Паноптикум).

Письма (1893–1905) тобольской журналистки М.Н. Костюриной корреспонденту сибирских газет, этнографу Д.А. Клеменцу.

11. Материалы к биографии Михаила Анфимовича Рылова / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 74–88. — (Паноптикум).

Первая публикация писем (1874–1888) М.А. Рылова к А.С. Гацискому. В комментариях прослеживается желание публикатора уточнить некоторые моменты тюменского периода корреспондента.

12. [Мандрика Ю.Л.] О Дедушке Фаддее // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 167.

О литераторе и издателе, сотруднике многих сибирских газет ялуторовском помещике Федоре Федоровиче Филимонове.

13. А. ди Губернатис. Об Эдмоне Котто / А. ди Губернатис // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 20–21. — (Паноптикум).

О французском путешественнике и журналисте, пересекшем с научной целью всю Российскую империю, включая Сибирь, в 1881 г.

14. Корандей, Ф.С. Комментарий переводчика / Федор Корандей // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 24–30. — (Паноптикум).

О пребывании в Тюмени путешественника Эдмона Котто в 1881 г. Есть ссылки на некоторые опубликованные к этому времени издания.

15. Мандрика, Ю.Л. [Комментарии] / Юрий Мандрика, Владимир Темплинг // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 117–158.

Обширные комментарии по 121 сноске, имеющейся в переписке Н.М. Чукмалдина с С. Ф. Шараповым, дающие читателю представление о всех названных в письмах персонах, исторических событиях, развитии журналистики в данный период времени, а также на с. 146–148 публикуется неизвестная ранее работа Н.М. Чукмалдина «Сказка о светлом сне».

16. Мандрика, Ю.Л. Комментарии к переписке автора с издателем / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 109–117.

Автор комментирует впервые опубликованные письма Н.М. Чукмалдина с издателем С.Ф. Шараповым, хранящиеся в Смоленском областном государственном архиве.

17. Материалы к биографии Виктора Федоровича Костюрина. Письма Костюрина В. Ф. Богучарскому Василию Яковлевичу / публ. и коммент. Ю. Мандрики // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 169–203: ил. 1 с. — (Паноптикум).

В.Ф. Костюрин (1853–1919) — ссыльный. С 1894 г. жил в Тобольске, работал делопроизводителем в губернской больнице, корреспондент и издатель «Сибирского листка». Письма 1893–1903 гг.

18. Н.М. Чукмалдин — С.Ф. Шарапов. Переписка автора с издателем / Н.М. Чукмалдин, С.Ф. Шарапов; публ. С. Дикка, Ю. Мандрики, В. Темплинга // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 31–109. — (Эпистолярный).

Письма 1891–1901 гг. Далее, до апреля 1902 г., по причине кончины Н.М. Чукмалдина, переписка С.Ф. Шарапова с А.И. Чукмалдиной и О.Ф. Йенсенем.

19. Корандей, Ф.С. Комментарии переводчика / Ф. Корандей // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 23–26. — (Глазами путешественника).

Комментарии к переводу главы из книги Г. де Уиндта «Сибирь как она есть».

20. Некролог. М-р Гарри де Уиндт, исследователь и путешественник // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 21–22. — (Глазами путешественника).

Некролог из газеты «Таймс» за декабрь 1933 г. Г. де Уиндт — английский исследователь и путешественник, автор книги «Сибирь как она есть» (1892).

21. «Сибирские» книги де Уиндта // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 22. — (Глазами путешественника).

Перечень книг английского исследователя и путешественника, посвященных Сибири.

22. Темплинг, В.Я. Рожденный в январе (к юбилею П.А. Городцова) / Владимир Темплинг // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 116–129. — (Даты нашего календаря).

П.А. Городцов (1865–1919) — собиратель русского народно-поэтического творчества, автор работ по этнографии русского населения Западной Сибири.

23. Корандей, Ф.С. Автографы иностранных путешественников в книжном собрании Тюменского музейного комплекса / Федор Корандей // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 3–11. — (Штудии).

В составляющей часть фонда редких книг Тюменского музейного комплекса библиотеке семейства Вардропперов есть произведения, подаренные

Э.Р. Вардропперу их авторами — путешественниками, проследовавшими через Тюмень в 1880–1890-х гг. Среди них — Д. Виггинс и Г. Сибом, Д. Кеннан, Г. Бьюри, Г. Ланделл, К. Мардсен и другие.

24. Скалозубов, Н.Л. Письма Н.Л. Скалозубова к Г.Н. Потанину / Н.Л. Скалозубов; публ., предисл., коммент. Т.С. Комаровой // Лук-кич. — 2011. — Ч. 33. — С. 131–149. — (Эпистолярный).

Н.Л. Скалозубов (1861–1915) — ученый, общественный деятель, правительственный агроном Тобольской губернии. В письмах, адресованных известному путешественнику и общественному деятелю Г.Н. Потанину, раскрывается общественная и культурная жизнь Тобольска 1895–1908 гг.

Из истории края

25. Балюнова, Е.А. Завальное кладбище / Е.А. Балюнова, И.В. Балюнов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 162–166. — (Сообщение).

О создании тобольского кладбища, особенностях захоронений и возведении церкви на нем.

26. Панишев, Е.А. Чудеса и тайны Тобольска / Евгений Панишев // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 120–133. — (Энциклопедия).

Алафеевские горы; Тобольский кремль; Архиерейский дом.

27. Завалишин, И.И. По сибирским дорогам / Ипполит Завалишин // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 3–63. — (Паноптикум).

Займствовано из журнала «Якорь» 1863 года. Снабжена комментариями редактора стенной газеты «Лук & Чок».

28. Знаменский, М.С. [У самоедов] / Михаил Знаменский; публ. Валерия Белобородова // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 92–100. — (Архивная пыль).

Этюд тобольского писателя, краеведа, художника, сохранившийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

29. Панишев, Е.А. Чудеса и тайны Тобольска / Евгений Панишев // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 168–185. — (Энциклопедия).

Ссылный колокол; Северные Святые ворота; Рентерея; Гостиный двор; Дворец наместника; Чудотворные иконы.

30. Ефремов, В.А. Промышленная деревня Духовка / Владимир Ефремов // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 27–38. — (Штудии).

Крестьянская промышленность в Ялуторовском уезде в XVIII–XIX вв.

31. Панишев, Е.А. Чудеса и тайны Тобольска / Евгений Панишев // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 126–156. — (Энциклопедия).

Тобольский тюремный замок; Здание губернского музея; Стадион «Строитель»; Завальное кладбище; Немецкое кладбище; «Глубокий буерак»; Новые микрорайоны; Искер — город призрак; Абалак; Могила Ермака; Кутаевская аномалия; «Огненные шары садятся на грунт...»; Евдокия. Таежный

тупик; Предания о кладах; Вопросы без ответа, или Еще раз о Золотой бабе; Ермаковы клады.

32. Котто, Э. Путешествие Эдмона Котто из Екатеринбурга в Тюмень (27–30 мая 1881 г.) / Эдмон Котто // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 3–19. — (Паноптикум).

Перевод 5 главы книги «Из Парижа в Японию».

33. Панишев, Е.А. Чудеса и тайны Тобольска / Евгений Панишев // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 206–231. — (Энциклопедия).

Золото губернатора Гагарина; Сокровища Софийского собора; Золото в гробах; Сокровища царской семьи; Загадка кладенного креста; Легенды села Супра; Тобольские клады; Бронзовые диски из Сузгуна; «Урожайные» шестидесятые; Слово о восьмидесятых; «Заначки» времен путча; Проданный за бесценок; Небесные каменные стрелы; «Громова стрела»; «Сахмет», Нечистая сила.

34. Шабунин. [Спор между двумя городами] / Шабунин // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 204–205. — (Вырезка из старой газеты).

О преимуществах Ивановской ярмарки. Заимствовано из «Ирбитского ярмарочного листка» за 1867 г.

35. Ефремов, В.А. Гришка и Коврижка / Владимир Ефремов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 141–142. — (Мелочь пузатая).

Предположение о месте, где в окрестностях Тюмени находилась ныне не существующая деревня Коврижка.

36. Иконников, А. Из Тюмени / А. Ик-в // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 116–122. — (Загашник «Лукича»).

О соперничестве Тюмени и Ирбита в проведении ярмарок. Заимствовано из «Ирбитского ярмарочного листка» за 1866 г.

37. Иконников, В. Значение Ирбитской ярмарки для ирбитских обывателей / В. Иконников // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 122–125. — (Загашник «Лукича»).

Заимствовано из «Ирбитского ярмарочного листка» за 1866 год.

38. Кушелевский, Ю.И. Местные известия / Ю. Кушелевский // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 125–132. — (Загашник «Лукича»).

О предстоящем переводе Крестовской ярмарки (Пермская губерния) в Ирбит. Заимствовано из «Тоб. губ. вед., неоф. ч.» за 1866 г.

39. Он. От Екатеринбурга до Тюмени / Он // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 12–15. — (Глазами путешественника).

Заметки пассажира железной дороги. Заимствовано из тюменского издания «Ермак» за 1912 г.

40. Ч. Несколько слов об относительном значении ярмарок: Нижегородской, Ирбитской, Тюменской и Крестовской / Ч. // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 114–116. — (Загашник «Лукича»).

Заимствовано из «Ирбитского ярмарочного листка» за 1865 год.

Тюмень и тюменцы

41. Белов, С.Л. Альтшуллеры : профессор и медработник / Стас Белов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 154–157. — (Тюменские фамилии).

О профессоре Михаиле-Мейндале и директоре Тюменского медучилища Шифре Натановне Альтшуллерах.

42. Белов, С.Л. Брандты / Стас Белов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 134–145. — (Еврейские сюжеты).

Жизнь и занятия семейства Брандтов в Тюмени.

43. Боярский, Л.В. Жертва искусства / Лев Боярский // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 158–159. — (Самотек: встреча в журнале).

Массовая инсценировка «Стенька Разин», устроенная на реке Туре 7 августа 1927 года в Тюмени, обернулась трагедией.

44. Ефремов, В.А. Тюменские литейных дел мастера Колокольниковы / Владимир Ефремов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 93–105. — (Штудии).

История оружейного производства.

45. Залетный. По дороге в Сибирь / Залетный // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 35–41. — (Паноптикум).

Заметки о Тюмени конца XIX в., написанные, скорее всего, редактором «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцевым под псевдонимом «Залетный».

46. Зотин, Ю.С. Унжаковы / Юрий Зотин // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 146–153. — (Тюменские фамилии).

Чиновничий род Унжаковых, проживавший в Тюмени в XVIII–XIX вв.

47. Иногородние известия // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 51–53. — (Паноптикум).

Корреспонденция о Тюмени взята из газеты «Сибирь» за 1876 г.

48. Иногородние известия // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 61–63. — (Паноптикум).

Критические заметки неизвестного автора о желании тюменцев организовать гимназию в 1876 г., о сложностях общественного управления в городе.

49. Корандей, Ф.С. Тюмень, заклепки, втулки / Федор Корандей // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 79–83. — (Интеллектуальный стег).

О современных «интеллигентных» развлечениях тюменцев.

50. Мандрика, Ю.Л. Пристеночный Алябьев; Пигмалион по-тюменски / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 167–168. — (аХЕРтектура).

О бюсте композитора А.А. Алябьева возле областной филармонии и нелепой скульптуре юноши на территории медицинского института (1980-е гг.).

51. Павлов, А.А. Иногородние известия / Андрей Павлов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 47–50. — (Паноптикум).

Корреспонденция о Тюмени взята из газеты «Сибирь» за 1876 г.

52. Потанин Г.Н. Из записной книжки сибиряка / -всв- // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 66–78. — (Паноптикум).

Заметка известного путешественника о своих впечатлениях от встреч с Тюменью, Омском и Ишимской степью.

53. Рылов, М.А. Кожевенные заводы в Тюмени / Михаил Рылов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 54–60. — (Паноптикум).

Автор — технолог-кожевенник описал состояние кожевенного производства с 1826 по 1875 г.

54. Рылова, А. Письмо от (сестры) Рыловой Анны / Анна Рылова; из архива Ольги Майоровой // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 160–161.

Письмо брату-красноармейцу о спектакле на воде «Стенька Разин» в Тюмени в 1927 году.

55. Т. Городское дело в Тюмени / Т. // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 42–46. — (Паноптикум).

Перепечатка из газеты «Сибирь» 1876 г. о городском самоуправлении.

56. Тюменский театрал. Иногородние известия / Тюменский театрал // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 64–65. — (Паноптикум).

Корреспонденция о гастролях в Тюмени драматических трупп из Сибири и Петербурга.

57. Белов, С.Л. Проституция в г. Тюмени (XVII — 1920-е гг.) : постановка проблемы / Стас Белов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 112–124. — (Штудии).

Изучение вопроса на основании опубликованных материалов.

58. Ефремов, В.А. Тюменский пробирный мастер Петр Серебряников / Владимир Ефремов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 70–78. — (Штудии).

История серебряного промысла.

59. Зотин, Ю.С. Блеск и нищета нарратива / Юрий Зотин // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 64–68. — (Критическим оком).

Анализируя мемуары тюменца П.Ф. Кочнева (1855–1930-е гг.), автор находит ошибки в уже опубликованных краеведческих изданиях. Отдельно приводит документы о купце 2-й гильдии Науме Тюфине.

60. Зотин, Ю.С. Заметка-дополнение к статье «Унжаковы» / Юрий Зотин // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 69. — (аХЕРтектура).

Автор отсылает читателя к публикации Г.Н. Потанина (-всв-) «Из записной книжки сибиряка» (Лук & Чок. 2008. № 1. С. 69), где называется еще один вид деятельности Унжакова. Так фамилия приводится в тексте.

61. [Мандрика, Ю.Л.] Архивный суржик // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 186–187. — (аХЕРтектура).

Об архивных документах, ставящих под сомнение само существование в Тюмени библиотеки приказчиьего клуба в 1880–1888 гг.

62. [Мандрика, Ю.Л.] О типографиях и книжных лавках // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 187. — (аХЕРтектура).

О первой книжной лавке Н. Константинова в Тюмени (1882).

63. Белов, С.Л. Звагельские / Стас Белов // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 97–101. — (Еврейские сюжеты).

Генеалогические связи и занятия Звагельских.

64. Боярский, Л.В. История одной фотографии; Водяной дворец инженера Бельского / Лев Боярский // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 109–111; ил. 2 с. — (Архивная пыль).

О фотографии, запечатлевшей чеха Иосифа Репечека из Читы, сделанной тюменским фотографом Лукой Родионовым в 1911 г., и о двухэтажном деревянном доме И.М. Бельского, построенном в Тюмени в конце XIX в.

65. Буркова, Л.Н. Повесть о пережитом : воспоминания / Лидия Николаевна Буркова; публ. Л. А. Типикиной // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 3–26. — (Паноптикум).

О бывших хозяевах усадьбы «Дом Буркова» в Тюмени: Василии Петровиче, Григории Васильевиче, Николае Васильевиче, Викторе Васильевиче, Александре Васильевиче, Василии Васильевиче.

66. Ефремов, В.А. Вор-рецидивист Иван Камочкин / Владимир Ефремов // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 102–104. — (Архивная пыль).

По материалам следственного дела 1707 года.

67. Иванов, А.И. Из далекого прошлого / Аркадий Иванов; публ. и коммент. Л. Боярского // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 42–73; ил. 1 с. — (Паноптикум).

Мемуары жителя Тюмени начала 1960-х годов.

68. [Мандрика, Ю.Л.] Новое из жизни тюменского первопечатника // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 166–167.

Цитируется часть письма Н.М. Ядринцева публицисту из Нижнего Новгорода А.С. Гацискому, в котором рассказывается о создателе первого тюменского периодического издания К.Н. Высоцком.

69. Тюменский обед мадам Бурбулон // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 22–23.

Перевод зарисовки из книги, изданной в Париже в 1866 г. Poussieltgue A. Voyage en Chine et en Mongolie de m-de Bourbonloun, ministre de France, et de Madame de Bourbonloun, 1860–1861. Остановившаяся в Тюмени француженка описала прием у купца, меню обеда. Называя его варварством, признает, что кухня более изысканная и искусная, чем немецкая или английская.

70. Баитов, Г.Б. О забытых культурных одиночках (юношеские воспоминания) / Григорий Баитов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 95–104: ил. — (Загашник «Лукича»).

Публикация из журнала «Сибирский архив» за 1912 г. «о первом кружке тюменских общественных работников, объединенных одной общей идеей бескорыстного служения своей родине» (о кружке К.Н. Высоцкого).

71. Белов, С.Л. Н.М. Машаров: финал истории / Стас Белов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 105–108: ил. — (Поиски и находки).

Благодаря архивным источникам автору удалось рассказать о последних днях тюменского магната.

72. Ефремов, В.А. Листая архивы (документ с комментариями) / Владимир Ефремов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 130–131. — (Загашник «Лукича»).

Приводимый документ содержит сведения о старинных монетах — плахах, имевших хождение в Тюмени в первой трети XVIII в.

73. Зотин, Ю.С. Врач из сельской больницы / Юрий Зотин // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 143–145. — (Возвращение имени).

О Д.А. Миловидове — общественном деятеле, в начале XX века работавшем врачом сельской лечебницы Тюмени.

74. Карнацевич, С.И. Память о прошлом / Станислав Карнацевич; публ. и подбор ил. Л.В. Боярского; коммент. Стаса Белова // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 28–64: ил. — (Знаменитые тюменцы).

Воспоминания выдающегося тюменского врача-педиатра С.И. Карнацевича (1891–1977).

75. Миловидов, Д.А. Смысл жизни / Д.А. Миловидов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 146–152. — (Возвращение имени).

Речь Д.А. Миловидова, произнесенная на «Празднике молодежи», устроенном местным общественно-педагогическим кружком и родительским комитетом 3 мая 1915 г. для выпускников реального училища и женской гимназии.

76. Уиндт, Г. де. Сибирь как она есть / Г. де Уиндт; пер. с англ. Ф. Корандея // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 3–22: ил. — (Глазами путешественника).

Перевод главы о тюменской пересыльной тюрьме из книги английского путешественника, изданной в 1892 г.

77. Карнацевич, С. Учеба в высших учебных заведениях; Очерки старой Тюмени / Станислав Карнацевич; коммент. Ю. Зотина // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 16–113. — (Знаменитые тюменцы). — (Оконч. Нач. в ч. 32 за 2010 г.). — (В оглавлении заголовков: Память о прошлом).

Вторая часть воспоминаний выдающегося тюменского врача-педиатра.

78. Кубочкин С.Н. Из первой когорты: к биографии В.А. Вановского / Сергей Кубочкин // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 145–149: ил.

О политическом ссыльном.

Литературное краеведение, критика, рецензии

79. Белобородов, В.К. Милый «Лук & Чок» / Валерий Белобородов // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 1.

Добрые пожелания долгожданному изданию «Лук & Чок», его редактору и читателям.

80. Корандей, Ф.С. Та специфическая таинственность : книга Владимира Богомякова о тюменской земле / Федор Корандей // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 31–34. — (Критическим оком).

Рец. на кн.: Богомяков, В. Г. Региональная идентичность «земли Тюменской»: мифы и дискус / В. Г. Богомяков. — Екатеринбург, 2007.

81. Мандрика, Ю.Л. О покойниках из Юркиного кондуита и других живых людях / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 84–92.

О местных книгоиздателях, добросовестности ученых, талантливом художнике А. Кухтерине и энциклопедии тюменских имен Юрия Зотина.

82. Мандрика, Ю.Л. Слово редактора / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 3–4.

Редактор стенной газеты об особенностях своего нового издания.

83. Мандрика, Ю.Л. Иркутская история, или Что я предложу «Книге года» / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 125–132. — (Клеветон).

Критические замечания по изданию, продаже краеведческих изданий в Иркутске и Тюмени, а также объективности работы жюри конкурса «Книга года» в Тюмени.

84. Мандрика, Ю.Л. [Многострадальный номер] / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 2. — С. 1.

Обращение к читателям и об изменениях в топонимике города.

85. Боярский, Л.В. Аркадий Иванов и «наивные писатели» Тюмени / Лев Боярский // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 39–41. — (Штудии).

О мемуарах А.И. Иванова, относящихся большей частью к 1960-м годам.

86. Мандрика, Ю.Л. [Новые формы выражения] / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 1.

Издатель и редактор о публикациях третьего выпуска стенной газеты.

87. Мандрика, Ю.Л. От среды к ... седьмой пятнице / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 89–96. — (Клеветон).

Критические замечания редактора об отношении тюменских чиновников к развитию разных видов краеведения в городе; о трудностях с изданием краеведческих материалов.

88. [Федорова А.В.] Виртуальный эпистолярый / коммент. Ю. Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 3. — С. 157–165. — (аХЕРтектура).

Письмо-рецензия на предисловие издателя Ю.Л. Мандрики, помещенное в книге Е. Ганопольской, вышедшей в серии «Тюмень полосатая». Приводится ответ издателя.

89. Мандрика, Ю.Л. Не ездите в Сочи. На халяву... / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 159–168. — (Клеветон).

Критические заметки о командировке в Сочи на «журналистский сейшен».

90. Мандрика, Ю.Л. [Подводя черту] / Юрий Мандрика // Лук & Чок. — 2009. — Вып. 4. — С. 1.

Предисловие издателя и редактора к четвертому завершающему выпуску стенной газеты.

91. Еманов, А.Г. Новое направление в урбанистике / Александр Еманов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 113–115. — (Рецензии).

Рец. на кн.: Кононенко, А.А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. / А.А. Кононенко. — Тюмень, 2009.

92. Макурова, Ю. Слышим знакомый голос... / Юлия Макурова // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 66–67. — (Возвращение имени).

О тюменском поэте Владимире Белове (1949–1983).

93. Мандрика, Ю.Л. Жить по эвклидовой геометрии / Юрий Мандрика // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 109–112. — (Клеветон).

Причины, по которым не увидел свет пионерный номер краеведческого журнала «Большое городище», спровоцировавший возвращение «Лукича».

94. Макурова, Ю. Честные стихи о любви / Юлия Макурова // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 150–151. — (Возвращение имени).

Предисловие к публикации ранее неизвестных стихотворений В. Белова.

95. Мандрика, Ю.Л. Береза, посаженная ректором Х. (икс) // Юрий Мандрика // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 173–178. — (Клеветон).

Размышления о роли должности в истории и давлении статусного положения на его носителя.

96. Мандрика, Ю.Л. Наследство / Ю. Мандрика // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 179–180. — (Мелочь пузатая).

Прощаясь с читателями, редактор оставляет в наследство краеведам сюжеты, с которыми так и не удалось разобраться.

Художественная литература

97. Ганопольская, Е. Любовь № 18/19 / Елизавета Ганопольская // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. 5–12. — (Поэзы).

98. Белов, В.И. Стихи их архивов / Владимир Белов // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 67–94. — (Возвращение имени).

Подборка стихотворений тюменского поэта Владимира Белова (1949–1983).

99. Белов, В.И. Который год мне снится тот же сон... / Владимир Белов; публ. Юлии Маковой // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — 151–164. — (Возвращение имени).

Подборка ранее не публиковавшихся стихотворений тюменского поэта Владимира Белова (1949–1983).

Искусство

100. Федорова, А.В. Печатное народное творчество / Анастасия Федорова // Лукич. — 2010. — Ч. 32. — С. 132–140: ил. 5 с. — (Искусство).

Книжная графика тюменского художника А. Кухтерина.

101. Кубочкин, С.Н. Остатки прежней роскоши (Тульские оконные приборы XIX — нач. XX в.) / Сергей Кубочкин // Лукич. — 2011. — Ч. 33. — С. 165–172. — (Сообщение).

Оконные приборы (ручки, шарниры, шпингалеты, форточные завертки и т. д.) производства тульских мастеров широко использовались по всей России, в т. ч. и в Тюмени.

Религия и церковь

102. Макманеман, О.В. Современное богомолье (из путевых заметок) / Ольга Добрынина // Лук & Чок. — 2008. — Вып. 1. — С. — 13–22. — (Чистописание).

О паломнической поездке к чудотворной иконе Божией Матери Чимеевской.

*Составители
Надежда Антуфьева
и Елена Суцая*

*Именной указатель стенной газеты «Лук & Чок»
и № 32–33 журнала «Лужич»*

- Альтшуллер М.-М. — 41
 Альтшуллер Ш.Н. — 41
 Алябьев А.А. — 50
 Баитов Г.Б. — 70
 Балюнов И.В. — 25
 Балюнова Е.А. — 9, 25
 Белобородов В.К. — 28, 79
 Белов В.И. — 98, 99
 Белов С.Л. — 41, 42, 57, 63, 71, 74
 Бельский И.М. — 64, 74
 Богомяков В.Г. — 80
 Богучарский В.Я. — 17
 Боярский Л.В. — 42, 64, 67, 74, 85
 Брандты — 42
 Бурбулон — 69
 Бурков А.В. — 65
 Бурков В.В. — 65
 Бурков В.П. — 65
 Бурков Г.В. — 65
 Бурков Н.В. — 65
 Буркова Л.Н. — 65
 Бьюри Г. — 23
 Вагин В.И. — 5
 Вановский В.В. — 78
 Вардропер Э.Р. — 23
 Вардроперы — 23
 Веригин П.В. — 2
 Виггинс Д. — 23
 -всв- см. Потанин Г.Н.
 Высоцкий К.Н. — 68, 70
 Гагарин М.П. — 33
 Ганопольская Е.М. — 88, 97
 Гацкий А.С. — 11, 68
 Горбачева Н.Н. — 1
 Городцов В.А. — 3
 Городцов П.А. — 3, 22,
 Губернатис. А. ди — 13,
 Дикк С. — 18,
 Дедушка Фаддей, см. Филимо-
 нов Ф.Ф.
 Добрынина О. см. Макмане-
 ман О.В.
 Дунин-Горкавич А.А. — 9
 Еманов А.Г. — 91
 Ермак — 31
 Ефремов В.А. — 30, 35, 44, 58, 66,
 72
 Жаромских Е. — 3
 Завалишин И.И. — 27
 Залетный — 45
 Звагельские — 53
 Знаменский М.С. — 7, 8, 28
 Зобнин Ф.К. — 4
 Зотин Ю.С. — 46, 59, 60, 73, 77, 81
 Иванов А.И. — 67, 85
 Йенсен О.Ф. — 18
 Ик-в А. — 36
 Иконников В. — 37
 Камочкин И. — 65, 66
 Карнацевич С.И. — 74, 77
 Кеннан Д. — 23
 Клеменц Д.А. — 10
 Колокольниковы — 44
 Комарова Т.С. — 24
 Кононенко А.А. — 91
 Константинов Н. — 62
 Корандей Ф.С. — 14, 19, 23, 49,
 76, 80
 Костюрин В.Ф. — 17
 Костюрина М.Н. — 10
 Котто Э. — 13, 14, 32
 Кочнев П.Ф. — 59
 Кубочкин С.Н. — 78, 101
 Кухтерин А.С. — 81
 Кушелевский Ю.И. — 38
 Ланделл Г. — 23

- Майорова О. – 54
Макурова Ю. – 92, 94, 99
Макманеман О.В. – 102
Мандрика Ю.Л. – 4–6, 10–12, 15–18, 50, 61, 62, 68, 81–84, 86–90, 93, 95, 96
Мардсен К. – 23
Машаров Н.М. – 71
Миловидов Д.А. – 73, 75
Носилов К.Д. – 4
Он – 39
Павлов А.А. – 5, 51
Панишев Е.А. – 26, 29, 31, 33
Потанин Г.Н. – 5, 6, 24, 52, 60
Разин Стенька – 43, 54
Репечек И. – 64
Родионов Л. – 64
Рылов М.А. – 6, 11, 53
Рылова А. – 54
Серебренников П. – 58
Сибом Г. – 23
Скалозубов Н.Л. – 24
Словцов П.А. – 1
Т. – 55
Темплинг В.Я. – 2, 3, 15, 18, 22
Типикина Л.А. – 65
Тюменский театрал – 56
Тюфин Н. – 59
Уиндт Г. де – 19–21, 76
Унжаковы – 46, 60
Федорова А.В. – 88, 100
Филимонов Ф.Ф. – 12
Ч. – 40
Чукмалдин Н.М. – 15, 16, 18
Чукмалдина А.И. – 18
Шабунин – 34
Шарапов С.Ф. – 15, 16, 18
Швецова Е.П. – 8
Ядринцев Н.М. – 45, 68
Poussielle A. – 69

Надежда Антупьева

Артур Васильевич Чернышов

20 марта 2015 года скончался историк, библиограф, член Союза писателей России, автор двух книг прозы «Разнолетье» (1993) и «Блики» (1994) Артур Васильевич Чернышов. Но не столько художественными произведениями сохранится память о жизни и трудах великого труженика, сколько документальными, библиографическими и публицистическими его изданиями. Еще при его жизни один из тюменских ученых сказал, что Чернышов работает, как целый научно-исследовательский институт.

Родился Артур Васильевич 22 июля 1942 г. в селе Куриловка Усманского района Липецкой области. Ни отца, ни матери он не помнит. Отец его – солдат Василий Макарович Чернышов погиб под Сталинградом, мать Аграфена Дмитриевна погибла от ранения в грудь, когда мальчику не минуло еще и двух лет. Детство круглого сироты прошло в детских домах. Время было суровое, голодное: по весне собирали крапиву и готовили из нее витаминный суп; редким лакомством был жмых, которым жившие впроголодь детдомовцы набивали свои карманы во время экскурсий на местный маслозавод. Потом он учился в ремесленном училище, с 14 лет работал слесарем на разных предприятиях. В 17 лет поступил в 8-й класс Липецкой школы рабочей молодежи. Открывшийся мир литературы увлек его. Зарубежных авторов захотелось читать в подлиннике, и он стал самостоятельно изучать французский и итальянский языки. Получив среднее образование, снова работал слесарем и поступил на заочное отделение исторического факультета Воронежского государственного университета. Начал публиковаться в липецкой областной газете. В университете появился интерес к библиографии, который и определил в дальнейшем сферу его научных пристрастий.

В 1964–1967 гг. А.В. Чернышов служил в армии. Демобилизовавшись, снова пришлось вернуться на завод, где легче решались ма-

териальные вопросы. В это же время создает семью.

В 1971 г. он продолжил учебу в университете, поступив снова на первый курс. Продолжая заниматься библиографией, ко времени окончания исторического факультета в 1976 г. он составил трехтомную аннотированную в полторы тысячи страниц библиографию «Комсомол Липецкого края. 1919–1970». Работа была выдвинута на соискание

премии Ленинского комсомола, но была исключена Комитетом по присуждению всесоюзных премий из списка в связи с тем, что супруга соискателя, как доискались, пела в церковном хоре. Работа была напечатана в 1977–1979 гг., но ее автор, работавший в областной молодежной газете, не только не получил премии, но лишился и самой работы. Начались осложнения и в семейной жизни.

В 1979 г. по комсомольской путевке в числе пятидесяти посланцев приехал на стройки Сургута. Работал в Сургуте, Нягани, Тюмени (1979–1989 гг.). С тех пор его жизнь оказалась тесно связанной с Тюменским краем. Он работал инженером, старшим инженером, начальником снабжения, заместителем начальника управления. С 1989 по 1992 г. был главным редактором издательского отдела творческого объединения «Лад». В 1993 г. организовал частное издательство «РУТРА» (Артур). Одновременно работал ответственным редактором Лаборатории истории и культуры Сибири исторического факультета Тюменского госуниверситета, а также научным сотрудником этой лаборатории.

С 1987 г. Артур Васильевич — главный библиограф Тюменской областной научной библиотеки. Во время служебных командировок в Москву и Ленинград самозабвенно работал в библиотеках и архивах. Уникальный библиографический указатель трехтомник «Религия и Церковь в Тюменском крае» вобрал в себя 5044 источника, начиная с XVI в. и кончая 1987 г.; при этом каждый из этих источников описан (аннотирован). Здесь монографии, сборники, газетные и журнальные статьи, внимательно выявленные в местных и столич-

ных книгохранилищах, просмотренные и проаннотированные. В хронологическом плане работа окончена записью, относящейся к 1976 г. Перед первой главой – посвящение: «С искренней благодарностью одному из предыдущих директоров Тюменской областной научной библиотеки Раисе Алексеевне Бабкиной, поддержавшей идею этой книги еще в раннюю эпоху перестройки, посвящаю».

Артур Васильевич Чернышов опубликовал более 200 работ, около 50 из которых – библиографические. Большинство работ вышли мизерными тиражами и хранятся в фондах Тюменской областной научной библиотеки, библиотеки ТюмГУ, духовного училища, в частных собраниях.

Несколько высказываний тюменских ученых и специалистов: «Ни один регион России, — считает доктор исторических наук А.Г. Еманов, — не располагает подобным информационным ресурсом!». «Указатель А.В. Чернышова, — отмечает канд. ист. наук Е.Н. Коновалова, — не имеет аналогов в современной отечественной библиографии. [...] Он давно стал “настольной книгой”, очень ценным научно-справочным пособием для каждого краеведа и исследователя Сибири». Увидеть свою книгу изданной Артур Васильевич смог лишь в 2004 г. Она напечатана издательством «Мандр и К^а» и на книжной ярмарке в Новосибирске в разделе «Краеведение» была удостоена малой золотой медали.

В последние годы совместно с учеными ТГУ и ТюмГНГУ вышел 21 сборник научных статей и документальных материалов «Религия и Церковь в Сибири»; пять выпусков «Старообрядчество в Тюменском крае», «Черные дни русского православия», «Предыстория Тобольско-Тюменской епархии в послевоенные годы, 1947–1990». Скрупулезно собрана и обработана совместно с В.А. Курмачевым история тюменских храмов, как выживших в богоборческие времена, так и уничтоженных. В периодической печати выступал с историко-краеведческими статьями, многие работы связаны с историей православной церкви.

«Можно позавидовать работоспособности Артура Васильевича, умению организовать свой творческий процесс, — говорит

главный специалист Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева О.Ю. Левина. — Библиографическая работа предполагает наличие у библиографа скрупулезности, дотошности, точности, внимательности. Все это классическим образом сочетается в Чернышове. Да плюс еще азарт, одержимость и какая-то фанатическая производительность труда. Безусловно, А.В. Чернышов — один из лучших библиографов нашего края, пример того, что иной любитель иногда может перевесить на чаше весов профессионала».

Большинство исследователей знают, какие труды надо приложить, чтобы обнаружить в архивных документах нужную дату, имя, факт. Артур Васильевич выписал из проработанных документов огромные абзацы в общие тетради, снабдил их предметным указателем и сдал на хранение в краеведческий музей им. И.Я. Словцова. И все это делал, не состоя на службе ни в одном учреждении. Не спрашивая зарплату. Жил и работал на свою мизерную пенсию. Набирал тексты на обыкновенной старой пишущей машинке. Было у него их целых три, да только перестали продавать копировальную ленту для этих машинок. Столько переживаний испытал из-за остановки работы! В карточном виде готово продолжение указателя «Религия и Церковь в Тюменском крае». Во всех этих трудах невозможно обозначить читательскую аудиторию, тем более границы нравственного воздействия.

Артур Васильевич Чернышов награжден орденом «Знак Почета» (1973), медалями «20 лет Победы» (1965), «За доблестный труд» (1970).

Как-то спросила у него, почему имя Артур? Он ответил: «Да какой я Артур? Может, я Николай, может Макар, Дима... Подобрали годовалым, записали как придумали. Можете звать Артемием». С этим именем и отпевали его душу в Знаменском соборе 25 апреля.

Господи, упокой душу усопшего раба твоего Артемия и сотвори ему вечную память!

Оглавление

Теплушка по гибкому тарифу 2

Забывтая Тюмень

Сергей Кубочкин. Тюменская «фабрика ангелов» (из истории
Владимирского сиропитательного заведения) 6

А.А. Рылов. Беспризорные (Записки телеграфиста).
Публ. *В. Ефремова* 39

Сквозь иглу эпох

Владимир Темплинг. Тобольский медицинский факультет XVIII в.
Начало 42

Имя в биографии области

Наталья Моторина. Этот загадочный Струве,
или Гипотеза о судьбе словцовского архива 52

Михаил Яблоков. Петр Петрович Золтс: штрихи к портрету
выдающегося человека 179

Архивная пыль

Валерий Белобородов. Обида священника Майзакова 62

Письмо [Майзакова] тобольскому губернатору.
Публ. *В.К. Белобородова* 68

Примечания к тексту письма 81

Очень старая газета

Страницы газет наших соседей
о нас, тюменцах (1898). Сост. *Юрий Мандрика* 82

Сообщения

Юрий Зотин. Биографические очерки врачей Тюмени.
Век XIX 95

Заметки редактора

Исай Давыдов (Д.И. Шейнберг). Начало планового книгоиздания в
Тюмени 102

Наследие

Наталья Харина. В память об учителе 139

Николай Коньков. Александр Гаврилович Худяков 140

Николай Коньков. Петр Александрович Попов 149

Николай Коньков. Николай Иванович Палопеженцев 159

Николай Коньков. Денис Петрович Шелудков (он же Шелутков) 171

Читалка «БГ»

- Прибытие в Сибирь. 1880-е годы в путевых описаниях.
 Опыт антологии. Ч. 2: 1886–1889 гг. *Сост. Ф.С. Корандей* 182
23. [1886, август] *O'Brien-Butler P.E. Report of a Journey Overland from St. Petersburg to Peking* // *China Review*. Vol. 17, № 2 (sept.). 1888. P. 86–88. 182
24. [1887, февраль] *Gowing L.F. Five Thousand Miles in a Sledge: A Mid-Winter Journey Across Siberia*. London, 1889. P. 237–242, 246–248. 185
25. [1887, лето] *Якубович П.Ф. (Л. Мельшин). В мире отверженных: записки бывшего каторжника*. СПб., 1896. Т. 1. С. 10–11. 189
26. [1887, вторая половина лета?] *Campbell, James. A Journey Across Siberia. The End of The Journey* // *Alexandra and Yea Standard, Gobur, Thornton and Acheron Express*. 1892. 1 3 May. P. 6. 190
27. [1887, сентябрь] *De Windt H. From Peking to Calais by Land*. London, 1892. P. 345–351. 192
28. [1888, май] *Минор О.С. Это было давно. Воспоминания солдата революции*. Париж, 1933. С. 39–45. 197
29. [1888, июнь] *Успенский Г.И. Поездки к переселенцам*. I. От Казани до Томска и обратно // ПСС. Изд. 6. Т. VI. СПб., 1908. С. 21–22. 201
30. [1888, сентябрь] *Обручев В.А. Мои путешествия по Сибири*. Москва; Ленинград, 1948. С. 6. 202
31. [1888, ноябрь] *Алексеев П.С. Как, бывало, езжали. Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу* // *Русский вестн.* 1899. Т. 263, окт. С. 600–607. 202
32. [1889, лето] *Макаревский А.Н. Политическая ссылка 1889 года: из воспоминаний* // *Пути революции: ист.-революционный журнал*. Харьков, 1926. № 4 (7). С. 91. 207

Клеветон

- Юрий Мандрика*. Рваная резина в технологии выхлопной трубы:
 Теоретики тюменского книгоиздания в поисках идентичности 209

Библиография

- Аноним*. Шесть номеров — сто публикаций 234
- Указатель публикаций в стенной газете «Лук & Чок»
 и в № 32–33 журнала «Лукич».
Сост. Н.Л. Антuffьева, Е.А. Суцая 237

In memoriam

- Надежда Антuffьева*. Артур Васильевич Чернышов 251